

УРАЛЬСКИЙ

Лесопыт

11

1962

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
И
ФАНТАСТИКА

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

(ЛЕДОПЫТСКИЕ
ДЕЛА

№11 · НОЯБРЬ · 1962

НАДЕЖНЫМ ДРУГ

Ленинградский писатель Николай Кондратьев подготовил к печати биографическую повесть «Надежный друг», в которой рассказывается о героической жизни большевика-подпольщика, мужественного и отважного командира и комиссара Эйно Рахья, награжденного двумя орденами Красного Знамени.

На долю питерского красногвардейца Эйно Рахья выпало великое счастье — быть связным Владимира Ильича Ленина, выполнять его задания и поручения. В дни последнего подполья по поручению партии он самоотверженно охранял жизнь Ленина, усердно разыскиваемого сыщиками и офицерами Временного правительства.

Мы печатаем несколько отрывков из книги Николая Кондратьева с рисунками художника В. Васильева.

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ

В понедельник 7 августа 1917 года Александр Шотман и Эйно Рахья после работы выехали в Сестрорецк.

В дороге не разговаривали: все уже продумано до мелочей, обсуждено, сведено в разумный план действий.

Одеты друзья были в те же выходные костюмы, в которых совсем недавно «проверяли несение службы» пограничными постами в районе Белоострова.

Ни читать, ни смотреть в окно вагона не хотелось. Рахья думал лишь о том, как встретится с Ильичем и отправится с ним в трудный, опасный путь.

Солнце закатывалось, и небо на западе казалось накаленным. Заметно посвежело.

— Надо спешить,— тихо напомнил Рахья, когда они вышли из вагона,— теперь ночи темные.

— Ты только не отставай. Я дорогу знаю,— сказал Шотман.

Он несколько раз по заданиям ЦК партии приезжал к Ленину, и все секреты подполья в Разливе ему были хорошо известны.

Незаметно вышли на луг, покрытый светло-зеленой, щетинистой, влажной отавой. Пахло сеном и болотной тиной. Поглядывая с неприязнью на медленно ползущий от воды плотный туман, Рахья не выдержал, обогнал товарища и обозвал его одновременно и черепахой и божьей коровкой.

По узкой тропинке прошел мимо широкого, взъерошенного, уже побуревшего стога. Внезапно шаги Шотмана обрвались. Рахья оглянулся и увидел, что товарищ беседует с какими-то плохо одетыми людьми. Рассердился — каждая минута дорога, а он болтовней занимается. Сказал по-фински:

— Какого дьявола остановился. Пойдем!

Шотман ничего не ответил.

Рахья напряг свой бас.

— Ну, что ты прилип к каким-то людям?

— Иди сюда,— сказал, улыбаясь, Шотман.

Рахья сунул руки в карман, нащупал рукоятку револьвера. Неизвестно, что за люди. Может, они привязались к Шотману. Шел, пылливо всматриваясь. Собеседник Шотмана, гладко выбритый, скуластый, лукаво смеющийся, оказался удивительно знакомым. Рядом с ним стоял худощавый усатый, чем-то не довольный человек.

И только когда подошел вплотную, узнал скуластого и стало не по себе.

— Владимир Ильич, здравствуйте. Извините, ради бога, не мог и подумать...

Ленин протянул руку, сказал:

— Ничего, ничего. Только учтите, я не Владимир Ильич, а Константин Петрович. Постарайтесь это запомнить. Садитесь, обсудим текущие дела.

Николай Александрович Емельянов расстелил запарошенное сеном старенькое байковое одеяло. Сели в кружок.

Шотман изложил план, составленный вместе с Рахьей: от Сестрорецка по железной дороге нужно доехать до станции Озерки, а оттуда пешком по Выборгскому шоссе до квартиры токаря местного завода Эмиля Кальске. Отсюда, после отдыха, Константин Петрович поедет на паровозе Ялаева в Финляндию.

Но Емельянов сказал, что, по его мнению, есть более короткий и безопасный путь.

— Пойдем по глухой, безлюдной дороге на станцию Лезашево. Там вы сядете в поезд, идущий в Петроград, и выйдете на Удельной. Так мы минуем и дачников и пограничные патрули...

Приняли план Емельянова.

Владимир Ильич поинтересовался:

— Николай Александрович, а вы дорогу хорошо знаете?

— С детства хожу за ягодами да за грибами. Дорога прямая, никуда не сворачивает,— не очень-то уверенно ответил Емельянов, на четвереньках пролез в глубокую нору и вытащил черновики рукописей, газеты, журналы, книги. Завернув их в одеяло, быстро отнес в лодку. Сидящему с веслами сыну наказал:

— Отвези, Коля, домой. Передай матери.

Из пищевых запасов в стогу сохранилось три больших свежих огурца. Шотман сунул их в карман.

— Путь длинный. Пригодятся...

Владимир Ильич подошел вплотную к Емельянову, тихо спросил:

— Николай Александрович, хорошо ли вы изучили маршрут?

Емельянов ответил не сразу.

— Всю жизнь здесь кручусь. Не заблудимся.

И пошел вперед по извилистой, узкой тропинке. Спутники старались не касаться росистых угрюмых кустов.

Шагали молча, след в след. И все обрадовались, когда вышли на ровную, чистую проселочную дорогу. Время позднее — ни гуляющих, ни прохожих.

Идущий рядом с Владимиром Ильичем Эино Рахья подумал, что вот по такой веселой, прочной колее часа за полтора можно добраться до станции. Но Емельянов неожиданно свернул с дороги на тесную тропку. За ним гуськом потянулись остальные.

Стемнело. Ноги скользили по мокрой траве. Опасаясь наткнуться на кусты и деревья, шли, вытянув вперед напряженные руки. За лесной полянкой Емельянов потерял тропинку и пошел наугад, сердито и шумно раздвигая мокрые ветви.

Запахло гарью.

— Неладно идем,— сердито сказал Шотман.— По запаху похоже — торфяной пожар.

— Все лето болото тлеет,— поспешил успокоить товарищей Емельянов.— Мы его левой стороной минуем.

Прошли несколько шагов и наткнулись на волны густого, едкого дыма. Ни неба, ни земли не видно, только густой, свирепый, слезы выжимающий дым.

— Куда ты завел нас, Сусанин? — не выдержал Рахья.— Провалимся в самую преисподнюю.

— Ничего. Жмитесь ко мне, выведу,— пообещал Емельянов.— Напрямую идем.

— Не всякий прямой путь короткий,— заметил Шотман.— Напрасно наш план отвергли.

Емельянов молча сломал сухую, тонкую березку и, прощупывая путь, уверенно пошел по теплему, взлетающему легким облачком пеплу. Земля под ногами колыхалась, как перина, и каждый невольно подумал о том, как бы не проло-

мать зыбкую, тонкую корку, не провалиться в засасывающую торфяную жижу.

Рахья злился на Емельянова — хвалился, что с детских лет здесь бродит, а вот дороги, оказывается, не знает.

— Тропинка, вот она, желанная, — облегченно вздохнул Емельянов. — Теперь до станции рукой подать.

Все повеселели, почувствовав под ногами твердую почву. Жадно дышали свежим воздухом, вытирали закопченные, потные лица.

Тропинка привела к черной, как смола, тихо мурлыкающей речушке.

— Николай Александрович, откуда она взялась? — удивился Владимир Ильич. — Вы об этом чуде природы ничего не говорили.

— Виноват. Это, видите ли, Черная. Ее и речкой-то нельзя назвать. Ручьишко. Смотрите, на той стороне колея виднеется. Я вас мигом перетащу.

Емельянов быстро снял ботинки, штаны и пошел в речку. На середине поежил, выругался:

— Ох и холодна, окаянная...

— Может, летом здесь на телеге и переезжали, а вот дожди прошли и раздули ее, проклятую, — сказал, раздеваясь, Рахья. — Не везет нам: и огонь прошли и воду...

— Так вам и надо, горе-конspirаторы, — расмеялся Владимир Ильич. — Это всем наука.

От услуг Емельянова наотрез отказался.

— Я не барышня. Сам перейду, не беспокоитесь.

Рахья пошел следом за Владимиром Ильичем. Течение тихое, но дно вязкое, скользкое, неровное. Как бы не упал...

Перешли. Торопливо оделись. По звездам Ленин определил направление, и двинулись дальше. Емельянов снова двинулся вперед, сконфуженно бормоча:

— И вдоль и поперек исколесил, а сегодня, видно, леший попутал, сбился.

— А вы позавчера дорогу проверяли? — спросил Ленин.

— Нет, — виновато признался Емельянов. — К вечеру умаялся. А главное — положился на память.

Лесная дорога потерялась, как только вышли на заросшую высокой травой поляну. Емельянов наклонился, тщетно пытаясь рассмотреть колею.

— Это весьма существенная ошибка, Николай Александрович, — укоризненно сказал Ленин. — В таких обстоятельствах надо шесть раз отмерить, на седьмой отрезать. Я вас предупреждал о необходимости дороги разведать заранее. Память — это кладовая с перманентной усушкой и утруской...

— Хватит кланяться, пошли посмотрим, — хмуро шепнул Емельянову Рахья и, обернувшись ко всем, предупредил: — Мы быстро вернемся.

Пересекли поляну и за узкой грядой кустарника увидели высокую насыпь и рельсы.

— Железная дорога! — обрадовался Емельянов. — Слава богу, сто пудов с плеч свалилось.

— Пойдем посмотрим, далеко ли станция.

Поднялись на полотно. Справа чернели какие-то постройки.

— Теперь все в порядке, — улыбнулся Рахья и торопливо пошел к товарищам. Доложил радостно:

— Станция!

— Какая? — спросил Владимир Ильич.

— Кажется, Дибунь.

— Почему — кажется? Почему не точно? Привыкайте к точности, разведчики.

— Слушаюсь! — сконфуженно произнес Рахья и побежал к станции. Чувствовал себя виноватым: дело серьезное, может, на Белоостров забрели. В лапы к пограничной охране.

Прочел четко выделяющуюся надпись «Дибунь». Выходит, зрительная память не подвела. Успел заметить, что публики на перроне не по времени много. Дачники в эту пору уже спят.

Может, военные власти проводят облаву? Или подошли пограничные патрули? Решил свои сомнения высказать Владимиру Ильичу.

Подошел к кустам. Услышал звонкий хруст огурцов. Выругал самого себя — в такой трудный путь собрался и краюхи хлеба не захватил. Расказал торопливо, взволнованно.

Ленин спокойно выслушал, попросил:

— Выясните, товарищ Рахья, все досконально. Мы не можем рисковать.

— Понимаю, Константин Петрович. Пойду все выясню.

Стараясь ступать бесшумно по скрипящему гравию, Рахья подошел к станции. При свете тускло горевших фонарей увидел бродивших по платформе юнкеров, реалистов и гимназистов. У всех за плечами сурово мерцали влажные стволы винтовок. Рахья вздрогнул, и ноги сами попятнулись назад, в густую полосу кустов. За себя он не боялся, а, кроме того, и документы его в полнейшем порядке. Но у Ленина, кроме поддельного пропуска на имя рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова, ничего нет. В Дибунах, расположенных в шести верстах от границы, пропуск может вызвать только подозрение. Как будут ликовать эти юнцы, если в их руки попадет неумлимый лидер большевиков, за голову которого назначена награда в двести тысяч золотом.

Пока отыскал спутников — успокоился и доло-

Эйно Рахья, 1917 год.

жил быстро и довольно толково. Новость всех ошеломила. Из кустов сразу же перебрались в глубокую придорожную канаву. Тревожным шепотом стали обсуждать создавшееся положение.

Чувствующий себя страшно виноватым, Николай Емельянов робко предложил пройти до Персоной — ведь до нее всего каких-нибудь две версты.

— А где гарантия, что и там нет облавы? — спросил Владимир Ильич.

— К тому же, последний поезд можем упустить, — напомнил Рахья.

— А когда уходит последний поезд на Петроград?

Рахья робко посмотрел на Владимира Ильича, тихо сказал:

— Примерно в час ночи.

— Видите, опять примерно! А для чего, спрашивается, существуют железнодорожные расписания? Удивительнейшая беспечность, горе-конспираторы. Незамедлительно отправляйтесь на станцию, узнайте, когда прибывает поезд и возьмите билеты.

Горе-конспираторы поднялись все разом. Шотман свирепо дернул Рахья за рукав, шепнул:

— Оставайся здесь. Головой ответишь, — и быстро, вместе с Емельяновым, пошел на станцию.

Прошло несколько напряженных минут. Рахья сидел, плотно прижавшись к Ленину. Рука на рукоятке револьвера. Куда это провалились Шотман и Емельянов? Донесли нарочито громко произнесенные слова:

— Как кто? Я рабочий Сестрорецкого завода, чего привязались?

— А что ты здесь делаешь в полночь? — прозвенел юношеский голосок.

— Прогуливался, а теперь поеду в город. Мои дела вас не касаются, господин унтер-офицер.

— Ах так! Следуйте за мной.

— Не имеете права хватать честных людей. Теперь свобода...

— Пошли, пошли, разберемся!

— Я буду жаловаться... Не...

Голос оборвался.

— Похоже, Емельянова задержали, — сказал Рахья настороженно прислушивающемуся Владимиру Ильичу. — Кричал, чтобы к себе привлечь всю эту ораву. И нас предупредить. Вы сидите тихонько здесь, а я выгляну. Не идет ли поезд?

Рахья, стараясь не запачкаться, выскочил из канавы, пошел вдоль насыпи, осмотрел платформу. Она была пустой.

«А где же Шотман? Неужели и его прихватили? — тревожно подумал Рахья. — Надо спросить, когда будет поезд».

Рахья вышел на освещенную платформу, и сразу же к нему подскочил юнец в форме ученика реального училища.

— Вы куда?

— В Петроград.

— Позвольте ваши документы.

— Пожалуйста.

Реалистик осмотрел штабной пропуск в Финляндию, паспорт, солидное удостоверение мастера авиационного завода, окинул взглядом модный костюм и новенькую шляпу незнакомца и сказал с уважением:

— Все в полном порядке. Сейчас, знаете, одного взяли, ужасного скандалиста, форменного босяка.

Рахья сунул документы в карман и, услышав характерное дыхание приближающегося поезда, побежал к Ленину.

Перед тем как спрыгнуть с насыпи в канаву, оглянулся и увидел Шотмана, о чем-то разговаривающего с реалистом. Обрадовался. Вот кстати подвернулся. Отвлечет внимание этого усердного молодчика.

Услышал шепот Владимира Ильича:

— Что с вами приключилось?

— Поезд идет. Идите за мной.

— А билеты?

— Проедем и так.

Поезд тяжело пыхтел на станции.

Рахья вскочил на подножку последнего вагона, подал руку Владимиру Ильичу.

— Скорее, скорее...

Удивился юношеской легкости и ловкости поднимающегося по крутым ступенькам Ленина.

Прошли в пустой вагон. Сели у окна.

— А что, если придет контролер? Накроет нас, голубчиков. Первый раз в постыдной роли зайца,— признался Ильич.

— Скандалить не будем. Уплатим штраф,— сказал Рахья.

— У меня, батенька, денег нет. Заплатите, пожалуйста, и за меня. А где же Александр Васильевич?

Рахья не успел ответить. Освещая лавки бело-красно-зеленым фонарем, в вагон вошел толстый, чем-то не довольный кондуктор.

Владимир Ильич надвинул на глаза свою кепку, подпер ладонью подбородок и притворился спящим.

Рахья подал руку кондуктору, осведомился о его здоровье.

— Да слава богу, не жалуясь. А ты откуда так поздно, Эйно?

— Был с товарищем на митинге. Чуть-чуть не опоздали. Билеты так и не успели взять.

— А, так вы безбилетники. Ну, что ж. По старой доброй памяти, так и быть, провезу зайцем. Заяц не птица, не улетит.

Кондуктор зевнул, провел ладонью по лицу, словно снимая сон, проворчал:

— Какие-то непостижимые времена наступили. Всюду митинги и сходки. И заметь, у всех Ленин на языке...

— Болтают разные глупости,— сказал Рахья, кося глаз на Ильича.

— Нет, погоди. Не так-то просто. В газетах пишут, что Ленин получил за границей два с половиной миллиона золотом. Подумать только — два с половиной миллиона! Целое состояние. Вот здорово!

— А ты видел? Читал? Веришь всяким сплетням. Может, у него и двух рублей в кармане нет. Буржуи на все идут, чтобы Ленина опорочить.

— Видеть не видел, а об этом говорят и пишут.

— Слушай, Эрkki, ты не глупый человек, а читаешь всякую дребедень.

— Не я один...

С трудом сдерживая нарастающее раздражение, Рахья крепко потер крупные, тяжелые ладони, подумал:

«Как это Владимир Ильич терпит такую клевету? Какой силой воли надо обладать, чтобы молчать и ни единым движением не выдать своего волнения. А я вот не вынес бы...»

Рахья посмотрел на загорелую руку Ленина,

словно впаянную в скулу, и, стремясь переменить разговор, спросил:

— Где твои этим летом отдыхают?

Эрkki улыбнулся.

— К теще отправил, в деревню. В городе хорошо, да жевать нечего. Плохо, когда власть временная. На будущей неделе поезду к маляшам. Соскучился,— и Эрkki стал обстоятельно и радостно рассказывать о сыновьях и дочке.

Незаметно доехали до Удельной.

— Вот мы и дома,— громко сказал Рахья.— Спасибо, Эрkki.

— Спокойной ночи, янис!

Владимир Ильич встал, молча, порывисто пожал руку кондуктору и пошел к выходу.

Кондуктор посветил фонарем, предупредил:

— Осторожно, ступеньки крутые.

Сошли. Тишина деревенская. Постояли, пока не заговорили колеса.

— Да, с Шотманом что-то случилось,— сказал Рахья.— Однако мне показалось, он вроде тоже сел.

— Снова «вроде», «показалось». Давайте усложнимся: во всем придерживаться абсолютной

! Янис (финское) — заяц.

точности. Ну, ведите. Надеюсь, в городе-то не заблудитесь?

— Не сомневайтесь. Здесь рукой подать. На углу всего один постовой и тот спит.

— Проверяли?

— Я его характер изучил. В это время он всегда клюет носом. Кто его разбудит? К лаю собак привык...

Прошли до угла по Скобелевскому и повернули на Ярославский проспект. Милиционер сидел на ступеньках дома. Его широкая ладонь стыдливо прикрывала сонную физиономию.

Рахья хотел сказать: «Видите, как умаялся, сердешный», но, взглянув на хмурое, сосредоточенное лицо Владимира Ильича, понял, что шутка неуместна. По-видимому, он озабочен арестом Емельянова и таинственным исчезновением Шотмана. На допросах они, конечно, ничего не расскажут, в подполье испытанные люди, но самими им грозит опасность...

Недалеко, должно быть, у завода гулко грохнул винтовочный выстрел. За ним громом раскатился второй и третий.

Владимир Ильич остановился, встревоженно спросил:

— Что это означает?

— Ничего особенного. Шалят милиционеры, а может, перестрелка с грабителями. Развелось всякой дряни порядочно,— спокойно сказал Рахья.— Пойдемте, пойдемте, теперь недалеко до ночлега.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Невысокая, круглолицая женщина стояла в темной комнате и, напряженно прислушиваясь, смотрела в раскрытую форточку. Керосиновый фонарь слабо освещал Ярославский проспект. Чуть слышно шезелились листья тополя и березы, а женщине казалось, что это кто-то шепчется, затаившись в темноте.

У нее очень устали ноги, ее мучила зевота, хотелось пить, но она не могла ни на шаг отойти от своего необычного поста. Она видела, как по булыжной мостовой не спеша прошли два милиционера. За их плечами тяжело покачивались стволы винтовок. «Куда это они направились? — беспокойно подумала женщина.— Может, к станции?»

Из соседнего дома выскочил какой-то человек в светлой рубашке и, озираясь по сторонам, побежал к заводу «Айваз».

Совсем близко, шумно дыша, проследовал поезд. «Наверное, последний. Неужели опять не приехали? — тяжело вздохнула женщина.— А может, их схватили юнкера... Проклятое время. Повсюду облавы, обыски».

Стекла зябко вздрогнули от гулко выстрела. За ним прозвучал второй, более приглушенный. И сразу же разноголосно залаяли собаки.

Женщина прижалась к подоконнику, пытаясь угадать, где же это стреляют. «А что, если на станции? Второй выстрел как будто револьверный. А Эйно эти дни не расстается с револьвером. Где же он? Что с ним?»

Внизу скрипнула дверь, кто-то в белом вышел на крыльцо, постоял минуту-другую и ушел. За тонкой стенкой закашляла жена хозяйина квартиры. Слабый голос попросил: «Пить...». А может, это только показалось. Женщина не двинулась с места.

По соседней улице торопливо процокали колеса.

Женщина вздрогнула и стала угадывать — кто это проехал, сколько всадников, куда они спешат... Какая длинная, страшная ночь. Хозяин квартиры Эмиль Кальске давно вернулся с вечерней смены, попил чаю и вскоре уснул.

Женщина услышала шаги, насторожилась. У калитки появились двое. Одного — сутулого, невысокого, коренастого — она сразу же узнала. Схватила белый платок. Махнула трижды. Услышала тихий знакомый голос:

— Все в порядке. Лидия нас ждет.

Долгожданные гости быстро прошли через открытую калитку к крыльцу. По деревянной скрипучей лестнице осторожно поднялись на второй этаж.

Лидия торопливо открыла дверь, шепнула, задыхаясь от радости:

— Эйно, родной, наконец-то! А я-то, глупая, всего надумалась. Ведь третью ночь дежурю...

— Успокойся. Все в порядке.

Лидия зажгла маленькую лампу, осмотрела пришедших, всплеснула руками.

— Господи, да где же это вы бродили? Ноги мокрые, грязные. Снимайте, снимайте и ботинки и носки. Да не стесняйтесь, пожалуйста, Владимир Ильич.

— Константин Петрович,— строго поправил Рахья.— Запомни.

— Хорошо,— кивнула Лидия и вышла на кухню.

Владимир Ильич посмотрел вопросительно на Рахья.

— Она у вас строгая? А вы заметили, веки совершенно красные, видно, очень устала. А, может, и плакала? Сколько мы доставили ей неприятностей, товарищ Эйно.

— Ничего. Пусть привыкает. Еще в пору ухажерства ее предупредил: Смотри, Лююли, спокойной жизни со мной не будет.

В комнату вошла Лидия, положила перед Владимиром Ильичем носки и домашние туфли хозяйна квартиры.

— Пользуйтесь, пока Эмиль спит. Это мой двоюродный брат. А возьми носки давайте-ка сюда, я постираю. Над плитой они моментально высохнут.

И сразу же унесла носки на кухню. Не прошло и двух минут, как вернулась с чайником и сухарями.

— Чем богаты, тем и рады. Закусите немножко. Судя по костюмам, дорога была длинной и тяжелой.

— Прошли огонь, воду, а если принять во внимание глотку кондуктора, то и медные трубы, — сказал Рахья.

— Огонь и вода действительно были, а вот труба — это из области фантастики, — улыбнулся Ильич. — Знаете, у кондуктора открытое, честное лицо. Он добросовестно изложил то, что думает. Штрафа с нас, зайцев, не взял. Эта откровенная беседа еще раз подтверждает истину, что мы недооцениваем, понимаете, недооцениваем агитацию среди служащих, одурманенных ядом буржуазной пропаганды.

Такого вывода Рахья не ожидал. Он думал, что Ленин страшно обижен на довольно неприятную болтовню кондуктора, а оказывается, это всего-навсего «откровенная» беседа.

— Садитесь, садитесь к столу, — напомнила Лидия. — Знаете, я еще вечером чай вскипятила. Потом подогрела дважды. А с полночи ничего не могла делать. Стояла, как статуя, и только слушала, слушала и слушала. И, конечно, думала о всяких неприятностях.

— Да, от чайку не откажусь, — сказал Ильич. — Однако, самый голодный — ваш муж. Мы ели огурцы, а он все на станцию бегал, и ему не досталось.

Чай с сухарями показался удивительно вкусным.

Лидия предложила гостю занять хозяйскую кровать, но Владимир Ильич отказался. Попросил, улыбаясь:

— Не найдется ли у вас газет типа «Нового времени» или «Биржевки»? Самые подходящие для подстилки.

Кроме газет, нашлись подушка, матрац и легкое одеяло.

Поблагодарив Лидию, Владимир Ильич улегся на полу. Рядом с ним, поближе к двери, устроился Рахья. И только задремали, раздался стук в дверь: два тихих и один громкий удар костяшками пальцев.

— Кто это? — быстро приподнялся Владимир Ильич.

— Кроме Шотмана, никто этого сигнала не знает. Сейчас посмотрю.

Рахья накинул пиджак на плечи.

Стук повторился.

Держа револьвер наготове, Рахья приоткрыл дверь.

— Александр, перекле!

В комнату вошел запыхавшийся, темный от пота и пыли Шотман. Увидев на полу Ленина, радостно всплеснул руками.

— Константин Петрович, вы здесь! Как я счастлив. Все так чудесно кончилось.

— Где же ты потерялся? — лукаво спросил Рахья. — Ложись, рассказывай.

Шотман вытер лицо, снял ботинки, потер усталые ноги.

— Видите ли, как глупо получилось. Перед самым приходом поезда ко мне подскочил браво такой реалистик и вежливо, но довольно настойчиво предупредил: «Это последний поезд. Других сегодня не будет». А у меня полная каша в голове. Уезжать нельзя, не узнав, что с вами, и остаться невозможно — заберут, как Емельянова. Нехотя лезу в вагон, а реалистик чуть ли не штыком подсаживает... И я так был ошеломлен всем происшедшим, что вместо Удельной выскочил в Озерках. Проклял все на свете. Верст пять оттяпал.

Ленин и Рахья от души захохотали, глядя на сконфуженного Шотмана. Первым спохватился Владимир Ильич.

— Что мы делаем! Шумим, хозяевам спать мешаем. Нехорошо. Давайте говорить шепотком. Это вам поучительнейший урок. Конспирация ваша, товарищи, архискверная. Вышли в поход, а компаса, карты-трехверстки, расписания поездов не приобрели.

— Вы с Емельяновым наш маршрут Сестрорецк — Озерки отклонили. А новый для нас оказался совершенно неизвестным, — попробовал оправдаться Шотман.

Владимир Ильич вплотную притянул к себе, обнял конспираторов и потеплевшим, задушевым голосом произнес:

— Не будем спорить. Все-таки мы очень удачно удрали от ищеек Керенского. Только вот ужасно обидно — Николая Александровича задержали. Надо незамедлительно предупредить его жену, чтобы она скрыла следы нашего пребывания в Разливе. Придется вам, дорогой Александр Васильевич, навестить товарища Полуян и попросить ее отправиться к Надежде Кондратьевне Емельяновой. Пусть усκοит, предупредит о возможном обыске. Там остались кое-какие мои записи. Не поднималась рука уничтожить.

— Все, все будет в порядке, — мучительно боясь с зевотой, сказал Шотман. — За Емельянова не беспокойтесь, парень бывалый, вывернется.

— Мне очень жаль ваши ноги, Александр Васильевич, но мы не можем оставлять товарища в беде. Отдохните немножко и отправляйтесь. Придется, как вы говорите, еще верст пять оттяпать.

— Меньше. Теперь скоро трамвай пойдут, — сказал Рахья. — А еще лучше — вот возьми птерку и найми какую-нибудь клячу.

Шотман встал, сокрушенно покачал головой.

— Конечно, надо идти.

— Ступай на кухню. Подкрепишься чайком, — посоветовал Рахья. — А вы спите, Владимир... виноват, Константин Петрович. Отдыхайте. Завтра снова в дорогу.

Друзья на цыпочках прошли на кухню.

Малая в чай жесткие черные сухари, Шотман сказал:

— По пути зайду к Ялаве. Еще раз все проверю. Считаю, что нам сегодня мало попало. Укка¹ нас пожалел.

¹ Укка — старик (финск.)

— Да, ночь бессонная, тяжелая. Вот уж никогда ее не забудешь. Между прочим, спроси-ка у Ялавы: понимает ли кочегар по-русски?

— Не в этом суть дела. Главное, чтобы молчал. Об этом Ялава сам побеспокоится. Ты обещал пятерку. Выручай. После революции рассчитаемся.

— Ладно. Бери в долг... без отдачи. В городе не задерживайся. Укка любит гочность.

— Это я на всю жизнь запомнил. Смотри, чтобы все было в порядке.

Рахья проводил товарища до лестницы, закрыл дверь и тихонько прокрался по скрипучим половицам к дорожному гостю.

Владимир Ильич приподнял голову.

— Александр Васильевич ушел?

— Помчался. А что это вы не спите?

— О Николае Александровиче думал. Удастся ли ему выкрутиться из лап этих церберов?

— Он нарочно шум поднял. При нем ничего подозрительного не было. Отпустят. Все-таки завод оборонный, а Емельянов прекраснейший мастерской. Не волнуйтесь, Константин Петрович, отдохайте.

— Попробуем. Ни слова больше.

Рахья посмотрел на часы. Четверть пятого. Скоро проснется дом.

Поворочались, поворочались на шуршащем ложе — уснули.

Рахья проснулся от писка двери. Кто-то прыгнул к нему на живот, схватил за нос. С трудом открыл глаза, увидел маленькую дочку хозяина Рауху.

— Дядя Эйно, ты почему это сегодня на полу валяешься?

— Ты откуда взялась, стрекоза? Марш спать.

— А я не хочу! Ты что-то обещал принести?

— Тихо, тихо! В следующий раз принесу шоколадку — только уходи.

— А у меня есть шоколадка, — услышал Рахья ласковый голос Ильича. — Иди сюда, кроха, познакомимся...

— А я совсем и не Кроха. Я — Рауха...

В дверях показался сконфуженный Эмиль Кальске. Поманил дочку рукой, сказал виновато:

— Извините, пожалуйста. Не досмотрел. Ускакала. Рауха, иди сюда.

— А я хочу к дяде. У него шоколадка.

Владимир Ильич взял девочку на руки, спросил:

— Какое красивое имя. А что оно означает?

— По-фински Рауха, по-русски — мир, — улыбаясь, сказал Кальске. — Под пушку родилась, а мы не хотели войны. И вот назвали дочку — Мир.

— Чудесное, великолетное имя. Рауха. Мир, — выразительно, громко повторил Владимир Ильич, приглаживая растрепанные после сна волосы девочки. — Скоро будет мир. Не-пре-мен-но!

Владимир Ильич достал из кармана пиджака маленькую шоколадку и положил в крошечную розовую ладошку.

— Спасибо, дядя... дядя...

— Дядя Костя, — подсказал Рахья. — Сходи-ка, разбуди тетю Лиду.

— Она уже встала. Чай греет, — сказал Кальске. — Вот какая ты чепоседа. Разбудила наших гостей. Мне стыдно, что вы отдыхали на полу. После завтрака ложитесь на мою кровать.

— Сначала мы с вами поговорим о заводских делах. Вы никуда не спешите?

— До трех часов в полном вашем распоряжении.

— Прекрасно! Вы, кажется, работаете на «Ай-вазе»...

Рахья встал, прошел на кухню, поцеловал жену, попросил:

— Сбегай в магазинчик, купи чего-нибудь к чаю. Надо угостить как полагается.

— Понимаю, но я на работу сильно опоздаю.

— Я позвоню твоему начальнику. Объяснюсь с ним по-душам. Вот тебе денежки... Сам бы выскочил, да не могу. Все как будто на посту.

— Ладно. А ты посмотри за чайником. Я быстро вернусь. Да вот отнеси ботинки и носки гостю.

Рахья заметил — носки чистые, сухие и пятки аккуратно заштопаны. Ботинки начищены до блеска. Подумал с глубокой благодарностью и нежностью: «И когда только успела. Молодец, ничего не скажешь, молодец моя Лююли...»

ВСЕ ИДЕТ ХОРОШО

...Вечером 9 августа из маленького деревянного домика № 11 по Ярославскому проспекту вышли Ленин, Шотман и Рахья. В старом простом костюме и помятой, выцветшей кепке Владимир Ильич выглядел как обычный питерский рабочий.

Шагали молча, быстро, боялись опоздать на поезд.

Встретили двух милиционеров с винтовками. Один из них хотел остановить прохожих, но Рахья провел рукой по горлу.

— Некогда братцы, опаздываем на поезд, — и пошел еще быстрее.

У станции Удельная Шотман посмотрел на часы, облегченно вздохнул:

— Слава богу, еще восемь минут в нашем распоряжении. Напрасно нервничали.

— Пройдемте немного подальше, где нет фонаря, — закуривая, предложил Рахья. — И там, как условились, остановится паровоз.

В темноте Владимир Ильич торопливо вытащил из кармана сложенную пополам тетрадь¹ и, передав Шотману, шепнул:

— Берегите. В случае неприятности со мной незамедлительно передайте кому-либо из членов ЦК.

— Не беспокойтесь, Константин Петрович. Подготовка исключает неприятности...

— Раньше времени не хвалитесь. Дорога длинная и трудная.

— Дорога в руках машиниста, а это — надежные руки, — вмешался в разговор Рахья. — Он меня заверил: «Все пойдет хорошо»...

— Поезд показался, — предупредил Шотман. — Будьте готовы. Он стоит всего две минуты.

— Без нас не уйдет, — доставая новую папиросу, заметил Рахья.

Крошечный огонек замерцал светлячком, предупреждая зоркого машиниста Гуго Ялаву: «Мы здесь, все в порядке».

Дачный поезд № 71 подошел к станции Удельной. Паровоз остановился напротив трех спутников.

Рахья бросил к рельсам папиросу.

¹ Тетрадь ленинских выписок — «Марксизм о государстве».

— Счастливого пути,— чуть слышно шепнул Шотман.

Владимир Ильич поднялся по ступенькам на фортук паровоза.

— Куда это на ночь глядя? — по-фински проворчал машинист Гуго Ялава.

— К себе на дачу в Териоки,— выразительно произнес условную фразу Рахья.— Журналист Константин Петрович хочет ознакомиться с работой паровоза.

— Машина пойдет хорошо. Присаживайтесь бочком рядом со мной на «козел».

Владимир Ильич снял пальто, повесил на крюк за спиной машиниста и сказал кочегару:

— Я ваш помощник. Отдохните, а я пока работаю.

Кочегар Нервянен пожал широкими плечами, ухмыльнулся.

— По-русски... не понимаю... извиняюсь.

— Научитесь,— сказал Ленин и стал не спеша аккуратно укладывать дрова в клетку.

Довольный неожиданной сменой, кочегар присел на чурбак и, улыбаясь, стал набивать трубочку-носогрейку.

Рахья прошел в первый вагон, Шотман — во второй.

Более половины скамеек были свободными. Сидевший напротив Рахья молодой парень подложил ладонь под щеку и сразу же задремал.

«Вот счастливый теленок,— подумал Рахья.— А я три ночи не спал, и хочется уснуть, и страшно глаза закрыть. И в голове только одно крутится-вертится — как бы проскочить этот окаянный Белоостров. А что, если какой-нибудь сверхусердный цербер на паровоз заглянет... Все провалится».

На остановках Рахья выскакивал на перрон, пытался угадать, что думают лениво шагающие юнкерские и солдатские патрули, незаметно поглядывал на паровоз.

Время тянулось страшно медленно, нарастало и мучило раздражение — чего этот тихоня Ялава так долго стоит на каждой дачной станции?

Наконец-то дотащились до Белоострова. Как только поезд остановился, в вагон вошли пограничники и таможенные чиновники. Рахья сидел у самого входа, охотно и весьма любезно предложил проверяющим свои безукоризненно правильные документы.

— Что-то вы часто стали ездить? — сказал старший стражник, возвращая Рахья документы.

— Время-то летнее. И покупаться можно, и рыбку половить,— улыбаясь, ответил Рахья.— В вагоне душно, будьте любезны, разрешите немножко погулять.

— Пожалуйста! Гуляйте себе на здоровье...

Выскочив из вагона, Рахья столкнулся с Шотманом. Почти одновременно повернули головы влево.

Паровоз вздохнул, как усталый человек, и медленно побрел к водоливной колонке.

Рахья подтолкнул локтем Шотмана.

— Молодец Гуго. Уговор соблюдает твердо. Зайдем-ка в буфет. У меня совсем горло пересохло.

— Это от лишних переживаний. Терпи, терпи! Прошли в буфет. Взяли по бутылке лимонада. Выпили. Вернулись на перрон. Шотман посмотрел на часы. Удивился.

— Что такое? Еще девять минут ждать. Твоя разлюбезная тоже едет, видел в третьем вагоне. Она была у своих?

— А как же! Все подготовлено. На лошади должны встретить.

Мимо беседующих, тонко позванивая шпорами, важно проплыли два молоденьких, туго затянутых ремнями, только что выпорхнувших из училища прапорщика. Донесли слова:

— Будущее принадлежит военным типа Корнилова. Большевиков может скрутить твердая рука, облеченная диктатурой...

— Чего они здесь вынюхивают? — протирая пенсне, спросил Шотман.— Кавалеры...

— Мелкая, но весьма вредная дрянь,— поморщился Рахья.— Сколько там еще осталось ждать?

Ударил звонок.

— А Гуго не торопится. Правильно сказал: «Все пойдет хорошо»,— скупой улыбнулся Шотман.

— У него нервы покрепче, чем у нас с тобой, трепанных.

Гулко прокатился второй звонок.

Паровоз № 293 спокойно пыхтел у колонки. К Рахья подошел знакомый головной кондуктор, тихо сказал:

— И чего это там Ялава копаются? Пора уже отправляться.

— У него все рассчитано. Не опоздает.

С третьим звонком паровоз подошел к поезду. Кочегар Нервянен и Ялава быстро и привычно прицепили вагон.

Прыгая на подножку, Рахья услышал голос Ялавы:

— Не волнуйся, головной. Мои часы точнее твоих. Все пока идет хорошо.

Звонкая, продолжительная, торжествующая песня паровоза пролетела по берегам реки Сестры и загрохотала по еловой роще.

Рахья сел к окну, достал из кармана измятую газету, но читать не мог. Ни с чем несравнимая, огромная радость не давала сосредоточиться на мелких строчках, и губы сами, в лад колесам, шептали:

— Все идет хорошо... Все идет хорошо...

И, кажется, поезд летит на крыльях, а навстречу ему бегут и приветливо машут ветвями деревья.

Рахья встал и тихонько, хрипловатым баском запел старинную песню о березе, подпирающей серое облако, которую пел после полудни отец. Песня была короткой, и Рахья тянул одни и те же слова, пока не приблизилась знакомая зеленая станция Териоки. И сразу же Рахья выскочил из вагона и поспешил к паровозу. Увидел Владимира Ильича, двумя руками пожимающего огромную, маслянистую ладонь машиниста Ялавы.

Моросил мельчайший дождик. Постройки и деревья были седыми. К Ленину подошел розовый, очень веселый Шотман, взял под руку, отвел к липам, сказал:

— До свидания, Константин Петрович. Я поеду, как условились, дальше.

— Жду от вас хороших вестей. Да, чуть не забыл главное: тетрадка целая?

— А как же! Вот она, ваша тетрадка, в полной сохранности.

Ленин вложил синюю тетрадь в потайной карман, сказал, шуря добрые карие глаза:

— Счастливого пути, дорогой Александр Васильевич. Вы на колесах, а мы пешком...

— И у нас должны быть колеса, да вот что-то лошади не вижу,— смущенно пробормотал Рахья.

— Может, опаздывает, а может, по хозяйству занята,— сказал Шотман.— Здесь ждать не советую. Идите потихоньку.

— А ты посмотри Лидию с Иоганом. У тебя время еще есть в запасе. Передашь им: мы пошли по песчаной проселочной.

Дорога была влажной, скользкой. Ильич смеялся, хвалил Ялаву.

— Необыкновенного самообладания человек. Вот это мастер конспирации. И как он чудесно меня успокаивал: «Паровоз идет хорошо. Все будет хорошо. Не мучай дрова, отдохни, пожалуйста, немножко...»

— Испытанный парень. Он на паровозе многих дружинников от гибели увез.

— Беспартийный?

— Как вам лучше пояснить: на словах — финский социал-демократ, а на деле — наш, большевистский человек. Одиннадцать лет тому назад мы вместе работали на Финляндке. Возглавляли стачечный комитет. Меня за резкость и прямоту сразу выгнали. А его, как лучшего машиниста, припугнули, но оставили.

Издали донеслось позванивание колес о камни дороги.

Рахья остановился:

— Должно быть, наши едут. Подождем немножко.

Капли дождя крошечными молоточками приколачивали рыжие гвоздики-хвои к земле. В умытой, свежей роще хорошо пахло смолой и грибами.

Вскоре показалась молодая резвая лошадка, запряженная в бричку.

— Где это вы потерялись? — сердито спросил Рахья.

— Тяхти¹ испугалась паровозного гуда и понеслась. Иоган с трудом удержал ее. А тут, слава богу, Шотман подвернулся, говорит: «Догоняйте, они по лесной дорожке пошли...»

Владимир Ильич сел на мягкое, душистое сено, виновато спросил:

— А не тяжело ей? Все-таки, четыре седока...

¹ Тяхти — звезда (финск.)

— Молодая, здоровая,— сказал Рахья.— Надо еще троих посадить в наказание, чтобы не носилась, перкеле...

Владимир Ильич поинтересовался, как зовут хозяйина и хозяйку, сколько у них детей. Встретившись повторил:

— Десять человек!.. А я одиннадцатый едок. Вот этого я никак не ожидал.

— А вы не пугайтесь, Константин Петрович! У нас хоть небольшое, но свое хозяйство. Будете самым желанным гостем,— сказала Лидия Петровна.

— Проще сказать — своим человеком,— добавил Рахья.

— И все-таки я постараюсь у вас не задержаться.

Рахья хотел возразить, но не успел: громко заржала лошадь, предупреждая о приближении Ялкалы.

Около домика, стоявшего на опушке леса, блеснул фонарь «летучая мышь».

— Отец встречает,— сказала Лидия Петровна.— Вы не стесняйтесь, Константин Петрович, старики у меня простые, радушные люди.

Иоган остановил лошадь и первым спрыгнул с брочки.

На крыльцо вышла хозяйка дома Анна Михайловна, выскочили ребятишки — Эверт, Вернер, Аня.

Рахья представил гостя:

— Константин Петрович Изанов, знакомый нам журналист.

Ленин, улыбаясь, поздоровался со всеми за руку. Детям сказал:

— А вот гостинцев-то я не захватил. Винават. Спешил очень. Привезу в следующий раз.

Хозяйка погрозила сыновьям пальцем.

— Спать, спать, полуночники!

Обращаясь к гостю, предложила:

— А мы сегодня баню истопили. С дороги хорошо бы вам помыться.

Владимир Ильич не скрыл радости.

— С превеликим удовольствием!

— А вначале прошу к столу. Покушайте. Путь-то дальний, поди, проголодались...

— На этот подвиг всегда готовы,— воскликнул Рахья.— Брочка шибко протрясла. Живот настоятельно требует пополнения. Пойдемте-ка сполоснем руки.

Прохладная вода приятно бодрила, снимала усталость.

Лидия Петровна усадила гостя на диван, налила кофе, пододвинула поближе тарелку с карельскими пирожками. Они были свежими, румяными, сборчатыми, аппетитно похрустывали на зубах. Владимир Ильич ел да похваливал:

— До чего же вкусно! Какие чудесные пирожки. Ничего подобного никогда не едал...

— Кушайте на здоровье. Вот творог, масло маминого производства,— подбадривала гостя Лидия Петровна.

Пока ужинали, Аня Михайловна собрала белье мужа, робко предложила:

— Вы приехали налегке, без вещей. Если не побрезгуете, вот оно, конечно простое, грубоватое...

— Ничего, подойдет! — вместо гостя ответил Рахья.— Константин Петрович тоже человек простой, хотя журналист весьма знаменитый. Было бы свежее... Воды-то хватит?

— Хватит! В крайнем случае на кухне возьмем...

Банька была маленькой, чистенькой, с отдельной опрятной раздевалкой. Увидев зеленые, подвешенные к потолку веники, Ильич обрадовался.

— Попаримся по русскому обычаю.

— Финны, как видите, тоже парятся,— улыбнулся Рахья.— Это вам не Разлив...

— Представьте себе, не помню, когда мылся последний раз в бане. Такая у меня архискверная этапная жизнь.

— Ничего! Все хорошо пойдет,— рассмеялся Рахья.— И попаримся вволю, и спины друг другу потрем, как полагается.

— Вот именно. Как полагается. На основе полнейшей взаимности...

Из бани вернулись румяные, довольные, веселые.

— С легким паром! — встретила их хозяйка.— Идите за мной, покажу вашу комнату.

— Благодарю, благодарю! — поклонился Владимир Ильич.— Извините нас. Очень мы вас задержали. Нарушили ваш распорядок.

Под жильё гостю хозяйка приспособила пристройку, в которой раньше была молочная. У стены стояла кровать, у окна стол и два стула.

Комиссар стрелкового корпуса Эйно Рахья, 1931 год.

— Очень, очень удобные хоромы,— сказал Владимир Ильич.— Комнатка совершенно изолированная. Я никому не буду мешать.

— И вам никто не будет мешать работать. Это главное. Спокойной ночи, Константин Петрович. — Спокойной ночи, Анна Михайловна.

Подшел к столу, нажал на крышку ладонями. Улыбнулся: «Сделано прочно, надежно. Все прочно и надежно в этом удивительно гостеприимном доме».

Простыни были чистыми, приятно шуршащими. Пахло полевыми цветами, хотя их не было в комнате.

«Матрац набит сеном,— снова улыбнулся Ленин.— Какая благодать. Первая по-человечески устроенная постель за два месяца скитаний. Что и говорить, мир не без добрых людей».

Три года назад я написал письмо в редакцию газеты «Юманите» с просьбой сообщить адреса французозов, с которыми мог бы вести дружескую переписку и обмениваться марками и открытками. Но газета напечатала письмо, и в течение первого месяца мне пришло из разных городов Франции около 300 ответов. Я отобрал десять человек. Письма их были проникнуты глубокой симпатией к Советскому Союзу.

Кто мои корреспонденты? Рабочие разных профессий, инженеры, артисты, художники.

О чем они пишут? О своей жизни, о местных обычаях, делятся воспоминаниями, сами задают много вопросов. А иногда рассказывают об удивительно интересных случаях. Вот один из них.

Моему старшему по возрасту французскому другу Мюра Гектору уже 72 года. Живет он в Париже, артист, проработал на сцене 52 года. Сейчас на пенсии. Не так давно я получил от него большое письмо, содержание которого меня очень заинтересовало. Вот его сокращенный перевод.

«Дорогой друг! Во время моей продолжительной работы на сцене я встречался со многими людьми. О некоторых встречах и знакомствах я вспоминаю с чувством горечи и досады. Но были встречи, о которых я вспоминаю с большим удовлетворением.

...Это было в 1912 году. В то время во Франции имел большой успех поэт Монтегю — песенник-революционер, активный, крайне левый, социалист, замечательный актер. Никто, как он, не волновал так народные массы в его эпоху. Концертные залы, где выступал Монтегю, всегда были заполнены до предела. Он написал более 3000 песен и монологов. Среди них «Песня молодых гвардейцев», которую до сего времени поет передовая молодежь Франции...

Исполнитель песен Монтегю, я вскоре стал его другом. Об этом свидетельствует надпись, сделанная мне на первой странице его книги «Песни великой войны».

В зимний вечер 1912 года я и Монтегю выступали в одном театре-варьете в Париже. Я сидел в его уборной, когда внезапно вошел режиссер и предупредил Монтегю, что один из его друзей хочет с ним поговорить и передал записку со своей фамилией. Я вышел из уборной и в дверях столкнулся с рыжеватым человеком, небольшого роста, с огромным лбом. После концерта я спросил друга: «Ну, что твой визитер? Еще один проситель денег?» Но Монтегю с гордостью ответил: «О, нет! Это русский революционер, политический эмигрант. Он часто приходит послушать и повидать меня».

А время шло. Новые события, войча... Октябрьская революция в России...

В феврале 1918 года, приехав с фронта в отпуск в Париж, я встретил Монтегю. Мы, естественно, говорили о войне. И тогда он мне сказал: «Помнишь ли ты русского эмигранта, который приходил ко мне в тот вечер 1912 года в варьете?» — «Да, помню!» — ответил я. — «А знаешь ты, кто это был?» — «Право, нет».— «Это был Ленин!» — тихо сказал Монтегю.

Признаюсь, я ему не поверил. Но приблизительно через месяц, просматривая ежемесячный журнал, я увидел статью, относящуюся к прошлому и озаглавленную: «Когда Ленин был в Париже», а в ней такие слова: «В сопровож-

Alors, à défaut de timbres je joins quelques cartes
 Je vous espère ainsi, que votre femme, votre père et tous
 les vôtres en bonne santé - Ma petite famille et moi.
 Votre sincère et indéfectible amitié
 Votre ami français
 M. Mouraz Schiby
 j'ai toujours ses documents dans le train
 mais en rapprochant mon écriture est
 lisible

дении своей жены Крупской Ленин часто ходил послушать и повидать своего друга Монтегю. Должен Вам признаться, что я пережил волнующий момент. Итак, Монтегю не хвастал, а человек, с которым я встретился в его артистической уборной, был тот, кто спустя пять лет изменил лицо мира!

Милый друг! Как доказательство, что Монтегю был другом Ленина, храните у себя скромные документы, приложенные к этому письму.

Ваш Гектор Мюра.

Прочитав письмо Гектора Мюра, я сейчас же послал в Москву, в Музей имени Ленина, его

дословный перевод. Еще через месяц мой друг прислал мне восторженный ответ. Он сообщал, что получил от директора Музея имени Ленина письмо и сердечную благодарность за сведения о пребывании Ильича в Париже. Подтвердилось, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна действительно поддерживали дружеские отношения с Монтегю и последний иногда давал концерты, денежные сборы с которых шли в распоряжение маленькой группы русских эмигрантов-большевиков для революционной деятельности.

В. КОРЕШКОВ

СТРОКА НА ПАМЯТНИКЕ

На крутом берегу реки Сакмары расположен Оренбургский дом отдыха. Несколько жилых помещений, густой, разросшийся сад. А в нем высокий шпилеобразный памятник, отделанный под мрамор и увенчанный красной звездой. Золотом выгравирована надпись: «Жизнь отдавшим за власть трудящихся в боях гражданской войны 1918-19 гг. От рабочих завода «Орлес». 8 июня 1924 года».

Ниже — имена героев и среди них крупными буквами строка: «Почетный красноармеец 2-го Оренбургского рабочего полка Владимир Ильич Ленин». Затем — фамилии «четырех рабочих-командиров, семи бойцов-подростков и сорока четырех рабочих-стрелков».

Я разыскал участника гражданской войны защитника Оренбурга Гавриила Петровича Балахонова, и он рассказал мне, как попало на малоизвестный обелиск имя Ильича после его смерти,

Шла весна 1919 года. На борьбу с Колчаком, который рвался к Самаре и Саратову, поднялся весь трудовой Оренбург. Тогда и был создан на заводе «Орлес» 2-й Оренбургский рабочий полк. Его бойцы первыми получили боевое крещение в схватке под станцией Донгузская, где они остановили наступающие колонны колчаковцев. Но долго ли могла продержаться терпеливая хребцов?

В это время Ленин отправляет командиру Южной группой войск М. В. Фрунзе телеграмму: «Знаете ли Вы о тяжелом положении Оренбурга? Сегодня мне передоли от говоривших по прямому проводу железнодорожников отчаянную просьбу оренбуржцев прислать 2 полка пехоты и 2 кавалерии или хотя бы на первое время 1000 пехоты и несколько эскадронов. Сообщите немедленно, что предприняли и каковы Ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы как нарушающей военные приказания. (В. И. Ленин, «Военная переписка (1917-1920)», Воениздат, 1957, стр. 119).

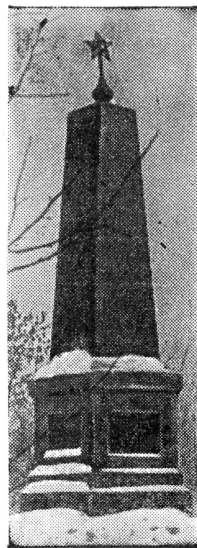
На эту заботу Ильича бойцы 2-го рабочего полка решают: считать почетным красноармейцем полка вождя революции Владимира Ильича Ленина. Об этом в

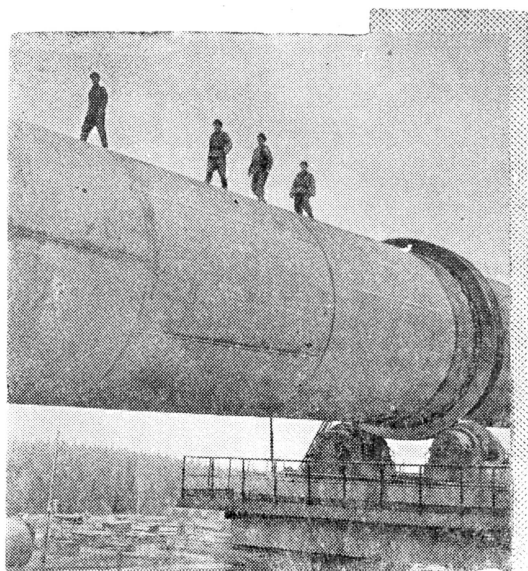
Москву, в Кремль, ушла срочная телеграмма...

Рабочий полк вовремя получил подкрепление, и враг был разбит. Но удалось это сделать дорогой ценой: 55 лучших своих товарищей недосчитались орлесовцы... Их с большими почестями похоронили в братской могиле недалеко от завода, на крутом берегу реки Сакмары. А после окончания гражданской войны на собрании средства рабочие построили обелиск. Открытие его состоялось 8 июня 1924 года. Заводской коллектив решил первым поставить имя почетного красноармейца 2-го Оренбургского рабочего полка В. И. Ленина. У подножия монумента положили венок, на ленте которого неизвестный рабочий поэт написал бесхитростные слова:

Здесь — шестьдесят простых имен.
 Безданных в миллионном списке...
 Но перед трауром знамен
 Все имена равны и близки:
 Народный вождь, иль рядовой,
 Простой «орлесовец», иль Ленин,—
 В кровавой схватке боевой
 Их подвиг миру равноценен.

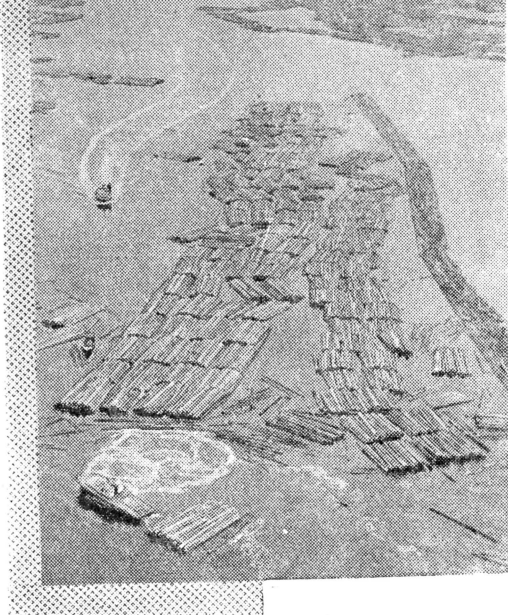
В. ПРОЛЕТКИН

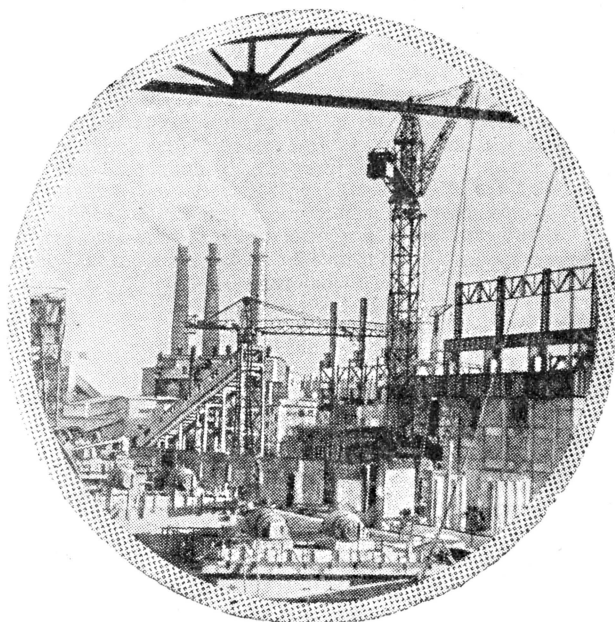
Люди семилетки.

П
о
В
е
л
и
к
о
й
П
р
о
г
р
а
м
м
е

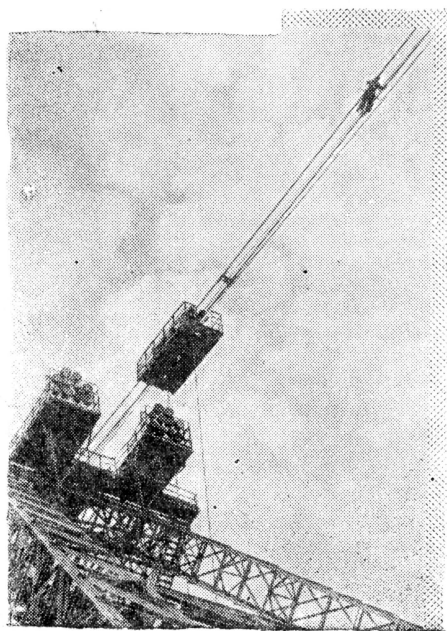

Лес новостройкам.

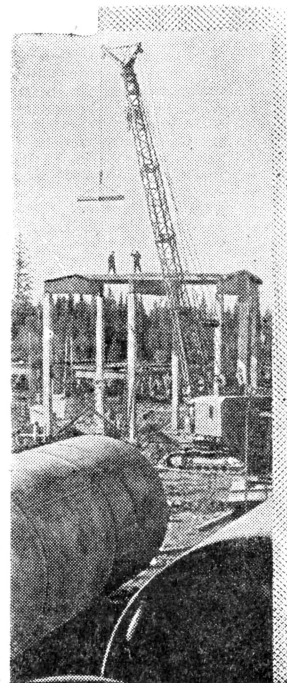
Ново-Пашийский
цементный завод.

Верхолаз.

Тайга отступает.

УРАЛ СТРОИТСЯ

Фото Э. Котлякова

ХИМИКОВ...

Директор Института химии Уральского филиала Академии наук профессор Василий Григорьевич Плюснин выложил на стол стопку блестящих разноцветных плиток и, улыбаясь, сказал:

— Вот это сделано из отходов жидких пиролизных смол.

До последнего времени так называемые пиролизные смолы были обременительным отходом в производстве синтетических спиртов. Их использовали как топливо или закачивали в сырую нефть. Уральские химики с помощью фтористого водорода стали превращать пиролизные смолы в бензол, толуол, нафталин, полимерные смолы и т. д.

Но и это не предел. Из полимерных смол ученые сделали те самые облицовочные плитки, которые с гордостью показывал профессор В. Г. Плюснин. Подсчитано, что если полностью переработать все пиролизные смолы в Советском Союзе, то в год можно изготовить 100 миллио-

нов квадратных метров облицовочных и половых плит.

В Челябинской области создана опытная ванна из бетона с небольшой добавкой полимерной смолы. Вот уже в течение года она отлично переносит смену высоких и низких температур. По-видимому, такие бетонные ванны в недалеком будущем появятся в квартирах уральцев. Какими они будут, эти квартиры? С красивой облицовкой стен и очень практичным, огнестойким полом, без щелей и других изъянов.

При сооружении заводских корпусов полимерной смолой, как защитным средством против влаги, окрашивают бетонные перекрытия. Если пропитать ею древесно-стружечные и древесноволокнистые плиты, они не будут набухать и коробиться. Из таких материалов уже созданы опытные образцы красивой комнатной мебели.

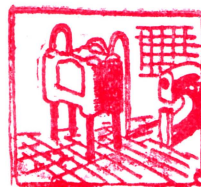
МЕТАЛЛУРГОВ...

Идет очередное лабораторное испытание. Младший научный сотрудник Дмитрий Константинович Булычев закладывает в толстостенную гидравлическую камеру металлическую заготовку и включает насос, с помощью которого в сосуд нагнетается жидкость. Жидкость начинает давить заготовку со всех сторон, плотно прижимая ее к выходному отверстию фильеры. Когда давление достигает нескольких тысяч атмосфер, холодная металлическая заготовка приходит в движение, как кусочек сырой глины, и с большой скоростью проходит через фильеру, приобретая форму выходного очка. Мгновение, и из очка показывается блестящая металлическая трубка. Кандидат физико-математических наук К. П. Родионов и старший инженер М. И. Олейник вни-

мательно рассматривают деталь. Отличная! Таким способом исследователи научились выдавливать трубки из очень хрупких материалов — чугуна, молибдена.

Но это пока опытные образцы. Свердловчане разрабатывают конструкцию оригинального прибора-мультипликатора. Это своеобразный жидкостный трансформатор, в котором ручным насосом можно довести давление в гидравлической камере до 20 тысяч атмосфер.

С внедрением этой новинки отечественная индустрия получит еще один способ экономичного и качественного производства труб из очень хрупких материалов.

МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ...

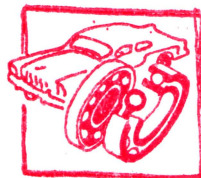
Несколько месяцев тому назад инженер К. Окунев и техник А. Ширкунов обосновались в одном из цехов Свердловского подшипникового завода, смонтировали автоклав, оборудовали лабораторные столы и приступили к работе.

Совместно с инженером-конструктором В. Жженовым и техником Е. Потаповой они решили попробовать заменить дорогостоящие лагунные сепараторы в подшипниках дешевыми капроновыми. Сообща засыпали в автоклав шуршащие капроновые зерна, делали отливки и изучали поведение новых деталей в самых строгих режимах работы подшипников.

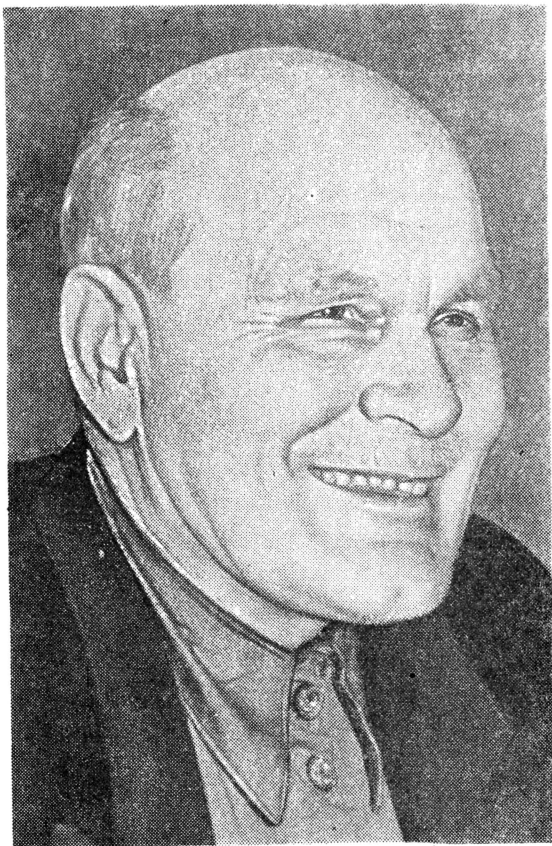
Сначала для экспериментов был взят чистый капрон. Детали получились очень гибкие.

Стали добавлять различные компоненты. Наконец, найдена удачная конструкция капронового сепаратора: сделан своеобразный металлический каркас в виде кольца. Но как уменьшить силы трения и улучшить отвод тепла? Исследователи стали добавлять в капроновое литье графит. Результат хороший.

На испытательном стенде капроновые сепараторы показали высокую выносливость. Однако, прежде, чем начать их массовое производство, сотрудники научно-исследовательского института проведут дополнительные испытания.

В. ЩЕННИКОВ

Степан Павлович Желтышев.

РЯДОМ С ИЛЬИЧЕМ

В книге Н. К. Крупской «Воспоминания о Ленине» есть такие строки:
*«К Ильичу был приставлен один из пулеметчиков — т. Желтышев, крестьянин Уфимской губернии. Ильича он очень любил, относился к нему с большой заботой...»*¹.

Степан Павлович Желтышев, которому посвящены эти теплые слова, живет в Белокатайском районе Башкирии, в старинном русском селе Ногуши.

Я без труда нашел добротный бревенчатый дом на узкой улочке, прижатой к пологому холму. В палисаднике перед окнами буйствовала зеленая кипень черемухи и сирени.

Калитку открыл высокий, широкоплечий мужчина с гладко выбритым лицом, покрытым редкими морщинами.

— Степан Павлович дома? — спросил я.

— Дома, дома, — ответил мужчина, улыбаясь и протягивая руку. — Он самый. Проходите.

Трудно было поверить, что этому живому с ясными глазами человеку уже исполнилось семьдесят два года.

...Полк, в котором служил Желтышев в пулеметной команде, летом 1917 года стоял на Выборгской стороне в Петрограде и находился под сильным влиянием рабочих. За участие в демонстрации 3 июля солдаты полка, в том числе и Степан Павлович, по приказанию Керенского подверглись жестокой репрессиям. В Октябрьские

дни они открыто выступили на стороне большевиков. На пулеметчиков во главе с Желтышевым было возложено почетное и ответственное дело — охрана штаба революции Смольного.

25 октября, когда вечерняя мгла окутала революционный Петроград, в Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов. С задних рядов делегат съезда Степан Желтышев видел матросские бушлаги, опоясанные пулеметными лентами, заношенные солдатские шинели, рабочие тужурки, крестьянские зипуны. Зал содрогнулся от рукоплесканий, когда было зачитано написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», возвещавшее о переходе власти к Советам. На второй день дважды выступал вождь революции Ленин. Как зачарованный, смотрел на Владимира Ильича Степан Желтышев, ловил каждое слово этого необыкновенного человека, просто и понятно говорившего о мире, о земле.

В необычайном возбуждении вернулся Степан к своим товарищам. В эту ночь никто не сомкнул глаз, слушая его рассказы об Ильиче, о великих решениях съезда.

Вскоре после этого в помещении пулеметчиков неожиданно появился матрос.

— Кто у вас старший команды? — спросил он, окидывая взглядом солдат.

— Я! — ответил Желтышев, вставая.

— Тебя вызывает Ленин!

Матрос круто повернулся и скрылся в дверях, а Степан Желтышев, удивленный, взволнованный и даже растерянный, не двигался с места.

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 333.

— Иди, чего стоишь! — подтолкнули его товарищи. — Может, дело срочное...

Степан поднялся на второй этаж, где находился кабинет Ильича, робко постучал в дверь и тут же услышал:

— Пожалуйста, войдите!

Переступив порог, четко вскинул руку под козырек, представился.

— Здравствуйте, здравствуйте! — приветливо заговорил Владимир Ильич. Он встал из-за стола, подошел к солдату и пожал ему руку.

— Проходите, садитесь!

Степан присел на край мягкого кресла.

— Требуется, товарищ Желтышев, один человек для выполнения разных поручений, — заговорил Владимир Ильич. — Можете ли вы подобрать такого человека из вашей команды? Только надежного!

— Надежных солдат у нас много!

— Вот и хорошо! Завтра утром заходите с ним.

Солдаты с нетерпением ожидали старшего своей команды. Каждому хотелось узнать, зачем его вызывал Ленин. Но когда Желтышев рассказал о поручении, все задумались. Долго перебирали по косточкам каждого. И выходило, что один неграмотен, другой слишком робок, третий недостаточно расторопен.

На следующий день Степан, обескураженный, отправился к Ленину.

Снова, как и вчера, Владимир Ильич поднялся навстречу, пригласил сесть.

— Ну, как, подобрали? — спросил он.

— Простите, Владимир Ильич, — в крайнем смущении ответил Желтышев, — в нашей команде нет подходящего солдата...

Ленин улыбнулся, покачал головой.

— Я думаю, вы неправы.

— Всех перебрали...

— Ну, если вы не сумели подобрать человека, то придется вам заняться этим делом самому. Согласны?

— Согласен! — неожиданно для себя выпалил Желтышев.

Теперь Степан постоянно встречался с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Его поражали необыкновенная занятость и работоспособность Ленина. Даже в перерывы между заседаниями он постоянно с кем-либо беседовал — с солдатами-фронтовиками, с делегатами от рабочих или крестьянскими ходоками.

Однажды Степан не выдержал и сказал:

— Почему вы, Владимир Ильич, не отдыхаете? Ведь так недолго заболеть.

Ленин, не отрываясь от работы, ответил:

— Нет времени. Вот дела закончим, тогда и отдыхать станем.

Несмотря на огромное напряжение, Владимир Ильич был всегда бодр, приветлив и предупредителен. Почти никогда не удавалось поздороваться с ним первым. Обычно, быстро шагая по коридору, он произносил:

— Здравствуйте, товарищ Желтышев! Как идут дела?

Как-то во время заседания Совнаркома Степан Павлович стоял у дверей и по указанию Ленина следил за тем, чтобы никто не вошел, кроме народных комиссаров. Появился секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов. Желтышев остановил его. Горбунов возмущился. На шум вышел Ленин и, одобрительно кивнув Желтышеву, сказал:

— Хорошо выполняете свои обязанности. А вы, Николай Петрович, успокойтесь. Заходите, да впредь не опаздывайте.

Выросший в деревне, Степан Павлович впервые увидел в Смольном многие бытовые вещи и не знал, как с ними обращаться. Однажды он решил подогреть для Ленина остывший ужин. Зная, что для этой цели пользуются спиртовкой, стал ее настраивать. Но ничего не получалось: пламя шипело, спирт разливался.

Увлеченный, он не заметил, как в комнату вошли Владимир Ильич и Надежда Константиновна и остановились у него за спиной. Ленин положил на плечо раздосадованному солдату руку и, улыбаясь, сказал:

— Не приходилось вам раньше пользоваться этой вещью, оттого и не знаете, как с ней обращаться. Но не беда, со временем всему научимся.

Надежда Константиновна тут же пришла на помощь.

Был и такой случай. Желтышев разыскал в подвале добротный складной стул и хотел поставить его в комнате Ильича. Долго бился, стараясь собрать, но ничего не выходило: видимо, стул был неисправен. Владимир Ильич весело рассмеялся и произнес:

— Видно, что это буржуйская штука, упорствует! Выбросьте ее.

Война надолго оторвала Желтышева от дома, и он решился спросить у Ленина, нельзя ли съездить на Урал, повидаться с родными.

— Хорошо, — просто ответил Владимир Ильич, — как представится возможность, я вас отпускаю.

Время шло. Желтышев решил, что Ленин, перегруженный делами, забыл о его просьбе, но напомнить считал неудобным. Каково же было его удивление, когда Владимир Ильич неожиданно спросил:

— Ну как, не раздумали ехать в отпуск?

— Нет, Владимир Ильич. Если можно.

— Можно, можно. На сколько дней?

По указанию Ленина отпуск был выписан на сорок суток.

Желтышев тепло простился с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной и выехал на родину.

Вернуться из отпуска не пришлось: на Урале началась гражданская война. Степан Желтышев сначала в партизанском отряде, а потом в рядах Красной Армии с оружием в руках защищал Советскую власть от белогвардейцев и интервентов.

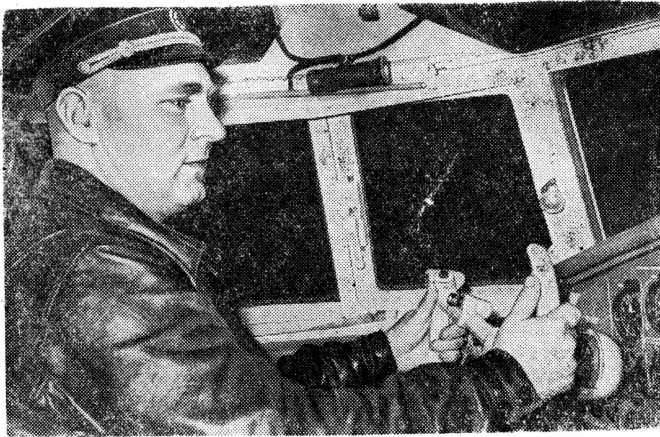
Позже Степан Павлович стал переписываться с Надеждой Константиновной. Она аккуратно и тепло отвечала ему. Вот одно — последнее — из ее писем к Желтышеву:

«Тов. Желтышев, получила Ваше письмо, спасибо, что не забыли. Да, 20 лет прошло, изменилась вся жизнь. Вас помню хорошо... Крепко жму руку и желаю всего лучшего.

Н. Крупская».

Как святыню хранит в своей памяти Желтышев образы гениального вождя Владимира Ильича Ленина и его соратницы Надежды Константиновны Крупской.

В. ПЕРЧАТКИН

75 раз вокруг земли

Крылатый воздушный гигант «ИЛ-18» легко коснулся бетонированной взлетно-посадочной полосы Свердловского аэропорта, пробежал немного и замер. Замечательно! — только так можно оценить мастерство летчика, командира подразделения Гражданского воздушного флота Ивана Васильевича Донцова. За его плечами свыше трех миллионов километров — космическое расстояние. Оно почти равно пяти маршрутам, пройденным вторым советским космонавтом Германом Титовым. Донцов 75 раз облетел вокруг Земли. Больше десяти тысяч часов провел в воздухе.

Иван Васильевич побывал во многих странах мира, воспитал немало настоящих летчиков; первый открыл трассу: произвел посадку тяжелого пассажирского самолета «ИЛ-18» на высокогорном аэродроме Тибета — 4 200 метров над уровнем моря.

Летчиков-«миллионеров» в свердловском летном коллективе немало. По три миллиона налетали командиры кораблей Иван Алексеевич Горский, Александр Васильевич Чепурко, бортмеханик Михаил Павлович Князев, бортрадист Николай Дмитриевич Пинженин.

В. РУСИН

Машина-гигант

В нескольких километрах от Ижевска по Воткинскому тракту строится завод бумагоделательных машин.

Завода еще нет, а коллектив конструкторского бюро — молодые специалисты из Свердловска, Ленинграда, Запорожья, Ростова создают рабочий проект первой бумагоделательной машины Б-28.

Удивительная это машина. Вес ее 2300 тонн. Она будет состоять из 85 тысяч деталей, самые тяжелые из них — 40-тонные валы. Чтобы вычертить все детали, потребуется 5 тысяч метровых листов ватмана. Ширина бумажной ленты на машине-гиганте — 4200 мм, а скорость — 750 метров в минуту.

Первую машину завод выпустит в 1965 году для Ново-Лялинского целлюлозно-бумажного комбината. Она будет давать 300 тонн бумаги в сутки.

И. ТОКАРЕВ

Домики на корпусах

В Качканаре, на корпусе обогащения, далеко видны белые и черные домики. Их сюда, на 37-метровую высоту, подняли и поставили башенные краны. Зачем?

Для пуска первой очереди корпуса обогащения надо из стальных листов толщиной 16 миллиметров сварить три бункера. Длина каждого 60 метров, высота около 20 а ширина — 14. В них из корпуса среднего и мелкого дробления по транспортерам станет поступать измельченная руда. В три бункера — 56 эшелонов. Такие сооружения в нашей стране монтируются впервые.

Прикинули, что на три бункера потребуется тысяча тонн стальных листов, а это — многие километры

швов. Для обычной сварки необходимо очень много времени и, к тому же, нет гарантии, что ее швы выдержат огромную нагрузку.

На помощь пришли киевляне. Они привезли свои генераторы и аппараты шлаковой и газовой электросварок. Для них построили домики и подняли их на 37-метровую высоту.

За смену шлаковой сваркой прошивается 18 метров. Прочность их выше, чем у стальных листов.

На снимке: Федор Шевченко на корпусе обогащения осматривает головку сварочного аппарата.

Г. ГРИГОРЬЕВ.

ДВА ЭПИЗОДА

Лето 1944 года. Прибалтика. Батальон майора Калашникова ведет наступление. На подступах к Вильнюсу железнодорожное полотно, а за ним, на склоне — пулеметные точки немцев.

Солдат Павел Красавин получил приказ — уничтожить вражеских пулеметчиков, открыть батальону путь в город. Вместе с солдатом Со-

ТРИ СЛОВА

Я до срока боюсь расплескаться,
наполненный
пеньем праздничных труб,
ликованьем застав.
Опершись на свою золоченую молнию,
приглашает прохожих старик-телеграф.
Дай мне в руки перо!
Дай мне место рабочее!
Засучу рукава,
примостясь в стороне.
Мне в сегодняшний вечер
попросту хочется
телеграмму отстукать
стране.
И, вперед уносясь сокровенными мыслями
и лоя аппарата сухой перещелк,
первым делом
поздравить с великою миссией
с тем, что тверд и настойчив товарищ
Хрущев!
Написать бы: «Отчизна, с победой над
космосом,
с новой далью, с законным триумфом
труда!»

Но стальное перо, словно стрелочка
компаса,
над бумагой дрожит,—
ни туда, ни сюда!
Как, Отчизна, вместить
мне до маленькой капельки
в телеграфный язык,
что размерен и сжат,
твой межзвездный полет,
в мироздание вкрапленный,
семимильно широкий
уверенный шаг;
где слова, чтобы в них
дел искрились бы россыпи,
пели годы,
откуда начало берем?
И старик-телеграф,
усмехнувшись в усищи морозные,
мне тогда подсказал:
— Поздравляю, пиши, с Октябрем!

Ю. Трифонов

Уральцы — кавалеры Славы

фронтовым они стали пробираться высокой
рожьей к полотну. Пулеметы — вплотную.

— Я буду бить гранатами, — сказал товарищу Красавин, — а ты действуй автоматом. Смотри, чтобы ни один фашист живым не ушел.

Граната, вторая... Пулеметы уничтожены. Убегающих немцев настигали меткие очереди Софронова.

Путь в город был открыт.

А ночью новый приказ. Группа, в которую вошел и Павел Красавин, направлялась на ликвидацию фашистских минометчиков, засевших в развалинах одного из домов. Немцы не ждали такого дерзкого нападения и сдались.

На рассвете столица Литовской Республики была полностью очищена от врагов. Восемнадцатилетнего солдата Павла Красавина наградили орденом Славы III степени.

...Весна 1945 года. Германия. Танковый батальон Героя Советского Союза Фещенко прорвал оборону и проник в глубокий тыл врага. Впереди стеной высились непроходимые горы. Позади — фашисты. Связь с частью прервана.

Командир вызвал разведчика Павла Красавина.

— Слушайте приказ. Разыскать батальон, установить связь, выяснить обстановку.

С большими предосторожностями Павел перешел передний край. Шаг за шагом, вперед и вперед. Ага! Нашупал след гусениц. Пополз по нему и наткнулся на замаскированный танк. «Наш или вражеский?»

Приготовив гранаты, он подполз еще ближе. Тихонько подобрался к десантному люку, прислушался. Ни звука: Прошла еще минута, и вдруг — русская речь. Постучал по броне: «Я разведчик Красавин». Танкисты рассказали, где искать батальон.

Оказалось, что рация танкового батальона, прорвавшегося в немецкий тыл, заглушалась противником. Красавин передал, на каких волнах держать радиосвязь.

Вскоре он рапортовал командиру о выполненном задании.

Это всего лишь два небольших эпизода из боевой жизни полного кавалера ордена Славы уральца Павла Александровича Красавина.

Е. К.

БЕЛЬСКИЕ НОВЕЛЛЫ

ПЕТР ДУДОЧКИН

Рисунки В. Васильева

В первые годы Советской власти в глухоманные Бельские леса, что раскинулись на границе Тверской и Смоленской земель, неподалеку от истоков Волги, Днепра и Западной Двины, приезжал на охоту Владимир Ильич Ленин.

Местные жители, по рассказам которых написаны эти новеллы, на всю жизнь сохранили в памяти те счастливые дни, когда довелось встречаться с простым и мудрым, самым великим во всем белом свете человеком.

КАК СЕРЕГА ДЕРЖАЛ ЭКЗАМЕН

Случилось так, что мячик, которым играли ребята, залетел в открытые ворота сарая, где на свежем сене отдыхал Ленин. Раскрасневшийся от беготни Серега опрометью залетел в сарай и, оторопев, остановился. Перед ним стоял незнакомый человек с рыжеватой бородкой, в синей с полосками рубахе, и любовался мячиком, перекидывая его из руки в руку.

— Из тряпок, а хорош! Умеете делать!

Серега хоть и не маленький, две зимы в школу ходил, но не сразу осмелел. Отдышавшись, он сказал:

— Главное — навощеными нитками прошить туго-натуго! Чтоб как камень был!

Увидев, что Серега разговаривает с каким-то незнакомцем, в сарай нахлынула целая ватага босоногих ребят в холщовых и ситцевых рубахах без поясков.

Ленин вышел на улицу и запустил мячик вверх, высоко-высоко, потом ловко поймал его, кинул ребятам и уселся у забора, прямо на траве.

— Играйте, играйте, а я погляжу, как у вас он летает.

Ребята даже языками защелкали.

— Вот это бросочек! Выше березы!

Но играть не стали. Стоят не расходятся. Кое-как осмелели и — кто о чем — расспрашивать начали: одни про города и дальние страны, другие — про море и леса, третьи — про машины всякие. Когда Владимир Ильич спросил Серегу о том, кем он хочет быть, Серега, стеснительный,

с опущенными глазами, промолчал. Кто-то выкрикнул:

— Он путешествовать хочет! У него даже книжка такая есть, про путешествия.

— Стало быть, мир узнать хочешь? — спросил Ленин.

— Да, — вполголоса признался мальчуган.

— А экзамен держал?

— Какой экзамен?

— На сообразительность.

— Нет, не держал.

Наступило молчание. Через минуту другую ребята оживились.

— А где такой экзамен бывает? — спросил Серега, одергивая свою кумачовую рубаху и поправляя ворот с оторванными пуговицами.

— Экзамен всюду можно устроить — и в Москве, и в Твери, и у вас, в Нестерове, — всюду!

— И у нас, в Нестерове? — недоверчиво спрашивали ребята.

— Да.

— А вы можете?

— Могу.

Поднялся такой галдеж, что воробьи в палисаднике вспорхнули.

— Сделайте! Сделайте!

— Да вы и сами сможете друг другу экзамен устроить.

Мальчуганы не соглашались.

— Не, мы не умеем.

— Хотите, научу?

— Хотим! Научите!
— Ладно,— согласился Ленин.— Идите за мной!

И, окруженный детворой, зашагал на другую сторону улицы, где у забора копошились в песке цыплята. Курица-мать ходила тут же.

— Чьи цыплята?— спросил Ленин.
— Наши,— ответил Серега.
— А знаешь, сколько их у вас всего?
— Семнадцать.
— А тут сколько?

Ребята наперебой стали считать. Насчитали пятнадцать. Двух нигде поблизости не было. Искали-искали, не нашли.

А Ленин уверенно подбадривал:

— Раз мы с вами сообразительные, должны разыскать беглецов.

Разбежавшись во все стороны, ребята вновь и вновь заглядывали в палисадник, под сарай, под крыльцо и во все места на задворках, но два цыпленка как сквозь землю провалились. Ленин весело прохаживался взад-вперед по улице и озабоченно ждал.

— Их, наверно, коршуны утащили,— предположил Серега, когда обежал все кругом и почти совсем выбился из сил.

Ленин возразил:

— Нет, они живы-здоровы! Рядом с нами!

— Рядом с нами?

— Совершенно верно! Совсем около нас! И, наверно, смеются над нами, над такими следопытами.

После этих слов даже бойкие ребята присмирели, и, оглядываясь по сторонам, затаили дыхание. Не верилось, что затерявшиеся цыплята где-то совсем близко.

— А сколько шагов до них?— спросил Серега, усевшись на лежавшую вверх дном огромную плетеную корзину.

— Ни одного шага!

— Ни одного! Как так ни одного?

— Неужели под плетухой?— догадался кто-то.

Серега вскочил, как ужаленный, и приподнял корзину, из-под которой вприпрыжку, с громким писком выбежали два цыпленка.

Рассмеялись все — и Ленин и детвора, хохотали весело, до слез. Ни Серега, ни его товарищи никак не могли понять, как цыплята попали в такое укромное место и как про это узнал незнакомый дядя.

— Ладно, так и быть, открою секрет,— согласился Ленин. Он взял корзину и зацепил обручем за маленький сучок, что

торчал на самой верхней жердочке.— Вот так она и висела, а ветер дунул, и... случилось то, что вы не заметили. Не заметили и не сразу догадались. И получилось у нас с вами не следопытство, а что-то курам на смех.

В эту минуту из избы вышел Дмитрий Ильич, брат Ленина, и позвал его обедать. Ленин приветливо взмахнул рукой:

— До свидания, путешественники!
И ушел.

ДРУГАЯ БАНЯ

У комиссара, который приехал с Лениным на охоту в Бельские леса, был желтой кожи огромный портфель с двумя замками. Этот портфель крестьяне долго потом вспоминали.

Дело было так. При выходе из деревни Ильич увидел, что под горкой, у ручья, топится баня.

— Кто-то и в будни попариться любит,— заметил он одобрительно.

Крестьяне смолчали. Из бани вышел сутуловатый мужчина, раскрасневшийся, в рубахе с расстегнутым воротом.

— С легким паром!— сказал ему Ильич.

Тот сперва замер, как вкопанный, потом низко-низко поклонился и прошептал:

— Ей-богу не для продажи, а для себя. Вот те крест!— и перекрестил волосатую грудь.

Поняв, в чем дело, Ильич нахмурился, прибавил шаг и, озабоченный, спросил у егеря:

— И много таких?

— Аппарат только у него, у Семена,— ответил егерь.

— Хм,— возмущался Ильич,— аппарат! Чтоб сивуху гнать! Хлеб, драгоценный продукт,—на отраву!

— У него из картошки тоже здорово получается: поднесешь спичку— горит,— пробормотал другой охотник, как бы оправдывая самогонщика.

— Даже если б он гнал из травы или даже из соломы, и то это преступление. Да-да, преступление!

— А что с ним поделаешь?— сердился егерь.— Не раз на сходке говорили: «Брось, Семен! Не дразни грешной народ!»— Как горох об стенку...

Беседа о вреде сивухи продолжалась до самой опушки леса. Там, в минуту передышки, когда перед охотой все уселись под дубом, Ильич попросил своего московского спутника достать из портфеля какую-то книжку. Комиссар хотел открыть портфель, искал-искал ключ, а найти так и не смог. Потерял, наверно.

Молодой охотник вспомнил, что за речкой, у попа много чемоданов как раз с такими замками, как на портфеле, и без всякой просьбы побежал туда. Скоро он вернулся, позвякивая связкой ключей— маленьких и вовсе малюсеньких, с самыми разнообразными головками и зубчиками. Старался-старался комиссар, ни один ключ не подошел.

— Вот как в жизни случается,— досадовал он,— ключей уйма, а подходящего нет.

— Видно, поповским отмычкам не суждено отпирать комиссарские замки,— пошутил, сдержанно улыбаясь, егерь.

Ильич тоже вступил в разговор:

— Нет, нет, товарищи, я должен заступиться за ключи. Инструмент не знает, чей он, и, поверьте, служит одинаково хорошо и попам и комиссарам. Просто не тот инструмент— вот и вся история.— Ильич дружелюбно, но немножко укорно глянул на собеседников и добавил:— Точь-в-точь такая же история и у вас с самогонарителем. Беседуете вы с ним, а ему хоть бы что. Как с гуся вода. Стало быть, для его души такая ваша беседа— неподходящий ключ.

— А что ж ему надо?

— Видимо, что-то другое следует придумать, какая-нибудь другая баня нужна вашему Семену.

И Ленин стал советоваться, правильно ли сделает правительство, если начнет строго наказывать за самогонование.

Дорога длиною в сто двадцать дней

БОРИС БЕЛЕНЬКИЙ

Рисунки А. Казанцева

О черк

Все дальше и дальше на север продвигаются строители железной дороги Тавда — Сотники. Позади километры готовых путей, впереди — схватки с тайгой и болотными топями.

Люди знают, что в этих схватках нельзя малодушничать, нельзя колебаться, нельзя робеть.

И ложатся стлани в мертвые зыби трясин, и падают под напором тракторов и ножами бульдозеров деревья-исполины...

Все дальше и дальше на север продвигаются строители железной дороги Тавда — Сотники... Но раньше их прошли здесь изыскатели.

Первая веха

Володя Васильев с утра прибежал в контору. До выхода на трассу оставалось всего лишь несколько дней, а работы — непочатый край. «Сегодня — душа из меня вон! — нужно закончить все расчеты». Развернув на столе карту, Володя склонился над ней.

Конда!.. По площади это громадная страна, страна леса и пушнины, кладовая неразведанных минералов газа, нефти... Тонкая карандашная линия уходит на север от Тавды, легко пересекает коварные таежные реки, разрезает урманы, ложится поперек грозной и таинственной Кумбайской согры, а затем, сделав небольшой поворот, устремляется к Усть-Ахе...

Конда!.. Васильев сжал виски ладонями, пристально глядя в карту. Он представлял, во что обернется безукоризненная гладь бумаги на местности.

В комнату незаметно вошла тетя Даша и в нерешительности остановилась за спиной. Наконец, кашлянув, она проговорила, словно извиняясь:

— Вас Геннадий Иванович просит.

Володя резко распрямился, посмотрел на тетю Дашу и, ероша пятерней непокорные вихры, с нарочитой важностью воскликнул:

— Так это же хорошо! Пойдем к начальству, потолкуем!..

Геннадий Иванович был человеком замкнутым и немногословным. Не отрываясь от бумаг, разложенных перед ним, он кивнул Васильеву головой.

— Садись! — и добавил: — Примешь отряд. Вчера г-а выход разрешение получено.

— Геннадий Иванович, но... — Володя вскочил со стула.

— Знаю! — начальник сделал предупредительный жест. — Скажешь, — молодец. Скажешь, — в экспедиции есть более опытные... Вопрос, брат, решен. С тобой пойдут Короленко, Безделов, техники Товстопятый и Иванов. Рабочих сам подбирай. До вторника упрямишься? Добре!

Замелькали хлопотливые дни. Группа готовила снаряжение, кропотливо выверяла приборы, получала продовольствие, оружие, боеприпасы. В назначенное время все было готово. Экспедиция вышла на трассу.

...Затяжная весна выдалась в этом году. Небо хмурилось. У реки, на солнечных взгорках уже проступала трава, а в лесу еще слезились почерневшие снега, наполняя воздух влажным удушьем.

Трасса, как выразился Олег Короленко, смыла улыбки у оптимистов. Даже лошади запинались на каждом шагу, падали и, наконец, совсем выдохлись. Пришлось отправить их назад. Теперь на плечи каждого изыскателя легло по пятьдесят килограммов груза.

В полдень, определившись на местности, Валентин Безделов сбросил тяжелый рюкзак.

— Вот она — исходная точка! — торжественно провозгласил он, отмахиваясь от комаров. — Не очень комфортабельно для лагеря, но по сравнению с тем, что ждет нас впереди, пожалуй, роскошно!

Экспедиционный повар Валя принялась за обед. Весело запыхал костер. Огненные блики затрещали на замшелых стволах деревьев. Запахло наваристым супом.

— Ну, хлопцы, до чего же он будет вкусен! — потягивая носом воздух, не сдержался Саша Максимов. — У меня фонтанирует слюна! Все засмеялись.

После обеда сразу же приступили к работе. Володя Васильев мечтал втайне о том дне, когда будет поставлена первая веха, и даже готовил к этому торжеству небольшую, яркую речь. Но здесь, в тайге, говорить почему-то расхотелось. Он постоял, улыбаясь, посмотрел на притихших товарищей, тщательно затушил о подошву сигарету и коротко скомандовал:

— Рубщики, вперед! Начали!.. — И приник к окуляру теодолита.— Левее знак!.. Ставить! Гулко стучат топоры. Со звоном вгрызаются в деревья пилы. Метровая просека двинулась в чащу.

Таежные будни

Тайга густела. В июле отряд стал проходить за день семьсот метров, потом — шестьсот, пятьсот... Продвижение замедлялось. Ребята возвращались в лагерь усталые, мрачные. Саша Максимов попытался затянуть песню, но его никто не поддержал.

— Шишку, что ли, проглотили? — обиделся он.

Олег Короленко достал тетрадь и углубился в проверку дневных вычислений. Васильев, откинув накомарник, курил.

— Сегодня опять всего пятьсот метров. Половина того, что положено на день, — сказал он, — самые трудные участки впереди. Если двигаться таким темпом, то к осени Кумы не достать. Где выход?

— Ты спрашиваешь меня? — полюбопытствовал Короленко.

— Нет, всех.

— Что ж, давай соберем совет.

— Точно, — иронически заметил Безделов, натягивая сапог, из которого только что с трудом извлек гвоздь. — Повестка дня — приведение в божеский вид трассы. Кстати, не считаешь ли ты, что уйму времени мы теряем на перетаскивание нашего табора? — Он взял у Короленко тетрадь и провел на ее обложке жирную черту. — Вот, взгляните. Это маршрут. Это — наш лагерь. Два дня мы укладываем трассу, а на третий подтягиваем лагерь. На четыре рабочих дня — один холостой. Считаю, семьсот-девятьсот метров минус. А если забрасывать лагерь вперед километра на три-четыре и работать от него в обе стороны? Сперва — на юг, потом — на север. День простоя на восемь рабочих... И еще, пожалуй, надо усилить группу рубщиков. Была бы просека, за нами дело не станет...

Тайга оживает рано. Чуть брезжит рассвет, а уже проснулись веселая кедровка, клест-еловик, неумолимый работяга-дятел. Но раньше птиц просыпались в тайге люди. Нехитрый завтрак — и они спешили на трассу. В эти часы работалось легче. В полдень, когда лучи солнца пронизывали густую чащу, становилось нестерпимо душно. Хотелось сбросить липкие, отяжелевшие от пота рубашки. Но серые облака гнуса висели над головами, проникали под сетки, набивались в рукава, жадно впивались в потные тела.

— Неужели нельзя на них найти управы?! — слышался чей-нибудь отчаянный возглас.

— Терпи, терпи, изыскателем будешь...

— Ветра бы!..

Но воздух был неподвижен, как в бане.

...Отряд ждал пополнения. Из штаба сообщили, что вертолет доставит продукты и двух человек. Парни молодые, крепкие.

«Крепкие парни» прилетели в полдень.

— Лесному братству — привет!

Тот, что был повыше, в яркой рубашке и белых спортивных кедах, бесцеремонно приподнял крышку котла и потянул носом воздух.

— Для начала, хозяйка, — обратился он к Вале, — неплохо бы подзаправиться.

Парни почему-то не понравились Вале с первого взгляда. Особенно маленький, с пышной шевелюрой и гитарой на плече.

— Ужинают у нас позже, — сказала девушка. Однако достала две миски и до краев наполнила горячим супом.

— Между прочим, — говорил, обжигаясь, высокий, — меня зовут Славик, точнее — Тарнопольский Вячеслав. А друг мой — Манстренков Виктор... Что это?!.. Меня упорно кусает какая-то нечисть! — Он хлопнул себя по шее и пролил суп.

Валя достала накомарники.

— Берите! Вот так... А нечисть эта зовется таежным гнусом.

Манстренков помрачнел.

— Это что же, все лето в такой парандже ходить?

Парни больше не шутили. На следующий день Васильев прекратил работу раньше обычного.

— Шабаш! Сегодня перенос табора...

Палатки разобрали быстро. Взвалив на плечи нелегкую поклажу, двинулись прямо на север. Ох, и длинный же километр в тайге! Идешь, раскланиваясь с каждой елью, продираешься через лесные завалы, сучья цепляются за одежду и ноги, острые иглы колот лицо.

К вечеру недовольно зашумели сосны. Где-то вдалеке раскатисто прогремел гром. Стало темнеть. Володя был вынужден сделать привал, разбить палатки. После легкого ужина все улеглись спать. Наверху гулял порывистый крепкий ветер. Лес тревожно шумел. Время от времени раздавался оглушительный треск. Володя лежал в палатке и прислушивался. «Это падают деревья. А если рухнет на лагерь?» Треск раздался совсем рядом, земля вздрогнула. Проснулся Олег.

— Да-а, ветерок...

— Надо поднимать ребят.

Володя вышел из палатки, сделал в темноте несколько шагов и почувствовал, как под ногами дышит земля. Протянул руки, нащупал шершавый древесный ствол. Сосна раскачивалась почти от корня.

— Вставать! Быстро!

Люди выскочили из палаток. Полоснула молния, оглушительно ударил гром. Дерево рухнуло на опустевшую палатку. Минуту все стояли молча.

— Чугунов!

— Есть!

— Зубков!

— Я!

— Максимов!

- Здесь!
- Галкин!
- Я!

...Васильев снял очки и вытер рукавом вспотевшее лицо. Хлынул дождь. До рассвета оставалось еще целых три часа.

Они сидели втроем: Юра Чугунов и двое новеньких, неделю назад прибывших на трассу. Манстренков, засунув руки в карманы, откинулся спиной на поваленный кедр и, мечтательно глядя вверх, вполголоса напевал:

...Еду в трамвае я-а-а...

— Кончай, Вить,— поморщился Тарнопольский.— Ей-богу, тошно. И от песен твоих, и от этой житухи...

— Нервы, Славик...

— При чем нервы? Пора ставить точку. Пошли к начальству...

Он поднялся, отряхнул брюки и протянул Манстренкову руку.

— Ну, что, Чугунок, ты с нами или без нас?

Юра удивленно посмотрел на парня.

— О чем ты?

— Как о чем? Или сдрейфил, испугался гнева общественности?

Юра растерялся.

— Это как же, ребята? Неужто решили всерьез? Бежать в такое время, когда в отряде дорог каждый человек! А совесть? Люди прокладывают дорогу, а вы!..

В какой-то миг взметнулась тяжелая рука Чугунова. Взметнулась и повисла в воздухе, задержанная властным окриком Васильева...

— Иди, Чугунов, я все слышал. Иди, я с Вячеславом поговорю сам.

И вот они стоят друг против друга. Два молодых парня, почти ровесники.

— Я не меньше тебя, Тарнопольский, люблю города... И вот они,— Володя кивнул в сторону лагеря,— они тоже любят. Безделову предложили аспирантуру, а он пошел в тайгу. Товстогопятого спихает радикулит, но он не уходит с трассы...

Тарнопольский закурил и, небрежно перекинув гитару через плечо, сказал развязно:

— Ну, вот что, товарищ Васильев, мы выслушали вас и не можем не ценить вашу преданность делу. Но, как сказал какой-то древний, кесарево — кесарю, каждому — свое. Короче говоря, мы уходим. Так я говорю?

Манстренков кивнул.

Никто не подал им руки. Маленький отряд стоял плотной группой. Молчание нарушил рабочий Саримсаков.

— Пускай идут, — сказал он, — в тайге не нужен плохой человек!

Через несколько дней отряд поредел совсем. Короленко улетел в Тавду получать дополнительное снаряжение. Володя отправился на

север осматривать дальние участки. Во главе отряда остался Валентин Безделов. Теперь на трассу выходили затемно. Чтобы не снизить темп проходки, отказались от выходных, а на самых тяжелых участках работали посменно. Геологи и техники тоже взялись за топоры. Работали сосредоточенно и упорно. Допоздна засиживался у костра Валентин, проверяя дневные расчеты, тщательно отмечая участки, «освоенные за истекающие сутки». Жирная черта перешагнула Карабашку, миновала знак половины пути и приблизилась к темно-зеленому пятну — Кумбайскому болоту.

Кумбайская согра

В начале августа отряд подошел к заболоченной равнине. Первые дни шли согрой. Затем валежники поредели. Потянулось болото с густо-зелеными мшистыми плавунцами. Работали по колено в воде. Обедали стоя. Забыли, что такое сухие ноги. В коварстве Кумбайского болота убедились не сразу. Как-то Саша Максимов, решив отдохнуть, облюбовал покрытый мягким мохом плавун и прыгнул на него с поваленного дерева. Плавун стал медленно оседать. Саша растерялся, шагнул в сторону, провалился по пояс и стал погружаться в трясину. Валентин Безделов бросился на помощь, кто-то кинул веревку, протянул шест. Александра с трудом вытащили и поняли, что с Кумбайским болотом шутить нельзя.

Заболела Валя. Два дня она лежала в палатке, разбитой на плоту, укрытая всем, что нашлось сухого и теплого.

— Знобит? — заботливо спросил Безделов.

— Холодно что-то.

— Придется вызывать вертолет, — сказал Валентин радисту.

— Канифоль-2, я Канифоль-12... Вы слышите меня? — полетело в эфир.— Канифоль, я Канифоль-12, как слышите меня?..

Подошел Саримсаков, тронул Валентина за плечо.

— Ты что, Самгин?

— Давай человека. Вдвоем надо нести...

— Погоди. Может, свяжемся.

— Все равно из болота выносить надо. Вертолету садиться негде.

— Вяжи носилки...

— Готовы носилки. Давай человека. Мой рост человека надо. Понимаешь, чтоб ровно было. На плече понесем.

Валю заботливо укутали в одеяло. Носилки осторожно подняли Саримсаков и Зубков.

— Как выйдете на сушу, — сказал Валентин Безделов, — держитесь просеки. Вертолета ждите на площадке.

...Олег сидел в тесной грузовой кабине вертолета, обложенный со всех сторон мешками с продовольствием и ящиками со снаряжением. Скоро должна быть посадка. Пилот обернулся, передал записку: «Сажать машину не буду. Боюсь за грунт. Зависну в метре над землей. Кидай все и прыгай».

Машина накренилась, пошла на снижение. Олег стал сбрасывать в люки ящики, мешки, почту. На прощанье помахал летчику и прыгнул.

Первое, что ощутил он, была резкая боль в ноге. Сделал шаг и поморщился. Выход? Этого еще не доставало. Вскоре в сапоги набралась вода, боль приутихла. Олег долго разыскивал вешки. Их не было. Значит, трасса где-то в стороне. Значит, летчик ошибся. Он выстрелил. Тишина. Выстрелил снова. Тихо. Натянув на колья брезент, Олег перетащил на него груз, немного отдохнул, и, сунув в карман кусок хлеба и спички, закинул за спину ружье и двинулся на восток. Шел по колено в воде. Боль в ноге усилилась. Пришлось подобрать палку.

К вечеру, усталый и измученный, он расположился у кедра и задремал.

Валентин Безделов и Николай Товстопятый провели тревожную ночь. Еще в полдень по радио сообщили: «Вылетел вертолет». Ждали весь день, но его не было. Связались по радио со штабом, узнали, что летчик вернулся на базу. Валентин распорядился:

— Николай, возглавь поисковую группу номер один. Ты, Юра, пойдешь со второй.

Искали всю ночь, утро, и лишь в полдень первая поисковая группа услышала выстрел. Олега доставили в лагерь.

— Я, говорит, посажу тебя возле самой вехи, — рассказывал он, — так, что комар носа не подточит. Вот и посадил...

— Это рыженький тот?

— Ага...

— Ну, погоди, мы его научим навигации! А что там слышно у строителей? Они грозилась наступать нам на пятки.

— Люди прибывают, много техники. Зимой начнут укладку. Ну, а как у нас?

Валентин расправил карту и с гордостью показал растопыренную пятерню.

— Вот! Еще пять рабочих дней, пять переходов — и прощай, болото!..

Тысячный пикет

Больше недели хлестал дождь. Сначала в отряде шутили: ничего, хоть грязь смоем немало. Но дождь не переставал. Сквозь рваные облака порой выглядывало солнце, и тогда воздух становился как влажная вата.

Утром Володя Васильев вышел из палатки. Донесся голос Саримсакова:

— Плохие дела... Продукты кончаются, начальник. Осталось немного сухари и банка консервы на человека.

— Сегодня прилетит вертолет.

Но вертолет не прилетел. Прошли еще сутки, заканчивались вторые, а вместе с ними последний сухарь...

Ночью Володя беспокойно ворочался. Утром выходить на работу, а есть нечего.

— Не спишь? — хрипло спросил Валентин.

Помолчали. Володя зажег спичку и глянул на циферблат. Три часа ночи.

— Я пойду, — сказал, поднимаясь. — На озеро пойду. За час доберусь. Самый клев утром. К завтраку ухи наварим.

Володя зажег фонарик и стал разыскивать в рюкзаке рыболовные принадлежности.

— Хорошо, в таком случае я иду тоже, — твердо проговорил Валентин.

Они вернулись в лагерь, когда все еще спали. Хотели разбудить Саримсакова, но постель его пустовала.

— Куда он запропастился? Самгин! — негромко позвал Безделов.

— Иду, иду!

Саримсаков появился с двумя связками чебаков.

Володя и Валентин переглянулись.

— Принимай, Самгин, и наш улов...

На следующий день дождь, наконец, прекратился. Расчистилось небо.

Вертолет прилетел на четвертые сутки. Вместе с продовольствием отряд получил подкрепление — мотопилу «Дружба». Теперь валить лес можно было быстрее и легче.

В сентябре исчез гнус, но на смену ему пришли ночные заморозки. Изыскатели торопились. До Кумы оставалось совсем немного, и когда за поредевшими деревьями показалась прибрежная трава, все облегченно вздохнули. Это — конец маршрута.

Утром укладывали последний участок. Володя и Валентин волновались. Выход к реке подводил итог точности их работы. Трасса должна выйти прямо к назначенному ориентиру.

— Вот что, Валентин, — предложил Володя, — давай сначала пройдем к реке одни. — Он смущенно снял очки и положил их в карман. Валентин понимающе посмотрел на товарища.

— Должно быть все точно...

— Идем. Кстати, осмотрим местность. Здесь, очевидно, придется делать угол.

— Зачем? Будет ли он оправдан?

— Будет. Смотри. К востоку берег становится выше. А нам как раз это и важно: не надо поднимать насыпь для будущего моста.

Кума, зажата с двух сторон лесистыми берегами, катила свои воды величественно и спокойно. Изыскатели смотрели на левый берег, туда, где из-за таежной чащи поднималась небольшая высота. Это и был назначенный ориентир. Олег зачерпнул в ладони холодной воды.

— Ну, что стоите? Выьем, что ли?

На левом берегу реки поставили последний пикет. Взяв краску, Володя старательно вывел на столбике цифру «1000». Потом зарядили ружья, и дружный залп разнесся над тайгой.

Гордые и счастливые, изыскатели стояли у последнего пикета. Тысяча столбиков поставлена на трассе. Каждый пикет — сто метров пути. Но этот особый. Здесь кончался большой и нелегкий путь — дорога длиной в сто двадцать дней.

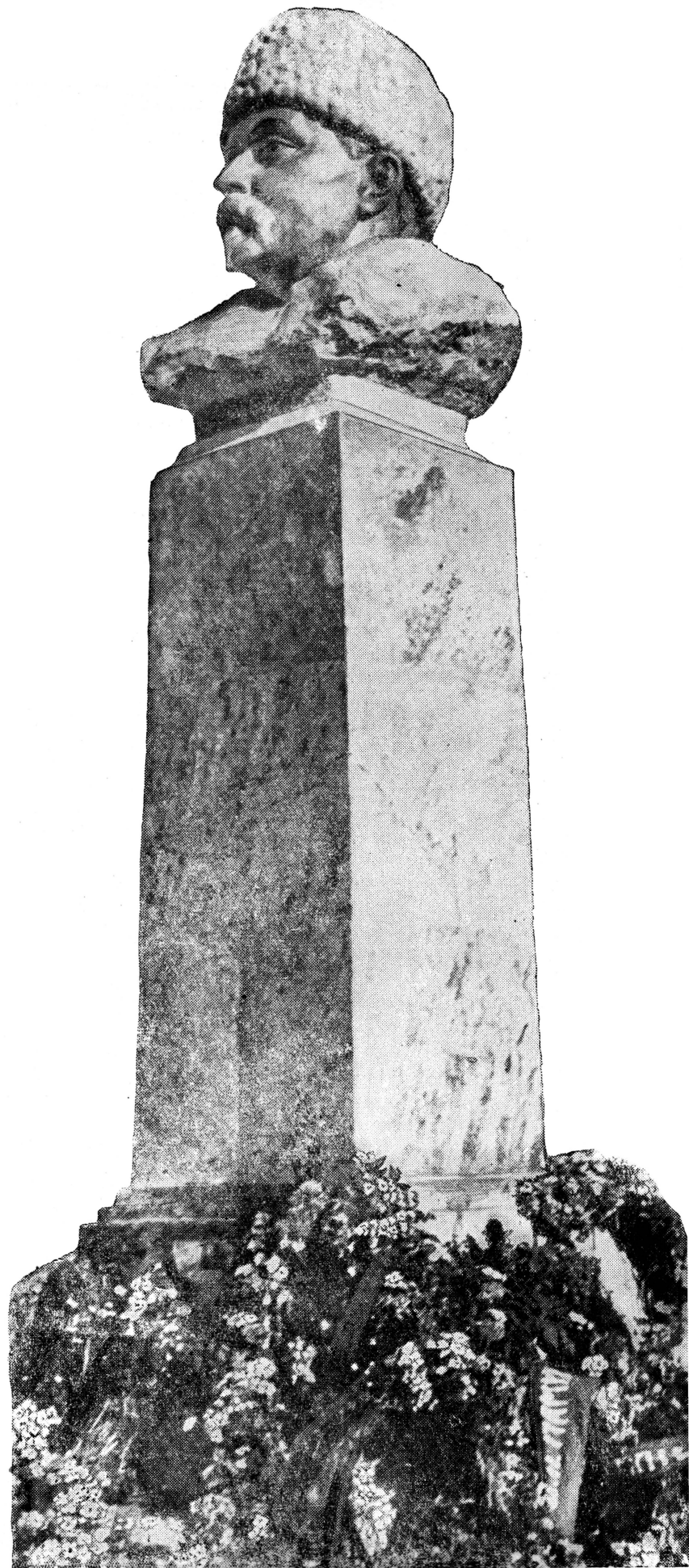

**ПАМЯТИ
ПИСАТЕЛЯ-
УРАЛЬЦА**

В ноябре этого года исполнилось 50 лет со дня смерти замечательного русского писателя, нашего земляка Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

В связи с этой датой на его родине, в поселке Висим, состоялось открытие памятника писателю. В тот же день в домике, где родился и вырос Дмитрий Наркисович, открылся народный музей.

Фото В. Буткевича

НЕВИДИМКИ И НЕФТЬ

Б. ЦЫВЬЯН

Нефтяные консервы

Не правда ли, довольно странное название? А между тем оно как нельзя лучше подходит к тому, что нам довелось видеть на Ярегском месторождении нефти в Коми АССР.

Вот нефть только что извлекли из недр земли. Ее направляют в химическую лабораторию, подвергают тщательному исследованию. Затем переливают в небольшие жестяные банки, которые наглухо запаиваются. «Нефтяные консервы» готовы. Но они изготовлены не для продажи, их назначение совсем другое. Банки с нефтью остаются здесь же, в лаборатории. Через десять лет их вскроют, и вот тут-то обнаружатся удивительные вещи.

Оказывается, часть нефти «исчезла»! Расчеты показывают, что один кубометр консервированной нефти становится на десять килограммов легче, а вязкость уменьшается на одну четверть! И, в довершение всего, в ней значительно уменьшается весовое содержание азота и серы.

Что же произошло? Ведь окислиться нефть не могла, она надежно была защищена от окружающего воздуха.

В чем же секрет?

Ответ на этот вопрос дает заведующий химической лабораторией нефтешахты № 3 инженер-технолог Игорь Леонидович Андреевский.

— Ярегское месторождение, — рассказывает он, — относится к числу очень сложных и, я бы сказал, «упрямых» месторождений. Нефть здесь тяжелая, вязкая и весьма ценная. Но первоначальное давление в нефтяном пласту низкое — не превышает десяти — двенадцати атмосфер. При таком давлении на других месторождениях уже бросают эксплуатацию пласта, разрабатывают иной способ добычи.

Игорь Леонидович подходит к застек-

ленному шкафу и достает несколько образцов серого, местами темного нефтеносного песчаника. На его поверхности, как большие чернильные кляксы, расплылись масляные пятна — следы выступившей нефти.

— Видите, нефть так плотно обволакивает каждую песчинку и настолько прочно с каждой из них связана, что разделить их очень трудно.

Но, оказывается, на свойства нефти имеют влияние бактерии. Азотистые соединения, содержащиеся в нефти, — прекрасная пища для бактерий. Уничтожая азотистые «мостики», связывающие отдельные частички углеводородов, невидимки делают нефть более жидкой и, следовательно, облегчают извлечение ее из недр.

В подземном нефтяном царстве живет около семидесяти различных видов микроорганизмов. Одни из них в результате жизнедеятельности выделяют газы, другие растворяют некоторые породы и увеличивают многочисленные поры, которые заполняются нефтью, третьи уменьшают силы поверхностного натяжения. И все они в меру своих способностей помогают нам увеличить добычу нефти.

Опыт с «нефтяными консервами» как раз и был поставлен для проверки деятельности невидимых помощников.

Патриции и труженики

Бактерии в нефти обнаружил в 1901 году ученый В. Шейко. Он назвал их микрококками. И высказал предположение, что деятельность микробов — основная причина образования нефти.

Теория Шейко вызвала много сомнений. Как могут в нефти находиться бактерии, если она сама убивает микробы? Споры прекратились в 1926 году, когда присутствие бактерий в нефти было установлено непреложно.

А в 1946 году американский ученый

Зо-Белл предложил выращивать в лабораторных условиях специальные колонии бактерий и вводить в пласт, чтобы улучшить свойства нефти. Однако первые результаты были плачевны. В то время как в лаборатории микробы с азартом набрасывались на нефтеносные породы, извлеченные из недр, и блестяще выполняли поставленные перед ними задачи, в нефтяном пласту они ничем не проявляли своего присутствия. Выращенные в лабораторных, комфортабельных условиях, бактерии превращались в «аристократов».

— Наши химики пошли другим путем,— говорит Игорь Леонидович.— Нефтяные бактерии должны быть не «аристократами», а неутомимыми работниками, настоящими мастерами. Для выполнения этой задачи мы делаем ставку на микробов, которые уже живут в нефтяном пласту. Ведь они самой природе сдали труднейший экзамен, блестяще приспособились к жизни в глубине земли.

Дрессированные микробы

— Но как управлять работой бактерий, заставить их трудиться в полную силу? Для этого по буровым скважинам в нефтяной пласт нужно подавать бактериям усиленное питание. Пища бактерий—это растворы сульфата кальция, сульфата железа, обычные сельскохозяйственные удобрения. На один гектар нефтяного месторождения потребуется в сутки около шестидесяти кубометров питательного «бульона».

Однако самые вкусные «блюда»— вещества, содержащие азот,— бактерии не получают! В этом весь секрет. Они яростно нападут на азотные «мостики» и съедят их! А без этих «мостиков» нефть теряет вязкость и становится более жидкой. Так, искусственно создавая «азотное голодание», можно легко добиться, что бактерии станут послушными и будут успешно трудиться.

КОМБИНАТ ХОЛОДА У НАС ДОМА

В начале этого года на Выставке достижений народного хозяйства СССР собрались представители всех предприятий, выпускающих холодильное оборудование. Доклад делал известный специалист из ведущего научно-исследовательского института. Чтобы получить наиболее объективную картину, институт отказался от прежнего метода — испытания образцов, представленных самими заводами и предварительно всесторонне ими проверенных. Нет, ученые решили взять по два холодильника каждой марки непосредственно из магазина и посмотреть, что получает покупатель.

— По своим эксплуатационным качествам и прежде всего по своей экономичности выделяется холодильник «Орск»,— заявил докладчик.

А вскоре стало известно, что этот холодильник отмечен серебряной медалью ВДНХ.

...Новой марке всего два года от роду. Но двадцать пять тысяч холодильников, установленных в квартирах десятков сотен городов и сел, принесли ей уже вполне заслуженную славу. Домашние «комбинаты холода», созданные на Урале, оправдывают свое назначение.

По размерам «Орск» меньше и «ЗИЛа» и «Днепра», но емкость холодильного шкафа оказывается выше и того и другого: 170 литров. Правда, московские холодильники сейчас уже претерпели существенные изменения, и полезный объем их увеличен. Тем не менее уральские вполне выдерживают «соперничество». Покупателю вовсе не безразлично, что на выработку холода автоматический холодильник «Орск» расходует гораздо меньше электрической энергии. Что же касается температур, то они здесь вполне «зимние». В комнате — 20 градусов тепла, а в испарителе — 11—13° холода, на средней полке — 4—5. Морозно!

...Один за другим сходят с конвейера сверкающие белой эмалью шкафы. Их стараются делать еще лучше, еще качественнее и, конечно, дешевле.

«Орск» шагает по стране!

Л. БОЛЬШАКОВ

Сын космонавта

Рассказ

ВЛ. РАЗУМНЕВИЧ

Рисунки В. Бубенщикова

Познакомился я с Вовкой вскоре после того, как Марфа Семеновна Котова, суетливая, добродушная, уже немолодая женщина, работница Госбанка, усыновила его. Мне рассказывали, что Вовкины родители погибли три года назад во время дорожной катастрофы. Марфа Семеновна ничего не знала о них. Уводя мальчика из большого шумного детского дома в свою уютную комнатку, она умышленно не стала спрашивать воспитателей о родителях Вовки: «Я заменю ему мать,— решила тогда одинокая женщина.— Пусть мальчик ничего не знает о несчастье...»

Марфа Семеновна и впрямь полюбила малыша, как сына. Она заботилась о нем каждую минуту и не могла представить своей жизни без белобрысого Вовки.

Когда судьба забросила меня в тот город, где жил Вовка, я целый месяц квартировал у Котовых. Мальчику в ту пору шел шестой год. Если ребята затевали во дворе игру в космический полет, то Вовку, несмотря на его малолетство и низенький рост, почти всегда избирали «начальником звездного корабля». Вовка такое высокое доверие принимал как должное, с достоинством, и сразу же окунался в «межпланетную» стихию. Даже родной дом в эти минуты казался ему земным шаром, вокруг которого требовалось совершить несколько космических оборотов. Вытянув руки за спиной и задрвав подбородок, он стремительно бежал вокруг здания и жужжал при этом до того пронзительно, что жильцы нижнего этажа захлопывали окна, чтобы не слышать его, как они выражались, «реактивного рева».

Но как-то наш «космонавт» попал в затруднительное положение. Во дворе мальчишки, перебирая друг друга, восторженно говорили об отце какого-то Юры Сомова. Юрин отец был инженером, недавно приехал с прославленной стройки, побывал у ребят в школе и рассказал им много удивительного о сооружаемой в Сибири гидростанции. Всех мальчишек взволновал его рассказ.

— Эх, скорей бы вырасти! — В инженеры пойду,— со вздохом заявил самый старший, смуглый худой паренек в синей майке.

Тут, словно по команде, каждый начал хвастаться своим отцом:

— Мой папа шофер. Это получше инженера — целый день кататься на машине, и никто не заругается!

— А мой строит огромную школу на Миуринской!

И только Вовка молчал. Он не помнил отца. Когда же его вдруг спросили о нем, мальчуган замешкался, часто-часто замигал глазами и совсем неожиданно выпалил:

— Мой папа космонавт! Вот!

И сразу надул щеки, словно ему самому выпало счастье летать к звездам.

Многие из мальчишек, разумеется, знали, что Вовка круглый сирота, но возражать не посмел никто.

Лишь одного паренька, с неумным вихром волос на макушке, Вовкины слова задела за живое:

— Ты космонавта выдумал! Никакого космонавта у тебя нет! — заносчиво сказал он.

— Нет есть! — ответил Вовка и плотно сжал пухлые губы.

Чтобы не дать его в обиду, друзья стали убеждать вихрастого, что Вовкин отец и на самом деле космонавт. Но мальчуган упрямо стоял на своем:

— Мой папа летчик. Все летчики скоро будут космонавтами, а у него совсем никакого отца нет...

Домой Вовка пришел обиженный и слезно пожаловался:

— Женька Симичев дразнится, говорит, у меня отца нет, а у него есть — летчик... Мам, ведь у меня есть отец?.. Космонавт? Да?

Марфа Семеновна, помогая сыну разуться, приговаривала:

— Вот ведь охальник какой, этот Женька ваш. Завтра же пойду матери нажалуюсь, ишь, распустила парнишку! Как же это так, без отца-то?

Она погладила Вовку по светлой голове и с грустью заглянула ему в глаза.

— Скажи, мама, а правда, что мой папа космонавт? — не унимался Вовка.

— Правда, правда, сынок!

Прошло несколько дней, и мальчуган окончательно свихся с мыслью об отце-космонавте.

Однажды вечером, когда Вовка лег спать, я осторожно заметил Марфе Семеновне:

— Нехорошо обманывать парнишку. Лучше, пожалуй, честно рассказать обо всем.

— Да я бы с радостью. Но язык не поворачивается. Он стал так мечтать об отце, что видит его даже во сне. Отец для него — самый лучший человек на свете, пример на всю жизнь.

— Но ведь обман рано или поздно раскрывается.

Марфа Семеновна беспомощно развела руками.

В ту ночь мы засиделись допоздна. Сочиняли вдвоем с Марфой Семеновной письмо знаменитому космонавту, в котором наш Вовка души не чаял. Описали все как есть, ничего не утаивая: и то, что Вовка остался без родителей, и как он вместе со своими друзьями «летает» в космос, и о том невинном обмане, к которому прибегала Марфа Семеновна, чтобы не расстраивать Вовку.

К нашему удивлению, ответ пришел очень скоро — недели через полторы. И адресован он был не Марфе Семеновне, а лично Вовке.

Мальчуган до этого никаких писем не получал. Обрадовался страшно. Тут же, при нас, распечатал конверт. Из него выпала фотокарточка.

С первого взгляда Вовка угадал на снимке человека, которым гордятся все мальчишки земного шара.

Вовка просиял, а потом удивленно посмотрел на Марфу Семеновну:

— Так ведь это же...

— Вот он и прислал тебе письмо, — перебила Марфа Семеновна.

...Фотокарточку знаменитого космонавта мальчуган прикрепил кнопками над кроватью, долго стоял перед портретом и смотрел на него широко раскрытыми влюбленными глазами.

А вечером я услышал за дверью нашей комнаты голоса ребят:

— Врешь ты, Вовка!

— А вот увидишь...

Круглая, как мяч, голова просунулась в дверь и спросила:

— Мама, можно Женьке Симичеву к нам?

Вслед за Вовкой в дверях показался мальчуган с торчащими волосами на макушке. Он поздоровался и встал у порога. Переминаясь с ноги на ногу, Женька недоверчиво озирался вокруг.

— Вот! — с гордостью произнес Вовка и повел друга к портрету над кроватью.

Женька Симичев шмыгнул носом, по-взрослому подернул рыжей бровью и с видом знатока серьезно сказал:

— Это наш лучший космонавт. Я видел в газете снимок — он и его дети. Там тебя нет.

— Ну и что ж, что нет! Снимок-то старый. Сейчас бы он и меня взял сфотографироваться. Вот, почитай.

Женька читал письмо долго, произнося каждое слово по слогам.

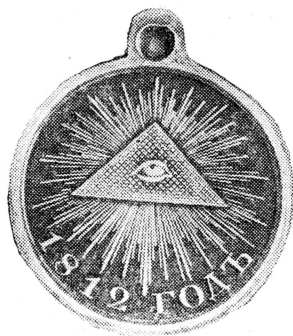
«Дорогой Вовка! — писал космонавт. — Мне рассказали, какой ты славный парень и как отважно водишь к самым звездам космические корабли. Вот еще немного подрастешь — вместе полетим к Марсу на взаправдешнем звездолете. Не возражаешь? А Женьке Симичеву, который дразнит тебя, скажи, что я на него в страшной обиде. Если тебя еще кто будет обижать, или тебе придется в жизни очень туго — напиши мне. Всегда охотно приду на помощь.

Считай меня своим верным другом, а если хочешь, то и своим отцом».

Женька виновато топтался на месте и, как мне показалось, глянул на Вовку с завистью.

УРАЛЬЦЫ ПОД

Утром 31 марта 1814 года по парижским улицам шли русские всыны. Еще вчера была жаркая схватка под городом. Особенно яростно боролись французы за свою последнюю укрепленную позицию на Монмартрском холме. В этом бою доблесть и мужество проявил Екатеринбургский полк. Как боевую реликвию, хранил он впоследствии серебряную трубу с надписью: «За взятие Монмартра 30 марта 1814 года». Полковое знамя уральцев украсили слова: «За отличие в 1814 году против французов». На груди воинов засверкали медали: «За взятие Парижа».

Екатеринбургский пехотный полк был сформирован в городе Екатеринбурге еще до войны с Наполеоном. Командовал им ученик Суворова генерал-майор Гурьянов. В составе Первой Западной армии Баркляя-де-Толли уральский полк участвовал в важнейших сражениях 1812 года. В Бородинской битве он сражался около знаменитой «батареи Раевского», под ураганным огнем артиллерии.

В битве под Бородино принимали участие и другие уральские полки (Пермский, Уфимский, Тобольский и т. д.). Вот что сообщал генерал Ермолов в одном из своих донесений:

«...Высота сия, повелевавшая всем пространством, на коем устроены были обе армии, 18 орудий, доставшихся неприятелю, была слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возврата сделанную потерю. Я предпринял оное. Нужна была дерзость и мое счастье, и — я успел.

РАЗГОВОР ОКОЛО СТАРОЙ ПУШКИ

У небольшой медной пушки, что стоит в одном из залов Свердловского краеведческого музея, спорили два паренька.

— Ты не видишь, что пушка эта вместе с оружием 1812 года выставлена? Ствол разорван, значит, в бою пострадала, — говорил один.

— А год, год какой на пушке выгравирован: — 1805-й! — горячился другой.

Вот тогда-то мне и пришлось рассказать ребятам, что и в 1805 году Россия воевала с Наполеоном, но эта пушка, отлитая на уральском заводе, в боях не участвовала: она повреждена при испытаниях.

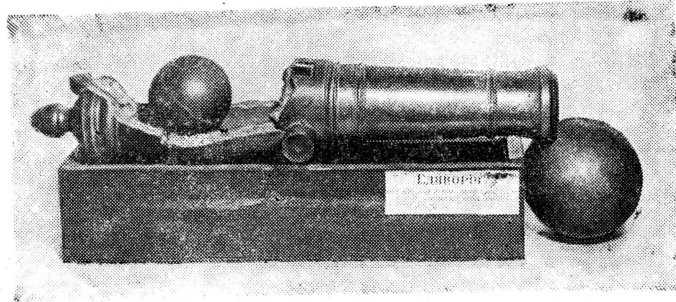
Пушки подобного образца, знаменитые «единороги», изобретены были еще в 1757 году и успешно громили пруссаков в битве при Кунендорфе. В свое время много хлопот доставили «единороги» иностранным шпионам, стремившимся узнать о новом секретном оружии русских, которое метко бьет через головы наступающих полков.

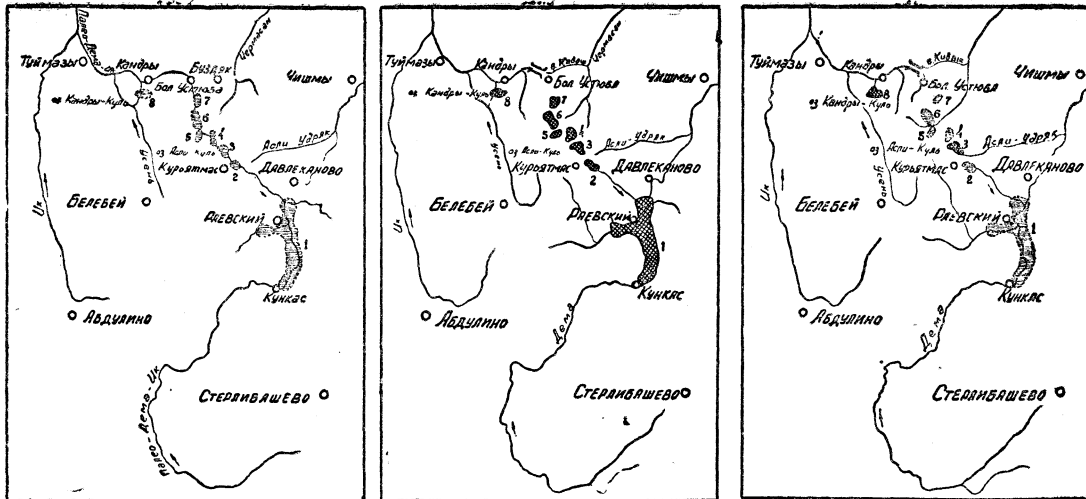
Производство пушек, получивших название от фигурки мифического зверя на стволе, налажено было на Урале задолго до Отечественной войны 1812 года. Архивные документы сохранили нам имена искусных мастеров.

Известно, что в то время все пушки отливали из чугуна. Мастерской Зотин предложил делать их из железа. Он изготовил опытный образец — первенец горной артиллерии. Его пушка была гораздо дешевле «чугунной и при том превосходнее». Зотин заявил, что он может делать разборные легкие пушки, которые будут стрелять с гор и болотных мест и «по выстреле могут быть бомбардирами разобраны, и всякий из них свою часть может нести на руках, не требуя лошадей».

В 1812—1814 годах Урал поставлял боевое снаряжение для армии и флота. При производстве боеприпасов мастерские и техники создавали новые оригинальные машины. Тот же Зотин был награжден в 1814 году Золотой медалью за изобретение машины для полирования артиллерийских снарядов. Когда, в связи с его награждением, возникла переписка, то выяснилось, что подобные машины совершенно самостоятельно созданы на многих уральских заводах.

Ю. БУРАНОВ

Условные обозначения.

0 1. 2. 3. 4. 5.

I — гидрографическая сеть района озер Асли и Канды во время существования реки Палео-Дема-Ик. II — то же в период распада реки Палео-Дема-Ик. III — современные реки и озера Асли-куль и Кандры-куль.

1 — селения. 2 — реки. 3 — озера. 4 — сухие и заболоченные озерные впадины. 5 — древние сквозные долины.

с нижними течениями рек Усень и Ик. Она была притоком Палео-Камы (Древней Камы). Устье ее, по-видимому, находилось на 55 километров выше, чем устье современной реки Ик, то есть близ селения Дербешки (немного ниже устья реки Белой), но возможно, что и не здесь, а на 10 километров ниже, в районе Шадрино. Там и здесь сохранились следы древнего русла в виде меридионально вытянутых озер, болот и сухих впадин. Через них когда-то и протекала древняя река.

Следовательно, эту древнюю реку мы можем назвать Палео-Дема-Ик (древняя Дема-Ик). Общая протяженность ее была не менее 700—800 километров, не считая средних и мелких излучин.

Рождение и смерть реки

Определить точно, когда существовала Палео-Дема-Ик, пока еще невозможно. Для этого не хватает данных. Нужно, чтобы палеонтологи определили, какие растения и живые существа есть в древних речных и озерных отложениях. То немногое, чем мы располагаем, позволяет высказать только некоторые предварительные соображения.

Однажды в галечниках на озере Асли обнаружили пыльцу растений, жириши в древнечетвертичную эпоху. А галечники эти взяты были из берегового уступа, поднимающегося на 50—60 метров выше современного уровня озера. На такой же высоте расположены те отложения соседних рек, которые образовались в древнечетвертичное время (в начале ледниковой эпохи). А более молодых речных отложений в долине Палео-Дема-Ик нет.

Значит, древняя река зародилась в конце третичного периода, около миллиона лет тому назад, вскоре после ухода из Южного Приуралья Акчагыльского моря, и существовала до конца нижнечетвертичной эпохи (800—500 тысяч лет тому назад), когда в этих местах уже обитал человек древнекаменного века.

Зная возраст реки, мы можем рассказать и историю ее. В первой половине среднечетвертичной эпохи рельеф этой части Башкирии резко изменился. В районе древней реки появилась Белебеевская возвышенность. Поэтому средняя часть Палео-Дема-Ик распалась на отдельные старицы, а там, где близко у поверхности земли были легкорастворимые водой гипсы, образовались провалы. В них-то и возникли тогда крупные озера.

Зато верхняя и нижняя части Палео-Дема-Ик, где земная кора так высоко «вздыхала», сохранились в виде рек. Из нижней ее части образовалась современная река Нугуш и нижнее течение рек Усень и Ик.

Но воды верхней части древней реки не сразу нашли себе новый путь. Между современными селениями Кункас и Давлеканово они встретили преграду и образовали здесь большое озеро длиной около 30—40 километров и шириною 6—8 километров. Оно просуществовало недолго, воды его прогвались на юг, образовав нижнюю часть современной реки Дема.

Озера Белебеевской возвышенности, возникшие на месте древней реки, просуществовали до конца ледниковой эпохи. Вероятно, по их берегам обитали тогда люди среднекаменного и новокаменного веков.

В послеледниковую эпоху озера стали постепенно усыхать. Часть их существовала еще совсем недавно, но теперь остались только два — Асли и Кандры.

Судьба озер

Точные геодезические измерения последних 85 лет показали, что Белебеевская возвышенность продолжает подниматься и сейчас, и даже на 2—3 миллиметра в год быстрее, чем соседние — Придемская и Прибельская зоны. Теперь озеро Асли-куль находится на 204 метра, а Кандры-куль — на 164 метра выше уровня моря. А река Белая в нижнем ее течении — только на отметке 57—59 метров.

Чем выше поднимается земная кора, тем глубже становятся местные реки, растут овраги. Все это ведет к осушению озер.

За последние 70—80 лет сильно сократились площади озер Асли и Кандры, значительно изменились и очертания их берегов. Остров на Кандры-куле в конце прошлого века был в три раза меньше и находился на 300—400 метров дальше от берега, чем теперь.

Уровень воды в этих озерах был на три-четыре метра выше, чем сейчас. Вода из озера Кандры вытекала тогда через проток Киндык в речку Нугуш. На этом протоке круглый год работала водяная мукомольная мельница.

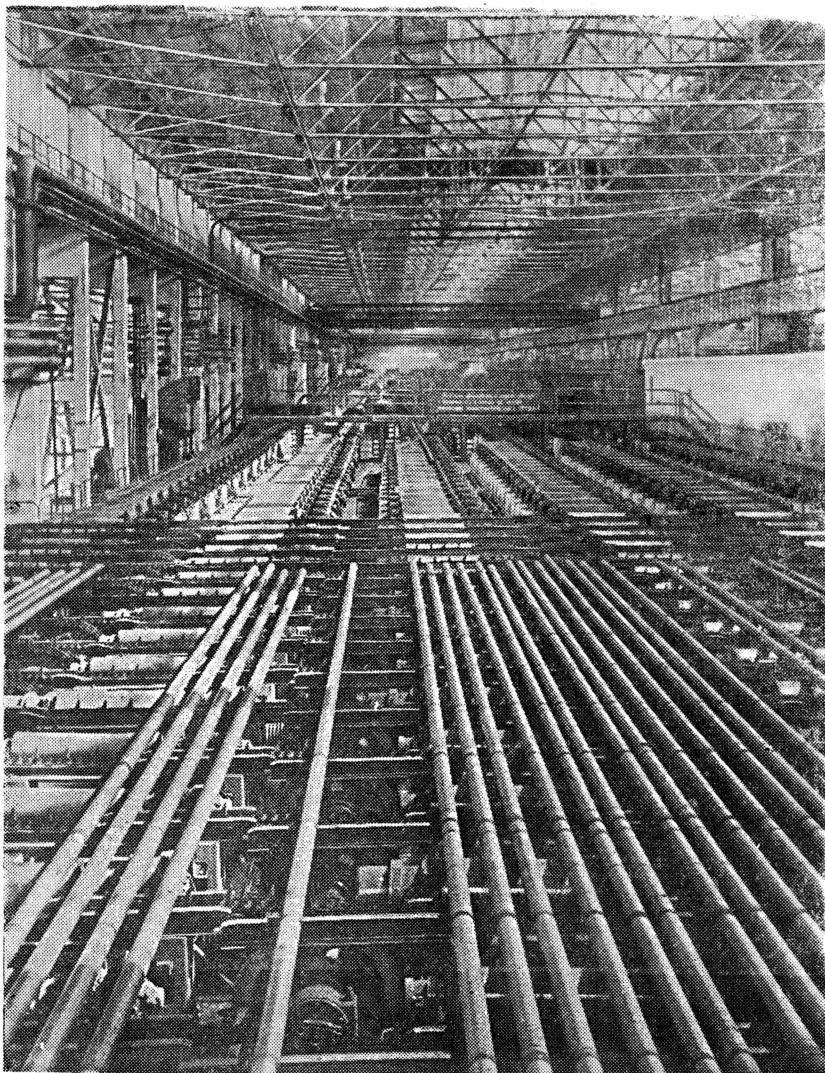
Но сейчас местность, где находится Кандры-куль, поднимается медленно, а поэтому дно быв-

шего протока Киндык больше не углубляется. Значит, нет и опасности, что озеро «вытечет» и исчезнет.

Совсем другая судьба ожидает Асли-куль. Здесь местность поднимается быстрее, соседние реки становятся глубже и растут, потому что длиннее становятся верховья. Если лет 70—80 тому назад истоки речки Асли-Удряк не достигали озера, сейчас эта речка врезалась в юго-восточный берег и сделала озеро проточным. Впадающий в озеро ручей Чарлама, весной, когда уровень озера поднимается, отдаст свои воды уже не озеру, а речке Асли-Удряк. С каждым годом русло Асли-Удряк углубляется, а вместе с этим увеличивается количество убывающей из озера воды.

Если этот процесс будет продолжаться и дальше так, то в недалеком будущем озеро погибнет. А ведь Асли-куль и Кандры-куль — самые большие природные водоемы в Южном Приуралье.

Озера надо спасти. Следует создать вокруг них водоохранные зоны, насадить по берегам лесные полосы. Если на Асли-куле соорудить плотину, то она будет препятствовать стоку воды из озера через речку Асли-Удряк. На берегах озер можно построить дома отдыха, курорты и санатории — на дне озер богатые скопления лечебных грязей.

По Великой Программе

Цех непрерывной прокатки на
Первоуральском Новотрубном заводе.
(Стан «102»).

Фото А. Мусина.

кричит нам:— «Синьоры, прего»,— мы больше не отказываемся от лифта. Мы знаем, что живем в другом мире и здесь свои законы. Поднявшись на этаж, Джорджи выходит вместе с нами из кабины и, зажав в потном кулачке монету, значок, открытку или другой наш подарок, стремглав летит по лестницам вниз. Его любящий хозяин не разрешает спускаться мальчику в лифте, но требует, чтобы он был внизу вместе с кабиной.

Над вечным городом Римом вот уже несколько часов в зените висит расплавленное солнце. Даже высокие дома почти не дают тени. Жарко...

Жара уже забралась и в холл фешенебельной гостиницы «Делла Музе», где на краешке кресла сидит шестилетний Джорджи. Он не подетски задумчиво смотрит через широкую дверь на затихшую улицу. О чем думает этот маленький рабочий Италии?

КУПИТЬ В НЕАПОЛЕ

Сами итальянцы говорят: купить в Неаполе что-либо — значит, дать себя обмануть. Но еще труднее здесь не купить ничего. Вы еще не вышли из гостиницы, а вас уже атаковал почтенный синьор. Заговорщически подмигнув, он выхватывает из кармана наручные часы и, щелкая языком, начинает расхваливать:

— Швейцарские, золотые, гарантия десять лет — и всего десять тысяч лир!

Вы отчаянно машете руками — вам не нужны часы.

Тогда синьор начинает стремительно сбавлять цену: восемь, шесть, пять тысяч лир... Когда вы, наконец, пытаетесь освободиться от него, синьор хватается за ремешок вашего фотоаппарата и предлагает обменять его на часы. Но вот вы уже отходите, и тогда уличный бизнесмен делает последнюю, отчаянную попытку:

— Берите за три тысячи лир!

На этот раз вы отбились, но не празднуете своей победы. Именно сейчас, когда вы пошли гулять по улицам шумного Неаполя, все и начинается. Вы невольно замедлили шаг у витрины, из-за которой на вас, выпучив глаза, смотрит здоровенный, в схват ваших рук, живой краб. И вот уже из магазина выскользнул подросток лет пятнадцати и почти за руки тянет вас в дверь.

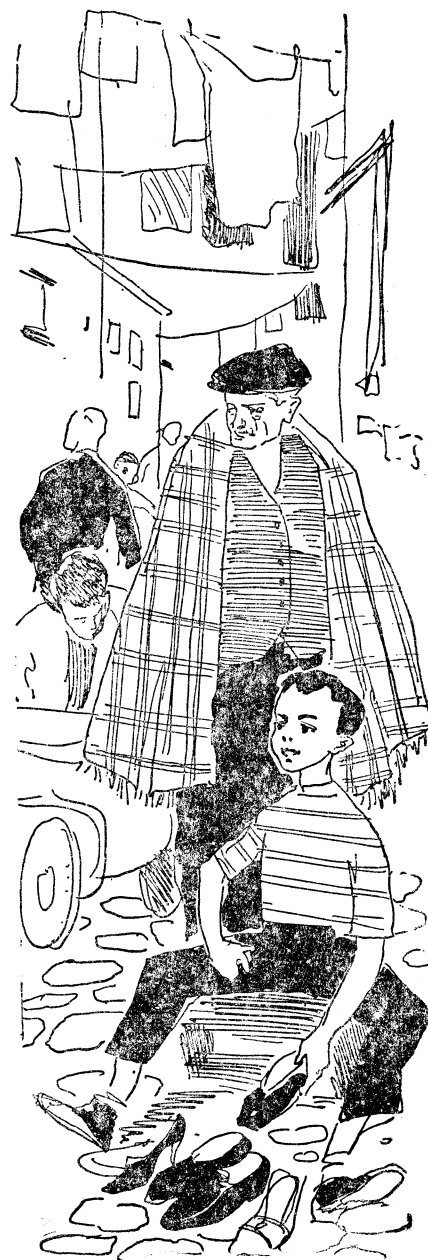
Боже вас упаси останавливаться у витрин. Всего несколько минут вы полюбовались причудливым венецианским стеклом, а раскаиваться придется долгие часы. Не успели вы опомниться, как две пары услужливых и любезных рук уже втолкнули вас в магазин. В глазах рябит от яркого блеска и переливов искусно подсвеченного стекла. Расторопный юный продавец с ловкостью жонглера хватает со стойки кубки, вазочки, бокалы из цветного стекла и ставит перед вами. Рядом целая гора отлитых из стекла лошадей, сказочных птиц, рыбок, зверей, цветов — здесь вся земная фауна и флора и даже то, чего нет в природе. Если на вас и это не произвело впечатления, то место юного торговца у стойки поспешно занимает сам хозяин магазина, и тогда уж вы увидите небо в алмазах.

Солидный синьор с такой прытью начинает вертеть перед вашим носом хрупкими стеклянными изделиями, что у вас пробегает легкий холодок по спине. Темп показа товара «лицом» нарастает, и горе вам, если вы еще не убедились, что это лучшее в мире стекло. Синьор хватается бокал и отчаянно ударяет им о стойку. Бокал цел, и он ударяет его с еще большей силой. Вы с ужасом смотрите на руку синьора. Ку-

лак с хрупким стеклом уже вновь взвился над стойкой. Надо немедленно предотвратить кровопролитие! Вы торопливо тычете в первую попавшуюся безделушку пальцем и тут же осознаете, что растались со своими последними лирами и обрели себя на страдания без курева до конца вашего туристического пребывания в прекрасной Италии.

Однако покупка в ваших руках, и вам остается лишь поблагодарить услужливого хозяина. Провожают вас до самой двери с такой любезностью и почестями, какие вряд ли знал сам персидский шах. Но теперь вам уже все равно. Вы настолько становитесь смелыми, что решаетесь идти даже на уличный базар, что расположен почти в самом центре города, близ железнодорожного вокзала. Здесь торгуют прямо на тротуарах. Две улицы сплошь запружены тележками, старенькими фургончиками и даже детскими колясками. Рядом с торговым транспортом на мостовой лежат кучи неприхотливой домашней утвари — обувь, одежда, посуда, мебель...

В продаже этих трехсотных товаров упражняются подростки и даже дети дошкольного возраста. Правда, малыши действуют под наблюдением старших. Над базаром весь день, до восьми часов, — время, когда в Италии закрываются магазины, — стоит похожий на шум неапольского прибора гвалт мальчишеских голосов. Ма-

ленькие торговцы, не щадя себя, расхваливают товары, отчаянно заывают покупателей, зло переругиваются друг с другом. Все вокруг — загорелые до черноты мальчишки, их наставники — почтенные старики, пестрые кучи товара — жарится на гигантской сковороде раскаленной солнцем мостовой. Когда вы выбираетесь из тесных лабиринтов базара, у вас еще долго шумит в голове и рябит в глазах.

Но вот вы, наконец, в аристократических кварталах Неаполя. Здесь красивые дворцы и дома, широкие улицы, нет гор бумажного сора; обычно в торговых кварталах. Магазины просторные. В огромных сверкающих витринах на товарах пугающие рабочего человека цены, выраженные пятнадцатичными цифрами. Продавцы здесь одеты как министры на торжественных приемах, они не заывают покупателей, не суетят-

ся, когда к ним входят. Они, как дипломаты, учтивы, холодны и предельно вежливы.

Вы приостановились у одного из домов, чтобы немного передохнуть. И вдруг перед вами, словно из-под земли, вырастает мальчик. Он так мал, что у нас его вряд ли приняли бы в старшую группу детского сада. Но здесь он уже труженик, который зарабатывает свой хлеб опасным трудом. Он переманивает покупателей от одного магазина к другому и получает за каждого поштучно свои лиры. На это рискованное занятие детей может толкнуть только крайняя нищета и голод. Мальчишек этих нещадно бьют.

— Синьор, синьор... — слышите вы заговорщический шепот маленького конспиратора и видите, как он, не вынимая сухих ручонки из карманов коротких штанишек, одними глазами указывает на витрины магазина напротив.

БАМБУЛА

Флоренция или, как говорят итальянцы, — «Ференция», — город-музей. В бесчисленных дворцах, соборах, картинных галереях и прямо на площадях здесь можете встретить бесценные шедевры мирового искусства Тициана, Рафаэля, Микельанджело, Леонардо да Винчи. Словно замороженные, по узким улицам города бродят толпы туристов, подолгу замирая у мраморных и бронзовых памятников, извезданных временем. От восхищения ахают и щелкают языком, без конца фотографируются, возмущаются, что городские власти, на их взгляд, плохо заботятся о сохранении памятников искусства, которые «принадлежат не только Италии, а всему цивилизованному человечеству». А местные жители, не удостоив даже взглядом беломраморную фигуру прекрасного, как музыка, «Давида» Микельанджело, обремененные своими повседневными заботами и думами, спешат через площадь Синьории.

У постаментов знакомой еще по школьным учебникам бронзовой скульптуры «Персей отрубает голову медузегоргоне» разложил свой нехитрый товар уличный

торговца. Он продает сумочки, шляпы, корзинки, шкатулки из знаменитой флорентинской соломки, но охотников покупать мало. Люди толпятся вокруг высокого, опаленного солнцем синьора. Он громко, на всю площадь выкрикивает:

— Бамбула, синьоры! Бамбула!¹

Это тоже торговец. Он держит за руку большую куклу, которую вначале все принимают за девочку лет трех. Кукла одета в розовое нейлоновое платье, на ногах светлые башмачки, на шее ожерелье. Торговец водит куклу за руку по кругу. Она, как солдат на учении, выбрасывает вперед ножки, отмеряя короткие шажки, вертит льняной головкой и моргая удивительными голубыми глазами, пищит.

У куклы особенно много толпится детвора. Когда малыши слишком близко подходят к бамбуле, ее хозяин, гикнув, топает на них ногами, и ребята, как горох, шумно рассыпаются по площади. Через несколько минут, малыши, шмыгая носами, вновь собираются вокруг торговца и все повторяется сначала.

¹ Бамбула — кукла.

Синьор кричит на ребят беззлобно, шутиливо. Видно, вся эта игра входит в программу рекламы его товара.

Не участвует в ней лишь одна девочка лет семи. Она стоит на лестнице, украшенной колоннадой. Обхватив ручонками колонну и припав щекой к мрамору, она, не отрываясь, словно за- гипнотизированная, смотрит на куклу. Сверху ей хорошо виден тот уголок площади, где синьор водит за руку принцессу — бамбулу. Лишь иногда, когда люди очень близко проходят мимо балюстрады, за которой стоит девочка, и закрывают собой торговца с куклой, она нетерпеливо морщит свой смуглый лоб и, поднявшись на цыпочки, меняет позу.

Мы около часа пробыли на площади Синьории, осматривая знаменитые скульптуры и дворцы, а черноволосая девочка с растрепанными косичками так и не покинула своего места.

Редкий человек, проходя здесь, не останавливался хоть на минуту. Некоторые даже берут куклу в руки, но, узнав о цене, удивленно качают головой и быстро уходят.

Постоянные зрители этого бесплатного спектакля лишь шумная стайка мальчишек да смуглая девочка, затаившаяся, как мышонок, за колонной.

Среди тысяч людей, прошедших за день через площадь, не нашлось ни одного, кто бы купил эту сказочно красивую, но очень дорогую куклу. В этом мы убедились вечером, когда возвращались после экскурсии по городу в свою гостиницу. Усталый торговец бережно укладывал бамбулу в большую и яркую коробку, а рядом на легкой тележке лежало еще три таких же нераспечатанных коробки, которые мы видели днем. Вокруг уже ничего не было. Маячила лишь тоненькая, как былинка, фигурка девочки. Вытащив шею, девочка смотрела, как проворные руки

торговца расправляют в коробке дорогое нейлоновое платье куклы.

На следующий день мы вновь проходили через площадь Синьории. Наша знакомая чернавка, так мы ее уже называли меж собой, была там. Она то прогуливалась по широкой лестнице, то застывала у колонны, прислушиваясь к выкрикам торговца:

— Синьоры, бамбула! Синьоры, бамбула!

В полдень, когда наша экскурсия уже окончилась, мы решили вернуться в свой отель через эту же площадь и тут стали свидетелями такой сцены.

Окруженный толпой зевак и вездесущих мальчишек, счастливый торговец вручал здоровенному бородатому арабу яркую коробку с куклой. Когда тот неловко принял покупку в свои саженные ручищи, торговец быстро подбежал к тележке и, выхватив из коробки точно такую же куклу, громко закричал.

— Синьоры, бамбула! Бамбула!

Все, забыв про араба, восхищенно стали смотреть на куклу, которая переставляла ногами, вращала головой и, глядя на всех удивленно раскрытыми глазами, жалобно пищала. Не обращала внимания на новую куклу только девочка-чернавка, которая теперь стояла здесь же, в толпе. Она испуганно следила за большими темными руками араба, поправлявшего ленту на коробке.

Возвышаясь над толпой, бородач с минуту смотрел на красавицу куклу в руках торговца, а затем, улыбнувшись, широко зашагал через площадь.

Девочка сначала робко, а потом все быстрее и быстрее пошла за ним. Когда она проходила мимо, я видел, как на ее личике подрагивали бескровные губы. Они что-то шептали. Но я смог разобрать только слово «бамбула».

Урал—Ташкент

Урал издавна был связан со Средней Азией. Еще в далекой древности караванными тропами по долинам Оби и Иртыша, через Казахскую безводную степь шли к Каменному Поясу среднеазиатские купцы, дипломаты, ремесленники и скотоводы. Многие оседали здесь, оставаясь постоянными посредниками в оживленной торговле. Так появились узбекские и бухарские слободки близ Тары, Тюмени, Тобольска, Уфы, Березовска, Сургута, Туринска, Верхотурья, Ирбита, Перми, Оренбурга, Троицка.

Самым крупным торговым центром на Урале тогда был Ирбит с его знаменитой ярмаркой. Сюда привозили целые караваны хлопка, тканей, каракуля. На съезде яр-

марочного комитета в 1838 году участвовали 850 русских и 270 бухарских и ташкентских делегатов. В 70—80 годах прошлого века только в бухарских волостях вокруг Тюмени насчитывалось 587 хозяйств. В 1850 годах в районе Тобольска имелось 47 бухарских и ташкентских селений, в которых проживало 3772 человека, а по переписи 1897 года в Тобольской губернии числилось уже 11 307 выходцев из Средней Азии в 352 селениях.

В то же время по этой же переписи в Ташкенте значилось 3740 уральцев. К 1926 году их число подошло к 30 тысячам. В дальнейшем обмен населения с Уралом увеличился. За шесть лет (1951, 1953, 1955—1958 гг. по материа-

лам прописки и выписки паспортов) в Ташкент прибыло 23 тысячи уральцев, а убыло 17 тысяч. Таким образом, около 6 тысяч уральцев стали ташкентскими жителями. В свою очередь в городах Урала в те же годы оседали ежегодно около ста ташкентцев.

При помощи уральцев Ташкент превратился в крупнейший промышленный город Советской Средней Азии. Здесь работает более 150 крупных предприятий и 17 вузов. В каждом предприятии, учреждении, жилом квартале города вы встретите уроженцев Урала. Строящийся газопровод Бухара — Урал еще теснее связывает Урал с Узбекистаном.

Э. Ташбеков,
научный сотрудник АН УзССР.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

Из новой книги

Людмила Константиновна Татяничева родилась в декабре 1915 года в городе Ардатове, Мордовской АССР.

С десяти лет живет на Урале.

Работала токарем по металлу, журналистом, директором книжного издательства.

Окончила Литературный институт имени Горького. Первая книга Л. Татяничевой — «Верность», вышла в 1944 году. В послевоенные годы издано около двадцати сборников стихов, в том числе «Родной Урал» (1950 г.), «Вишневый сад» (1954 г.), «Синегорье» (1958 г.), «Лирические строки» (1960 г.), «Малахит» (1960 г.), «Самое заветное» (1961 г.).

Яблоки для всех

— *П*рекрасный сад,—
Все говорят,—
Побольше бы таких!
Здесь ни калиток,
Ни оград,
Ни псов сторожевых.
Пусть каждый входит без помех —
И он. И ты. И я...
Здесь зреют яблоки для всех,
Да, да, ДЛЯ ВСЕХ, друзья!
Они от летнего тепла
Крупнеют с каждым днем.
Когда нальются доспела,
Мы с веток их сорвем.

Горнист ребят всех созовет,—
Всем хватит места здесь!
Пусть каждый яблоко берет
И на здоровье ест.
Да не одно,
Хоть пять подряд...
Но не об этом речь:
Давайте общий этот сад
Все сообща беречь!
Без сторожей он,
Без оград
И без ворот глухих.
Здесь НАШИ яблоки висят
На веточках тугих.

Сорочье гнездо

*К*то из зверей живет в лесу
За синим Таганаем?
Гнездо сорочье принесу —
Мы тотчас все узнаем.
Вот я принес его.
Смотри,
Оно как прутьев ворох.
Но устилает изнутри
Его пушистый войлок.
Сорока-мать гнездо свила
Из жестких хворостинок.
А теплый войлок соткала
Из пуха и шерстинок.
Растеребим мы их давай
На тоненькие прядки.
Теперь смотри и примечай.
Ведь в этом —

Ключ к разгадке!
Вот поседелой шерсти клок.
Узнал он чей?
Еще бы...
Его оставил хищный волк
На лапнике в чащобе.
Пух зайца.
До чего хорош!
    это, цвета меди,
    исицы шерстка...
    наешь?
    , вот и шерсть медведя.
Спасибо старому гнезду!
Теперь мы точно знаем.
Кто из зверей живет в лесу
За синим Таганаем.

Что случилось?

*Л*ет восьми мальчишка
По лесу шагает.
Почему в мальчишку
Шишки ель швыряет?
Отчего ракиты
На него сердиты?
Травы, как осока,
Колются жестоко?
Зло кусают осы?
Солнце смотрит косо?
Мальчишка, как мальчишка,
Над бровями челка...

Белка на мальчишку
Смотрит, как на волка.
А душистый ландыш
Отвернулся даже...
Кулаком мальчишка
Слезы вытирает.
Не случайно шишки
Ель в него швыряет!
Поступил он гадко.
Поступил он грубо —
Сбил он из рогатки
Дятла-трудолоба...

Будьте добры

*С*колько просьб начинается
с «будьте добры»!
— Скажите, который час?
— Прочтите, глаза у меня стары.
— Придите, беда у нас!

— Будьте добры.
Очень спешу,
Билет мне до Синь-горы...
Вас я, друзья, ни о чем не прошу.
Просто — будьте добры!

Следопыты сообщают

Подарок писателя

В Михайловском заводе Свердловской области в семье Избицких хранится фотография с подписью: «Моей дорогой ученице В. Юшковой на добрую память. Пав. Бажов. 14.XI.14.»

Валентина Михайловна рассказывает:

— Я впервые встретила с Бажовым в Екатеринбурге (Свердловске) в 1911 году, когда держала экзамены в училище. Павел Петрович был в нем учителем русского языка. Говорил он тихо, объяснял исключительно хорошо. И мы с большим вниманием слушали его уроки. Успеваемость по русскому языку у нас была всегда высокой. Если кто плохо выполнял домашнее задание, Павел Петрович строго спрашивал за недисциплинированность.

В 1914 году мы узнали, что Бажов уходит из училища, и попросили подарить нам что-нибудь на память. На следующий день он принес три или четыре (точно не помню) фотографии и роздал своим ученикам с личной подписью. Одна из фотографий была адресована мне.

А. ПЕВЦОВ.

Помощники дятлов

В том году в лесах вокруг города Михайловска я видел множество пней и поваленных ветром древесных стволов, с которых была снята кора. Для такой работы требовались усилия, по меньшей мере, нескольких сот дятлов. Именно дятлов, так как добыча спрятавшихся под корой личинок жуков-короедов, лубоедов, усачей, златок, — специальность этих птиц.

Но дятлы оказались в стороне: куски коры с пней и упавших стволов с особой тщательностью снимали рыбаки. Личинки — «закорыши» оказались первоклассной насадкой для рыбной ловли. Лещ, всегда бравший на червя, вдруг заикался и потребовал короедов. Вот и пришлось рыбакам заняться дятловой работой. Получилось приятное с полезным: хорошо ловился лещ, и поубавились вредители в Михайловских лесах.

Н. МАЙСКИЙ

Ревдинский чай

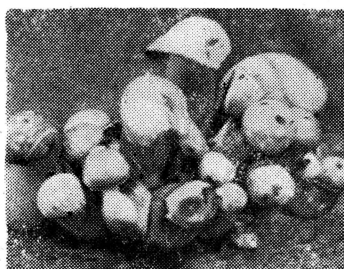
После Русско-японской войны 1904 года в Ревду вернулся солдат. Он воевал в Маньчжурии, был взят в плен и до конца войны работал на рисовых и чайных полях.

Трудясь на чайной плантации, он многое заметил и разузнал о том, как выращивается нежный и ароматный чайный лист. На случай взял, тайком, конечно, немного семян «особого» (может быть, морозостойкого) сорта чая, завернул в тряпицу и хранил до самого отъезда из плена на Родину. По возвращении посадил чайные семена у себя на огороде, терпеливо ухаживал за растениями и, наконец, дождался дня, когда сделал первую заварку ипил свой, «ревдинский» чай.

Это вольный пересказ одной из записей свердловского доктора Ляпустина, человека, собравшего за долгую и интересную жизнь много ценных краеведческих материалов.

Очень трудная, но и очень интересная задача, которую могут взять на себя ревдинские следопыты и краеведы, — найти следы солдатского чая.

Николай ХРУЩЕВ.

Большая семья

Это семейство подберезовиков нашла жительница Алапаевска Бенедиктова. Семья огромная — 32 гриба — взрослых, маленьких и совсем малюток.

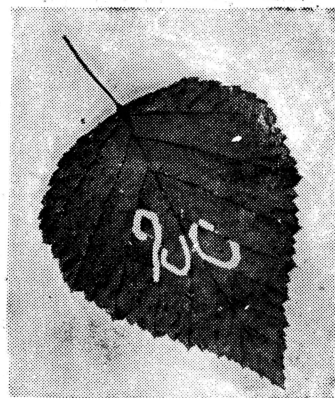
М. ТЕЗЯКОВА

«Грамотный червяк»

Этот листок с надписью «2с» я нашла летом на молоденькой березе. Рядом — маленький червячок, сам маленький, а носик черненький. Надпись на листке, сделал, конечно, он.

Вот какой «грамотный» червяк!

А. ЛЕБЕДЕВА

СИЛОЮ В ДВЕ ПЕДАЛИ

В один из летних дней 1914 года небольшая кучка любопытных томичей провожала на окраину города невысокого человека с велосипедом. Хлюпала под ногами грязь, гоготали гуси, величественно шествовавшие по центральной улице города.

— Не добраться ему... Мыслимое ли дело! — шептались провожавшие.

Попрошавшись с родными и друзьями, человек вскочил на велосипед, и колеса начали отсчитывать первые километры пути. А путь был неблизким. Курьер управления Томской железной дороги Павел Ворожцов задумал на велосипеде проехать из Томска в Москву. Тысячи верст по глухотам, бездорожью и безлюдью...

К сожалению, подробных записей о пробеге Павла Ворожцова обнаружить не удалось. Известно только, что пробег был успешно завершен. Ворожцов проделал за 29 дней 3700 верст и благополучно прибыл в Москву.

Но на этом не кончилась спортивная судьба сибиряка. Через 12 лет томские спортсмены решили повторить пробег. По инициативе газеты «Красное знамя» и Дорпрофсожа его организовали летом 1926 года. Своим пробегом смельчаки агитировали за велосипедный спорт и стремились выяснить пригодность сибирских дорог для езды на велосипедах.

7 июля в 2 часа дня курьер управления Томской железной дороги Павел Георгиевич Ворожцов и телеграфист Владимир Александрович Кекин стартовали с площади Революции. Спортсменам предстояло проехать по маршруту Томск — Юрга — Новосибирск — Тюмень — Свердловск — Сарапул — Казань — Москва. Проходили в сутки 80—90 километров. Но были и такие дни, когда велосипедистам удавалось

покрыть расстояние в 120 и даже в 150 километров.

19 августа сибиряки подъехали к Москве. После небольшого митинга на Красной площади прибывших разместили в гостинице «Грандотель».

Велокомитет Московского автомотоклуба на специальном заседании постановил: «Заслушав информационный доклад гг. Ворожцова и Кекина, выбывших из Томска 7 июля и прибывших в Москву 19 августа 1926 года, пройдя расстояние около 3700 километров за 42 дня, велокомитет считает своим долгом отметить всю трудность данного пробега. Все же несмотря на трудности в дороге, пробег был закончен вполне благополучно. Этим вписана новая славная страница в историю велосипедного спорта».

Через несколько дней томичи побывали в Кремле у Михаила Ивановича Калинина. Всесоюзный староста расспросил их об условиях пробега, о состоянии здоровья. В Томск спортсмены возвратились поздно.

Как же сложилась судьба Ворожцова и Кекина в дальнейшем?

Павла Георгиевича уже нет в живых. А Владимир Александрович Кекин живет сейчас в Томске. Ему больше 60 лет, он на пенсии. Но энтузиаст спорта полон сил и энергии. По-прежнему строгий режим, по-прежнему велосипед, по-прежнему вокруг молодежь.

В. КОГАН

И ТАК БЫВАЕТ...

Бой аистов с орлами

Такой бой произошел недавно в Бордюре, к юго-востоку от Турции. Сражались сорок аистов и тридцать орлов. Победили аисты. Не понеся никаких потерь, они сумели сбить пять орлов и обратить в бегство остальных.

Жако—способный ученик

Еще в школьные годы москвич Коля Райков полюбил животных и птиц. Теперь он студент биологического факультета МГУ. Его комната — маленький зоосад, за которым он любовно ухаживает, изучает жизнь, нравы и повадки его обитателей. Среди питомцев Николая Райкова есть прилежный ученик — северо-африканский попугай Жако, серая, с красивым хвостом птица. Жако довольно четко произносит такие слова: Юра, Колюшка, бабушка,

дедушка, Колюшка хочет есть, здравствуйте, ой, хочу банан и другие.

На недавней выставке птиц в Москве Жако был экспонатом № 1, привлекавшим к себе особенное внимание посетителей.

Прожорливые собаки

Английская научная экспедиция посетила остров Тристан-да-Кунья, который в прошлом году, после вулканического извержения, покинули жители. Она обнаружилла, что оставшиеся здесь и одичавшие пятнадцать собак сожрали семь тысяч овец, брошенных людьми.

Вот это градина

Во время жестокой грозы, разразившейся в Вейхерхаммере, в Баварии, с неба упал кусок льда величиной с большую пивную бочку. К счастью, градина попала в сад, не причинив вреда ни людям, ни скоту.

ЧТО ТАИТСЯ В ШУЛЬГАН-ТАШЕ?

Весной 1959 года газеты и журналы нашей страны, а затем и многие иностранные издания облетело сенсационное известие: научному сотруднику Башкирского государственного заповедника зоологу А. В. Рюмину удалось найти в Каповой пещере рисунки древнего человека, сделанные краской и резцом на стенах еротов и галерей. Рюмин утверждал, что возраст рисунков 120—150 тысяч лет.

В научных кругах это сообщение произвело огромное впечатление. Оно мекло давно сложившиеся представления о далеком прошлом нашей страны. Надо было заново переписывать некоторые страницы ее истории, а заодно и посмотреть иным взглядом на страницы истории других стран Европы.

Но не прошло и года, как в печати появились новые сообщения. Тщательное изучение рисунков показало, что они созданы не рукой человека, а... природой. Споры вокруг «Эрмитажа предков» в знаменитой Каповой пещере разгорелись с новой силой.

Мы попросили старшего научного сотрудника Института археологии Академии наук СССР Отто Ни Оллевича Бюелли, возглавляющего специальную экспедицию в Капову пещеру, рассказать читателям «Слеопыта», что же все-таки найдено в ней, существует или нет «Эрмитаж предков».

СЕНСАЦИЯ ШУЛЬГАН-ТАША

В 1879 году случайно было сделано замечательное открытие: древнейшие рисунки на стенах пещеры, относящиеся ко временам еще древнекаменного века (палеолита). До этого никто не предполагал, что корни искусства живописи лежат так далеко в глубине истории человечества.

Это открытие произошло при следующих обстоятельствах. Испанский археолог Марселино Саутуола, нашедший за четыре года до этого следы обитания палеолитического человека в Альтамирской пещере, продолжал ее изучение. В этот день он взял с собой на работу свою маленькую дочку. Каково же было удивление Саутуолы, когда девочка обратила его внимание на рисунок животного на потолке пещеры. Ученый и не подозревал о нем. Дальнейшее обследование показало, что здесь, в залах подземного дворца, множество таких рисунков, сделанных черной, коричневой и красной краской. Рисунки изображали бизонов. Саутуола снял их и опубликовал в печати.

Но не сразу и нелегко удалось доказать палеолитический возраст открытых рисунков. Многие ученые сомневались в столь глубокой их древности, относя их к более поздним временам. Только новые открытия подобных рисун-

ков в других испанских и французских пещерах в самом конце прошлого века постепенно наносили увлекательную картину развития древнейшей пещерной живописи, возникшей десятки тысяч лет тому назад. В современной археологической литературе имеется немало роскошных изданий этих уникальных памятников первобытности.

Постепенно выяснилась одна интересная особенность в распространении таких рисунков. Пещер в Европе много, а следы древней живописи в них были известны только в юго-западной Европе; в Австрии, Чехословакии, Венгрии и странах Восточной Европы они не встречались. Так считалось до последнего времени, когда в январе 1959 года сотрудник Башкирского Государственного заповедника зоолог А. В. Рюмин сообщил, что он открыл следы палеолитической живописи в известной пещере Шульган-Таш, или Каповой пещере, на Южном Урале.

Осенью того же года Рюмин прочел в Институте археологии Академии наук СССР сообщение о своей находке и напечатал о ней несколько статей в газетах и журналах, в том числе и в «Уральском следопыте»¹. Сообщение облетело многие страны мира. Казалось бы, пора уже было пересматривать установившиеся в

¹ См. «Уральский следопыт», 1960 г., № 3.

археологии взгляды на распространение пещерной живописи в Европе. Но... наука не терпит скороспелых выводов. Сообщение зоолога Рюмина предстояло проверить специалистам-археологам.

ЭКСПЕДИЦИЯ ИДЕТ НА УРАЛ

Институт археологии решил проверить сделанное открытие и в сентябре 1960 года направил меня на Южный Урал для обследования Каповой пещеры.

Взяв с собой двух молодых лаборантов из института и нескольких альпинистов из Московского клуба туристов, я доехал на двух машинах-вездеходах через Стерлитамак, Мелеуз и Мраково до деревни Мурадымово на реке Большом Ике и начал раскопки небольшой пещеры, где когда-то были найдены очень древние каменные орудия вместе с костями животных. Значит, человек тут когда-то жил. Но когда, и — рисовал ли он?

Затем, оставив там часть отряда, я пересек красивейший горный район через Побоище, Березовку, Малый Ик и Тютюлени и выехал на левый берег Белой у деревни Куаламат, в двух с половиной километрах от цели путешествия — Каповой пещеры. Но переехать вброд разбухшую от дождей реку наши шоферы не решились. Пришлось разбить лагерь здесь же, на берегу, и каждый день, направляясь в пещеру, переезжать быструю Белую на резиновой лодке.

Пещера производит очень большое впечатление своим грандиозным входом, неожиданно открывающимся перед вашим взором из-за уступа скалы.

Местное башкирское население называет пещеру и гору, в которой она расположена, — Шульган-Таш, но русские уже давно прозвали ее Каповой. Очень возможно, что имя ее происходит не от глагола капать, а от многочисленных известковых натечков, наростов внутри пещеры. Как известно, наросты на деревьях в народе называют капом.

Впервые пещеру обследовал П. И. Рычков. В 1760 году он опубликовал ее описание. Позднее пещеру изучал академик И. И. Лепехин и многие другие исследователи. Но точный инструментальный план ее был снят только в 1960—1961 годах экспедицией молодого Башкирского Госуниверситета под руководством И. К. Кудряшева и Е. Д. Богдановича.

Длина подземного дворца, по данным этой экспедиции, равна примерно полутора тысячам метров; это одна из крупнейших и наиболее величественных пещер Урала. Ко всему тому, она двухэтажная. Нижний этаж находится на высоте всего семи с половиной метров над уровнем реки Белой. Начало галереи второго этажа возвышается почти на тридцать метров над смежной частью первого этажа, а ее основная часть находится на 46—55 метров над уровнем Белой. Уже эта высота позволяет предполагать очень большую древность верхнего этажа Шульгановой пещеры.

Нижний этаж насчитывает несколько величественных, следующих друг за другом зал. В одном из них Рюмин нашел рисунки. Идем туда.

Уже за первым поворотом от входа мы по-

грузились в полную темноту и столь же полную тишину, которая нарушается только звонким падением капель. Преодолев несколько хаотических завалов из больших, обрушившихся с потолка скользких камней, достигли последнего, большого зала. На задней его стене коричневое пятно. Да, оно похоже на голову медведя.

Но увы! «Рисунок» медведя, которым так увлекся А. В. Рюмин, — не рисунок. Это просто пятно известнякового натёка, окрашенного гидроокислами железа. Корочка натёка когда-то покрывала всю стену, но затем во многих местах обвалилась; оставшиеся коричневатые ржавые пятна хорошо выделяются на светлом фоне обвалов. Среди них, при желании, без особого труда можно найти фигуры, похожие на различных животных. Именно такими пятнами оказались и увиденные Рюминым головы медведя и волка. Человек не приложил своих рук к этим «изображениям».

Зато в этом же зале мы нашли на низком, кося спускающемся потолке рисунок, не замеченный Рюминым. И это был, несомненно, рисунок человека. Его легко достать рукой с нагроможденных на полу больших камней. Это нанесенная широкими красными мазками схематическая фигура, близкая усеченному конусу и разделенная внутри несколькими симметричными, почти вертикальными линиями.

Значение фигуры определить трудно. Может быть, это стилизованное изображение шатра, жилища. Так же трудно определить и время, когда этот рисунок был нанесен на стену, но его большая древность несомненна хотя бы потому, что часть его покрыта прочным известняковым натёком. Рядом с ним и в соседнем зале мы увидели красные пятна каких-то других фигур, очень расплывчатые. При свечах и фонариках их было трудно рассмотреть: рисунок ли это или опять натёки.

КЛАДЫ ВТОРОГО ЭТАЖА

Во второй этаж пещеры мы поднимались уже совсем не уверенные в успехе. А подъем был трудным и опасным. Последний, вертикальный, колодец мы преодолели, цепляясь за малейшие выступы каменной стены, одновременно держась за завязанную узлами, мокрую, покрытую скользкой глиной веревку.

Но зато мы были вознаграждены.

Верхняя галерея оказалась ровнее и суше. Пройдя по ней немногим более ста метров, мы попали в огромный сводчатый зал с несколькими упавшими с потолка крупными каменными блоками на дне. Справа, на гладком участке задней стены, в освещенные фонариками круги стали попадать красные пятна, и, подойдя почти вплотную, мы увидели крупную красную фигуру лошади — знакомую нам по фотографии, помещенной Рюминым на третьей странице обложки мартовского номера журнала «Вокруг света» за 1960 год. Рисунок был явно искусственным, нанесен красной краской на светлый фон каменной стены и обладал полным сходством с лошадью, шагающей влево. Никаких сомнений не оставалось: перед нами рисунок, созданный древним человеком.

Но как точнее определить его возраст? Ведь ему могло быть всего несколько сот лет, а возможно и много тысяч. Лошади населяли

эти районы еще в древнейшие времена ледникового периода, но они существуют и донныне.

Здесь нам на помощь пришли другие рисунки, сделанные той же красной краской, рядом, на той же скалистой плите. Налево от лошади мы различили рисунок мамонта, направо, непосредственно за лошадью, — характерный профиль спины второго мамонта. Особенно четок был рисунок первого мамонта; он не оставлял ни малейшего сомнения в том, что перед нами рисунок слона, притом с горбатой спиной и выступающей вверх головой, т. е. именно мамонта.

Между мамонтом и лошадью мы различили хуже сохранившийся рисунок еще одного мамонта, на этот раз — идущего вправо и с двумя короткими бивнями.

Это решало вопрос о дате. Мамонтов могли рисовать в пещере только люди, которые видели, знали их, то есть их современники. А мамонты исчезли в конце ледникового периода — не меньше шестнадцать тысяч лет тому назад; так говорит палеонтология, наука о вымерших, ископаемых животных. Следовательно, рисунки второго этажа Шульгановой пещеры могли быть нарисованы около двадцати тысяч лет тому назад (а не 120—150 тысяч, как уверял А. В. Рюмин).

На той же стене при слабом, мерцающем свете свечей и фонариков мы различили еще несколько крупных и мелких красных пятен. Несомненно, это были следы новых рисунков. Среди них угадывались силуэты еще одного или двух мамонтов. Однако ни зарисовать, ни хорошо зафотографировать их при свете свечей, фонарей и вспышек нам не удалось, хотя мы затратили на это немало усилий.

Но главное было сделано: обследованы несомненно искусственные, сделанные красной краской рисунки, и добыты факты для доказательства их древнейшего палеолитического возраста. Поэтому мы не стали долго задерживаться у Каповой пещеры. Мы уехали с тем, чтобы в будущем году вернуться сюда снова и уже надолго, с хорошо снаряженной экспедицией.

НОВЫЕ НАХОДКИ

Мы вернулись в Шульганову пещеру в 1961 году. Нас снова послала туда Академия наук. На этот раз мы избрали другой путь и из Уфы проехали на нашей машине через Стерлитамак и Верхний Авзян на Старо-Субханкулово и уже оттуда по глухому бездорожью, с трудом, с опасностью не раз свалиться с размокшего пути, под крутые горные склоны, добрались до цели нашего путешествия. Зато мы разбили лагерь на правом берегу Белой, у самой пещеры.

На этот раз наша экспедиция состояла из археологов, художников, фотографов, реставратора и студентов. Мы разместились в шести палатках и в автомобиле-фургоне. Через некоторое время, за шумящей Шульгановкой, на лесной поляне поставила свои семь палаток экспедиция Башкирского университета (она заканчивала работы по топографической съемке и общему географическому описанию пещеры). А еще спустя несколько дней к нам пристроила свои палатки приехавшая с восточных склонов Урала на удобном белом автобусике-вездеходе группа геолога В. Я. Яхимовича.

Художники придумали и нарисовали на простыне знамя экспедиции с красным мамонтом в центре, и оно было торжественно водружено на высоком шесте перед главной палаткой.

Наша шумная молодежь соорудила рядом с лагерем волейбольную площадку, где по вечерам происходили горячие схватки то между москвичами и уфимцами, то с плывущими вниз по Белой на лодках, плотках и байдарках туристами, которых неизменно привлекала Капова пещера и скрытые в ней тайны.

Так, в красивейшей горной долине, увлеченные работой в пещере и раскопками в соседних гротах, мы и не заметили, как пролетел месяц. С помощью работников заповедника построили более надежные лестницы на второй этаж и осветили их электрическими лампами. Пещера перестала казаться страшной и стала еще красивее.

Мы закончили описание всех красных рисунков пещеры и осмотрели еще несколько рюминских рельефов, которые все до одного оказались случайными произведениями природы.

На большой плите, кроме лошади и трех упомянутых мамонтов, мы увидели при свете электрических ламп еще одного мамонта, лошадь и крупную фигуру, похожую на носорога.

И сверх всего этого нашли новую группу красных рисунков на противоположной стене того же зала. Она состоит из четырех фигур: трех мамонтов и одного, по-видимому, зубра. Есть основания считать, что все они нанесены на стены около двадцати тысяч лет тому назад.

* * *

Таким образом, здесь, в одном из крупнейших залов второго этажа Шульгановой пещеры, в 300 метрах от входа, в абсолютной темноте, со времен древнего каменного века хранились изображения животных — современников первобытных обитателей Урала.

В чем же значение открытых в Шульгановой пещере древнейших рисунков для исторической науки и искусствознания?

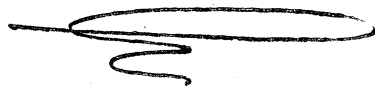
В том, что реалистическая пещерная живопись эпохи палеолита до сего времени была известна только в юго-западной Европе, во Франции и Испании; ни в Средней, ни в Восточной Европе ее не находили. Это давало некоторым ученым повод утверждать первенство Западной Европы в развитии искусства, ее исключительную роль в этом отношении.

Теперь же мы знаем, что это было не так. Более того: есть много фактов, которые говорят, что первобытная палеолитическая культура на Востоке развивалась быстрее, чем на Западе. Даже переход от примитивного неандертальского к современному типу человека совершился раньше на Востоке.

Рисунки Шульгановой пещеры еще раз подтвердили незыблемость общих законов развития человеческого общества: на одной и той же ступени исторического развития, в сходных природных и экономических условиях, на всех материках, заселенных людьми, возникали одни и те же формы общественного строя и сходные явления в социальной жизни.

Вот что открыла нам «картинная галерея» древнего человека в Каповой пещере.

О. БАДЕР

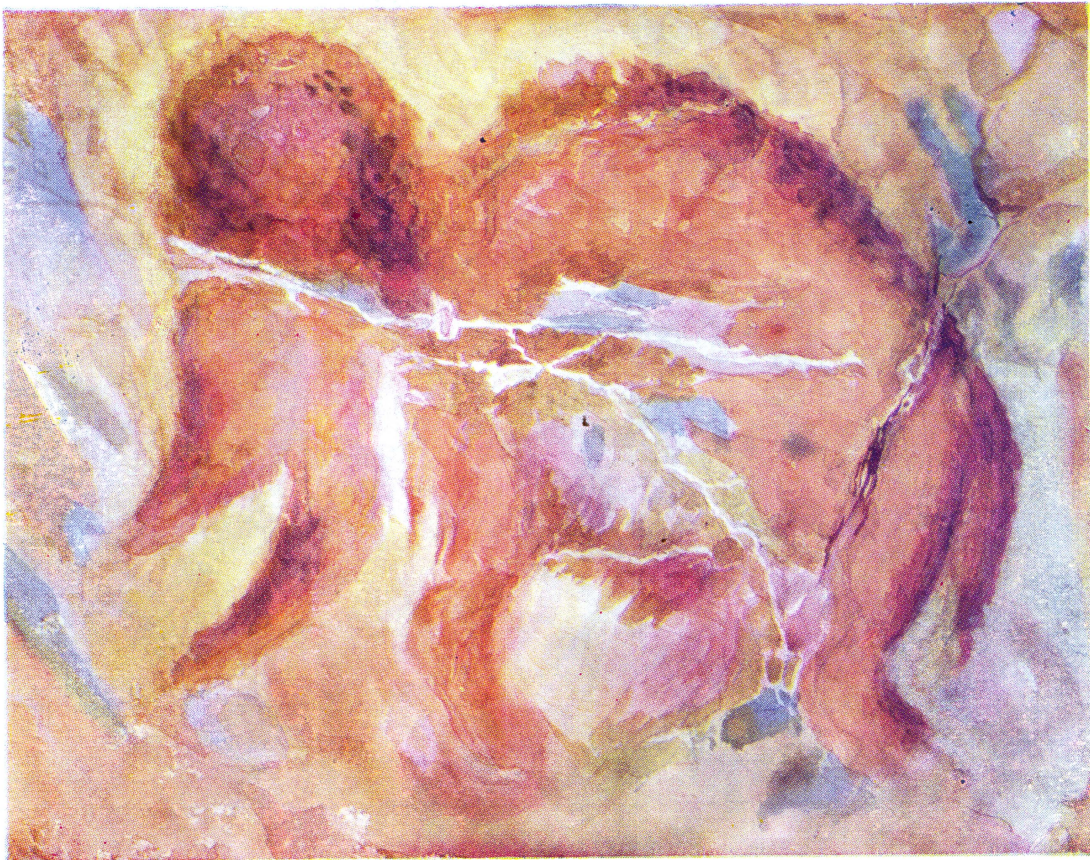

Рисунок мамонта на втором этаже Каповой пещеры.

А что изобразил на этом рисунке древний человек, ученые пока не разгадали.

Свердловский старожил Стефан Александрович Дерябин — уроженец Верх-Исетского завода. Он помнит времена, когда на этом заводе работали старыми, дедовскими методами, помнит и бурные дни Октября 1917 года. Публикуемые на нашей вкладке рисунки «Разливка стали», «Кричный цех» и «1918 год» («На Дутова!») сделаны Стефаном Александровичем по памяти.

« КОМАНДА »

СОЛНЦЕ В НОЧИ

Е. КОКОВИН

Рисунки Н. Мооса

ЧЕЛОВЕК В МАЛИЦЕ

За прибрежными сопками тянулась тундра, болотистая, почти сплошь поросшая мхом и лишайниками. Реже, на возвышенностях, встречались морошка, маленькие незабудки, желтые лютики, ромашки, камнеломки и бледный полярный мак.

Остров был пустынен и угрюм, но Алексею понравился. Вчера он долго не спал, наблюдая за полуденным солнцем. Оно чуть прикоснулось к возвышенностям, но так и не зашло, а лишь побледнело и заметно поползло вверх. Вскоре его широколапые лучи уже снова обнимали весь остров и весь океан.

Охота и рыбная ловля с детства были страстью Алексея Холмогорова. А здесь, на острове, во время первой разведки он видел много гусей, уток и белых куропаток. Заметил даже серо-дымчатого псаца. А в речках, на перекатах, задорно играл голец — рыба из породы семужьих.

Еще на подходе к острову «Ольге» встретилось несколько одиночных нерп и морских зайцев.

Да, в свободное время Алексей здесь вволю поохотится и порыбачит! И участники экспедиции будут постоянно иметь свежие продукты — дичь и рыбу. Ведь захваченная в порту солонина очень скоро надоест.

Два следующих дня Чехонин и Иванов занимались исследовательской работой. Алексей помогал им, поддерживал огонь костра, готовил завтрак, обед и ужин. Он и в кулинарном искусстве показал себя почти мастером.

Хотя Чехонин уходил по берегам острова на большие расстояния, никого из местных жителей он за эти два дня так и не встретил. Это весьма огорчало начальника экспедиции. Впервые, ему хотелось встретить Санко Хатензея и иметь надежного проводника. Во-вторых, мест-

ные жители могли дать много ценных сведений об острове, сведений, которых наблюдениями и исследованиями не скоро достигнешь.

К вечеру третьего дня пришла шлюпка с «Ольги». Опять приехал капитан Феликсов.

— Найдём ли мы еще удобную стоянку северо-восточнее? — спросил Георгий Павлович капитана за ужином.

— Губы и рейды будут, — заверил Феликсов. — Но дальше на северо-востоке в это время еще можно встретить льды...

И вот неожиданно, во время обсуждения вопроса, когда сниматься с якорей, произошло очень важное событие.

Вблизи лагеря появился человек.

Первым заметил постороннего Алексей Холмогоров. Остальные были увлечены ужином и разговором.

Алексей возился у костра, подбрасывая в огонь щепки. Когда он приподнял голову, то увидел шагах в десяти человека в малице — одежде из оленьих шкур.

Алексей долго молча рассматривал его. Человек тоже молчал и смотрел на Алексея, но не двигался. Тогда Алексей крикнул:

— Эй, кто ты?! Иди сюда!

Чехонин и все остальные, услышав крик Алексея, вскочили. В ответ на вопрос они услышали:

— Ты русский?

— Русский, русский! Иди, не бойся!

Незнакомый человек смело подошел к костру. Он оказался молодым ненцем. На ногах у него были тобоки — вид полусапог, получулок, тоже из оленьей шкуры. Короткая малица подпоясана широким ремнем, на котором висел нож в деревянных ножнах.

Ненец осмотрел всех людей, что его окружили, и несколько разочарованно сказал:

— Григорьева нету...

Чехонин моментально догадался, что за человек явился к их лагерю.

— Санко Хатанзей? Ты Санко?

Вероятно, ненец очень удивился, услышав свое имя.

¹ Продолжение. Начало см. в № 10.

— Да-да, я — Санко Хатанзей, — ответил он и тут же спросил: — Кто тебе сказал, что я Санко?

— Мне говорил о тебе художник Григорьев.

— А где Григорьев?

— Я его видел на Большой Земле, в Морской слободе. Он даже послал тебе посылку и письмо.

Лицо Хатанзея стало печальным, и он словно не слышал последних слов Чехонина.

— Он не придет? — тихо спросил Санко.

— Нет, Санко, Григорьев в этом году не сможет приехать. — Чехонин вынес из палатки сверток и подал его вместе с письмом Григорьева Хатанзею.

Алексей много раз слышал от начальника экспедиции о Санко. Он знал, что молодой ненец очень нужен Чехонину как проводник, нужен всей экспедиции. Он видел в Санко желанного гостя и принялся по-братски ухаживать за ним.

Видя такое доброе отношение к себе, Санко оживился и охотно отвечал на все вопросы Чехонина, в котором сразу же распознал старшего среди приехавших. Впрочем, Чехонин не торопился с расспросами о главном, об острове. Пусть человек освоится, почувствует, что люди хотят для него только хорошего.

Санко ел все, что ему подкладывали в миску. По обычаям ненцев отказываться от угощения — значит, обидеть хозяина.

Когда он насытился и закурил табак, предложенного капитаном, Чехонин спросил:

— Санко, почему же ты не считаешь письмо Григорьева? Ведь ты умеешь читать? Почему же ты не помотришь подарок, который тебе прислал Григорьев? Он прислал тебе краски.

И тогда Санко словно спохватился. Нужно сказать, что ненцы по своему добродушию спокойно принимают подарки, иногда даже как должное. Но, услышав слово «краски», Санко несказанно обрадовался и поспешно развернул сверток. Сколько было у него почти детской радости, когда он увидел коробку акварели, коробку карандашей и тюбик с масляными красками!

Он взял конверт, вытащил письмо и долго читал, а потом доверительно передал письмо Чехонину:

— Читай громко!

Чехонин стал читать, а Санко улыбался и повторял отдельные слова из письма.

Вот что писал художник своему ненецкому другу:

«Дорогой Санко!

Это письмо тебе передаст человек, которого я очень уважаю. Он очень большой ученый и путешественник. Прошу тебя, все, что он тебе попросит, делай так же, как ты делал для меня. Я в этом году на остров приехать не могу. Приеду на будущий год. Посылаю тебе краски и карандаши. Рисуй все, что нравится на острове. Покажи свои рисунки господину Чехонину. Передай мой сердечный привет отцу, матери, Нанук и всем моим друзьям и знакомым, живущим на острове. Обнимаю тебя, мой дорогой Санко! Твой Григорьев.»

— Мой Григорьев! — сказал Санко, когда Чехонин окончил чтение письма. — Мой Григорьев! И я — его, Григорьева! Очень хороший человек Григорьев! У нас с ним две головы и одно сердце!

— Прекрасно сказано! — воскликнул Чехонин и крепко пожал руку ненца. — Санко, мы приехали познакомиться с островом Новым. Григорьев говорил, что ты хорошо знаешь остров. Нам нужен проводник. Ты можешь показать нам заливы, реки, озера, тундру, весь остров?

— Могу.

— Ну, вот и отлично!

— Ты начальник?

— Да, я начальник.

— Знаешь, начальник, на остров приехали еще другие люди, не русские.

— Ты видел их? — не выдавая своего волнения, спокойно спросил Чехонин.

Санко нахмурился и некоторое время молчал. Потом заговорил горячо и порывисто:

— Я видел их... Они были у нас в стойбище. И один сказал, что он бог. Он дышит огнем и говорит, что может сделать из меня песка. Он звал меня к себе на судно, но я не поехал. Тогда он стрелял в меня и не попал... Тогда я подумал, что он не бог и ему не сделать из меня песка.

Санко говорил так быстро, что ни Чехонин, ни его товарищи как следует не могли понять, о чем он говорил.

— Подожди, Санко, — Чехонин положил руку ненцу на плечо. — Расскажи все спокойно и подробно. Какой бог? Почему ты должен быть песком? Кто дышит огнем?

И Санко, успокоившись, рассказал о своих встречах и о ссоре с иностранцами.

ИСКОННО РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Все с возмущением слушали рассказ Санко. Кто они такие, эти иностранцы, и что им нужно на русском острове?

Санко не знал названия судна, на котором прибыли иностранцы. Он не знал также, под какие флаги это судно плавает. Его слова, слышанные от Барнета: «Ингланд — Англия, Норвегия, Германия», привели Чехонина в недоумение. «Что за смесь!» — не без тревоги думал он.

Сообщение Санко и весь его рассказ меняли планы Чехонина. Теперь уже нельзя было продвигаться на северо-восток. Прежде всего, нужно разыскать непрошенных гостей и потребовать, чтобы они покинули остров, принадлежащий России. Чехонину было совершенно ясно, что иностранцы прибыли сюда совсем не с добрыми намерениями. Зачем пытались они увести Санко? Морочили голову ненцам какими-то фокусами? Нет, настоящие ученые и исследователи так не поступают.

Иностранцы могут, конечно, не подчиниться ему и, возможно, попытаются оказать сопротивление. Но как бы то ни было, нужно немедленно действовать. Если потребуются применить силу, Чехонин готов и на это. Остров Новый — не нейтральная, не ничейная, а самая настоящая русская земля. И он, русский, не позволит чужеземцам на ней хозяйничать. Наконец, секретное предписание закрепить на острове дает ему официальное право распоряжаться здесь от имени России и ее правительства.

«Правительство! А!..» — Чехонин усмехнулся.

Правительство, которое отказало ему в помощи на экспедицию! И правительство, которое предписывает начальнику этой же экспедиции

закрепиться на острове Новом! А что стоит, хотя бы как в учебный поход, послать сюда, в Заполярье, военный корабль?!

Возможно, что кто-то в России уже подсчитывает предстоящую мзду за услуги и за обещание отдать Новый чужеземцам. А кто-то в Петербурге — добрый, честный, но слепой, беспокоится об этом острове. Но если сведения о посягательстве на Новый верные (а они теперь подтвердились), так нужно было бить тревогу, действовать, а не надеяться на маленькое экспедиционное судно, кстати сказать, отправленное на частные пожертвования.

«Ну что ж, если не действуют в Петербурге, будем действовать мы!» — решил Чехонин.

Чтобы свободно и быстро передвигаться по острову, ему нужны олени упряжки. Как сказал Санко Хатанзей, у него всего одна упряжка, — три оленя, и нарта. Но он может привести из стойбища хоть десять упряжек.

— Нет, Санко, — с чувством благодарности сказал Чехонин. — Десять не надо. Надо четыре упряжки.

— Хорошо, начальник, будут четыре упряжки. Я приведу четыре упряжки. Когда привести? Куда привести?..

Чехонин заметил, что в отличие от многих ненцев, которых он встречал в прошлых экспедициях, Санко не говорил о себе в третьем лице. Он всегда пользовался в разговоре личным местоимением. Несомненно, к этому его приучил Григорьев.

Посоветовавшись с капитаном Феликсовым, начальник экспедиции решил послать Алексея Холмогорова с Хатанзеем в стойбище за оленями. Капитан Феликс поведет «Ольгу» в обратную сторону, на запад, туда, где остановилось по бледному розовато-расплывчатому пятну. От комаров не было спасения. И становилось их все больше и больше. Участники экспедиции уже давно надели защитные сетки-накомарники.

К ночи ветер совсем стих. Уныло-серая пелена облаков ровно и беспросветно покрывала небо. Солнце на северо-востоке чуть угадывалось по бледному розовато-расплывчатому пятну. От комаров не было спасения. И становилось их все больше и больше. Участники экспедиции уже давно надели защитные сетки-накомарники.

— Лучше бы стая волков, чем эти твари, — ругался Алексей и подбрасывал в костер щепки, чтобы дымом разгонять ненавистных комаров.

— Волки не волки, а с комарами, покрупнее этих, нам скоро придется встретиться, — заметил Чехонин.

Намек начальника был всем понятен.

— Вот я лучше к ним и поеду, — заявил капитан Феликс. — Может быть, все переночуем на шхуне?

— Нет, Петрович, — возразил Чехонин. — Вы поезжайте на судно, утром пораньше снимитесь, а мы заночуем здесь. Если не возражаешь, пусть один из матросов останется с нами.

— Конечно, — согласился капитан. — Пусть останется Рябухин. Он меткий стрелок. Понятно, Рябухин?

Пожилой матрос Рябухин, большой любитель охоты, с радостью согласился остаться на острове.

Капитан Феликс уехал на шхуну, чтобы утром вести ее на запад. Он договорился с Чехониным, что отдаст якоря поблизости от иностранного судна, но до прибытия начальника

экспедиции никаких действий предпринимать не будет.

Проводив капитана, Чехонин, Иванов и Рябухин расположились в палатке на ночлег, а Санко в сопровождении Алексея отправился к своей упряжке, оставленной за прибрежными сопками.

— Ты тоже видел Григорьева? — спросил Санко, неторопливо шагая по берегу.

— Нет, я Григорьева не видел, — с ожесточением отмахиваясь от комаров, ответил Алексей.

— А твой начальник — большой начальник? Он хороший? Ты любишь его?

— Он очень хороший, очень умный и очень знаменитый.

— Знаменитый? Это какой — знаменитый? — Санко впервые слышал такое слово.

— Ну, как тебе объяснить? Его знают на всей земле.

— О-о!

— Он очень умный и очень добрый.

Санко будет работать с экспедицией. Это Алексей знал, и потому он хотел, чтобы молодой ненец полюбил Чехонина, как полюбил он сам. Алексей с интересом наблюдал за Санко. Ему нравилось спокойствие молодого ненца, его ровный, почти без повышенный голос, внимательный и добрый взгляд всегда по-хорошему настороженных глаз. Это была не настороженность подозрения или сомнения. В глазах Санко светились зоркость и пылливость.

— На вашем судне тоже нету флага, — сказал Санко.

Он поднял с земли какую-то небольшую кость и, рассматривая, вертел ее в руках.

— У нас есть флаг, русский флаг. Но сейчас ночь, а на ночь флаг опускается, — пояснил Алексей и подумал: «Санко видит в трех милях «Ольгу», ее мачты и в то же время замечает все, что попадает ему под ноги».

— У тебя хорошие глаза, — сказал Алексей.

— А разве у тебя плохие глаза? — удивился Санко.

— Нет, у меня тоже хорошие, но твои видят больше. Понимаешь, не лучше, а больше.

Они шли еще минут пять. Потом Санко остановился, внимательно осмотрел сопку и сказал:

— Здесь. Здесь ружье.

Оказывается, Санко спрятал здесь свое ружье. Когда он подъехал к берегу и увидел на рейде новое судно, а потом заметил дым костра в лагере экспедиции, он решил укрыть упряжку и ружье спрятать. Он не знал, чье это судно и какие люди на нем приехали. После ссоры с Крейцем он стал особенно осторожным.

КРЕЙЦ ОТКРЫВАЕТ БАРНЕТУ КАРТЫ

Артур Крейц дважды выезжал на остров, но углубляться в тундру побаивался. Притихшая боль в плече от удара камнем все-таки еще напоминала о недавнем столкновении с Санко. Крейца злило то, что его «всемогущество» не имело воздействия на молодого ненца. Почему?.. Ведь не мог же этот дикарь догадаться, что все чудеса Крейца только лишь ловкость рук и несколько хитроумных химических опытов.

Чем больше размышлял Крейц о своей неудаче, тем сильнее возгоралось стремление захватить Санко Хатанзея.

Прошло уже четыре дня, как доктор Барнет со своим помощником Ольсеном отправились в глубь острова на упряжках Степана Ар-

деева. И с тех пор Крейц о них ничего не знал.

Никакого особенного беспокойства в связи с этим он не переживал. Ничего не случится с Барнетом. Не будет же Санко мстить доктору Барнету за Крейца. Да и не такое это племя — самоеды, няо-нцы. Наверное, Санко так перепугался, что сейчас побоится приехать к себе домой, побоится новой встречи с приезжими.

На пятые сутки вахтенный матрос доложил капитану, о том, что на берегу замечены люди. Через бинокли Крейц и капитан без труда определили, что это вернулся Барнет. Спустя несколько минут, Крейц с двумя матросами уже плыл на шлюпке к острову.

По лицу Барнета Крейц понял, что доктор доволен поездкой.

— Какие новости у вас и на «Эдвансе»? — спросил доктор.

— Никаких, кроме того, что капитан ждет вас. Он боится, что скоро закончится топливо. Что хорошего у вас?

— О! — Барнет щелкнул пальцами. — Если я не нашел того, на что надеялся, то поездка наша не безрезультатна. Этот остров без золота принесет нам золото. Я же говорил вам. Яхту мы отпустим за топливом. Заодно я пошлю отчет патрону о первых результатах поисков и вообще об острове Новом.

— Согласится ли капитан «Эдванса» вернуться за вами? — спросил Крейц.

— Не беспокойтесь. Я заинтересую патрона своим отчетом, и он добавит плату за фрахт. Если все пойдет хорошо, я готов остаться зимовать на острове.

— Вы не думаете, что русские...

— Об этом позаботится патрон, если... Впрочем, время покажет. Даже хорошо, что «Эдванс» пойдет за топливом. И это время не будет потеряно для нас. Мы еще поговорим об этом.

Боясь, что Степан уведет свои упряжки, Барнет оставил на берегу одного матроса с ружьем и снаряжением.

— Оленей никуда не отпускать! — приказал он матросу.

Когда они плыли на шлюпке к «Эдвансу», Крейц спросил доктора:

— А все-таки я заполучу здесь медвежонка?

— Летом медведи уходят далеко на север, но вы можете попытаться. Нужно договориться с местными охотниками и отправиться на северную оконечность острова. Я и сам хочу там побывать.

— Мне нужен медвежонок. И, кроме того, мне нужен туземец. Вы не встречали Санко, того самого, которого мы первым встретили здесь?

Оказалось, что Барнет не только не видел Санко, но, возвращаясь, даже не нашел на старом месте стойбища ненцев.

«Санко напугал своих людей и увел их подальше», — подумал Крейц, но о своем столкновении с молодым ненцем умолчал.

— К чему вам туземец? — спросил Барнет.

— Как, к чему? Я же артист цирка. Мне нужны ассистенты, но ассистенты необыкновенные. Европейцы, лилипуты и китайцы надоели публике. Я хочу составить коллекцию! Вы понимаете: труппа — коллекция! У меня уже есть несколько интересных экземпляров. У меня есть чистейший полинезиец, понимаете, чистейший, с Гавайских островов...

— Вам его подарил Джеймс Кук? — улыбнулся доктор Барнет.

— Не смейтесь, доктор, — сердито ответил Крейц. — Когда-нибудь я покажу вам свою коллекцию, своих ассистентов. Сейчас мне нужен эскимос или вот такой самоед, как Санко. Вы представляете, на арену выйдут полинезиец в набедренной повязке и этот самоед в одежде из шкуры оленя, как это...

— В малице, — подсказал Барнет.

— Вот-вот, в малице. Это будут коронные номера. Это настоящие деньги, а не ваше мифическое золото, не ваша алхимия, дорогой доктор! А потом... потом у меня будут люди всех рас и национальностей. Я буду властелином необыкновенного, нового, совсем маленького королевства в Европе. Королевство — коллекция людей со всего света. Мое королевство будет называться Артурия, по имени ее хозяина Артура Крейца. И гостями в Артурии будут короли, премьеры и президенты. Тогда с Аргуром Крейцем будут за руку здороваться Рокфеллеры, Морганы и Форды! В Артурии не будет монетного двора, но деньги потекут туда со всего мира.

Барнет, слушая Крейца, улыбался, потом стал хохотать.

— Чему вы смеетесь, доктор! Я говорю совершенно серьезно...

— Сумасшедший! — простонал сквозь хохот Барнет. — Маленького Наполеона ждет судьба настоящего Бонапарта.

— Я не такой дурак...

Крейц не договорил. Барнет, все еще смеясь, прервал его:

— Как Наполеон?

— Я не то хотел сказать... Но вы увидите, доктор. Я достигну того, что задумал. А сейчас мне нужно взять самоеда.

Барнет перестал смеяться.

— Вы затеяли опасное дело! Не так просто увезти отсюда даже одного человека. Можно у нян-нца купить, выменять псаца или оленя, но

его самого купить нельзя. Я знаю это племя.

— Я возьму его силой, — сказал Крейц.

— О, это еще опасней. Советую ограничиться медвежонком.

— Медвежонок само собой. Но белым медведем не многих удивишь. Их в зоопарках сколько угодно. А вот эскимос — это здорово! Да еще рядом с полинезийцем!

— Советую заняться лучше пушниной. Большие деньги и притом безопасные.

— Это тоже само собой. Но мне нужен туземец. Я без него не уеду. Не таков Артур Крейц, чтобы не добиться своей цели. Иначе мне не следовало сюда ехать.

«НАУЧНЫЕ ЦЕЛИ»

Доктор Аллан Эдвин Барнет писал первый отчет своему патрону скупно, даже сухоовато, но убедительно. Это был его стиль. Кроме того, он знал, что именно такой стиль и любит патрон.

«Не зная местных условий, мы вышли слишком рано. На подходе к острову встретили редкий дрейфующий лед. Берега острова оказались окаймленными широким припаем. Имеющаяся в моем распоряжении карта составлена отвратительно. Полагаться на нее — значит, погубить яхту и все дело. Неисследованные берега изобилуют мелями. Таким образом, первыми и наиболее опасными врагами у нас оказались льды и мели. Не имея на «Эдвансе» настоящей ледовой обшивки, мы не могли рисковать соприкасаться со льдами. Но я был уверен, что ледовая обстановка под влиянием скоро наступающего лета и благоприятных ветров быстро разрядится. Однако, времени на ожидание было потеряно много. Не могу вину в этом принять на себя. Вы помните, я предупреждал вас, но вы торопились с отплытием. Однако ваши опасения, что нас могут опередить русские, были напрасны. Из дальнейшего вы узнаете, что, побывав на острове, кроме местного населения, никого до сих пор не встретил. Русские, видимо зная ледовые условия, придут значительно позднее. Да и то здесь бывают лишь промышленники и редко — мирные купцы. Но очень возможно, что и они не будут. По сведениям местного населения, они приезжают не каждый год.

«...За неделю пребывания на острове я успел сделать многое. Но это лишь незначительная часть того, что сделать нужно. Проведенные мною исследования и наблюдения полностью подтверждают нашу общую мысль: освоение острова удовлетворит самые широкие наши интересы как коммерческие, так и научные, не говоря уже о других, государственных. Вы, конечно, понимаете меня...»

Далее в отчете следовали краткие, но всесторонние сведения об острове вообще, о рельефе и поверхности берегов, о климате, геофизических явлениях, животном мире и населении. Очень часто в отчете встречалось слово «предполагаю». Конечно, доктор Барнет многого еще не знал и не мог утверждать.

«...Я совершенно убежден теперь, что остров представляет во всех отношениях огромнейший интерес. Здесь должна быть учреждена колония. Она будет высоко рентабельна даже на концессионных началах. Здесь нужен энергичный, предприимчивый и опытный хозяин. Если же решится вопрос о приобретении острова любыми средствами, это будет просто великолепно. Тогда все мы будем иметь полнейший простор для производственной, научно-исследовательской и прочей деятельности».

В заключение Барнет писал, что при возможности следует несколько увеличить плату за фрахт «Эдванса» и продлить срок. Он также выражал надежду получить дальнейшие инструкции и пожелания патрона.

Барнет был уверен, что патрон останется им доволен и будет действовать.

Крейц знал, о чем пишет Барнет, и в свою

очередь составил не менее подробную докладную записку. Многие в ней было со слов Барнета, но поскольку доктор ничего не скрывал, Крейц вполне доверял сведениям, полученным от него. «Там видно будет, чей шеф окажется сильнее, кто раньше явится на этот остров хозяином, — думал Крейц. — Важно то, что я не в накладе».

Он довольно легко договорился с одним из рулевых, чтобы тот по прибытии «Эдванса» в порт передал письмо из рук в руки человеку, фамилия и адрес которого значились на конверте. Само собой разумеется, что о данном письме никто не должен был знать. За все это рулевой получил щедрое вознаграждение.

Кроме того, Крейц уговорил капитана оставить на острове двух матросов. Эту сделку Крейц также оплатил. Капитан долго не соглашался уменьшить команду, но, получив свою долю наличными, уступил.

— Зачем вам люди? — удивился Барнет.

— Для научных целей, — усмехнулся Крейц.

Это были здоровые молодые парни, очень похожие друг на друга — Олаф и Якоб. Только Якоб был повыше и стройнее своего товарища. Оба блондинистые, пышноволосые и медлительные, немногословные, но постоянно улыбающиеся.

— Вам немного будет работы, меньше, чем на «Эдвансе», — говорил им Крейц, — а получите вы за это время в два раза больше.

На берег были вывезены продукты, патроны и все остальное снаряжение экспедиции. Пожелав капитану счастливого плавания и скорейшего возвращения, Барнет с последней шлюпкой выехал на остров, где уже находились Крейц, Ольсен и остающиеся матросы.

Вскоре «Эдванс» поднял якоря и поплыл тихим ходом на юго-запад. Океан был спокоен, видимость отличная, и не было никаких оснований беспокоиться за яхту.

— А ведь это я хорошо придумал — оставить двух матросов, — сказал Барнету Крейц и подмигнул: — Они мне понадобятся совсем на короткое время. А для вашей работы они особенно пригодятся.

— Это верно, пригодятся, — согласился Барнет. — Но только передвигаться нам будет труднее. У нас всего три упряжки.

— Нам нужно только разыскать самоедоев, а там оленей мы найдем сколько угодно, — успокоил Крейц. — Я вам мешать не стану. У меня свои дела.

— Вы циник, Крейц, — махнул рукой Барнет.

— Но ведь и ваши цели не лучше, — расхохотался Крейц. — Не будем ссориться, дорогой доктор! Лучше скажите, каковы ваши планы сейчас?

— Двинуться в глубь острова. Степан хочет быть дома, а это мне к стати. Я закончу кое-какие работы по исследованию почвы, а также флоры и фауны. Потом, к приходу «Эдванса», займусь прибрежной полосой.

Степан Ардеев очень обрадовался, когда узнал, что Барнет едет в тундру. Ему надоело бродяжить с иностранцами, хотя он и был кочевником. Он соскучился по своему чуму, по родным. Степана лишь удерживало обещание Барнета подарить ему ружье. У Санко было ружье, и Степан завидовал товарищу.

Когда все снаряжение было погружено на нарты, аргиш Степана Ардеева тронулся в путь. Степан решил двигаться к стойбищу Валеева. Он

рассчитывал найти там свой чум и чум Санко Хатанзея.

Крейц в пути учился управлять оленями и строил планы захвата молодого ненца.

СЛЕДЫ ПРИВАЛА

Санко проводил Чехонина и его товарищей не на тридцать, а на все пятьдесят верст. Это было значительным облегчением для участников экспедиции.

— Я успею, все успею, не беспокойся, начальник,— приговаривал Санко на привалах.— А вам тяжело... вам еще много идти.

Только когда Чехонин объявил привал на ночевку, Санко согласился разгрузить нарты.

— Ты устал?— спросил он Алексея.

— Устал немного,— ответил Алексей, который шел вместе с группой Чехонина по берегу.— А что?

— Я хочу ехать. Поеду ночью. Ложись на нарты и спи. Скорее приедем, приведем упряжки начальнику.

— Но ведь ты тоже устал, Санко.

— Я ничего. Я буду спать в чуме. Поедем!

Георгий Павлович пытался отговорить Санко от поездки ночью. Ненец настоял на своем.

— Вечером и ночью ехать лучше. Олени еще не устали. Скорее приведем тебе упряжки.

Алексей и Санко поужинали, распрощались с Чехониным, Ивановым и Рябухиным и уехали.

— Хороший парень этот Санко,— сказал Иванов, обычно всегда очень скупой на похвалы и восторги.

— Мало сказать хороший,— отозвался Чехонин.— Чудесный! Это счастье, что мы его встретили.

Молчаливый, всегда сосредоточенный, Иванов был фанатически влюблен в свою геологию. Он с первых же дней занялся геологической съемкой, и все его помыслы сейчас были устремлены к составлению геологической карты острова.

Еще сравнительно молодой, очень высокий, бритоголовый, Иванов совсем не походил на

ученого. А между тем он уже участвовал во многих научных экспедициях, имел свои печатные труды по геологии.

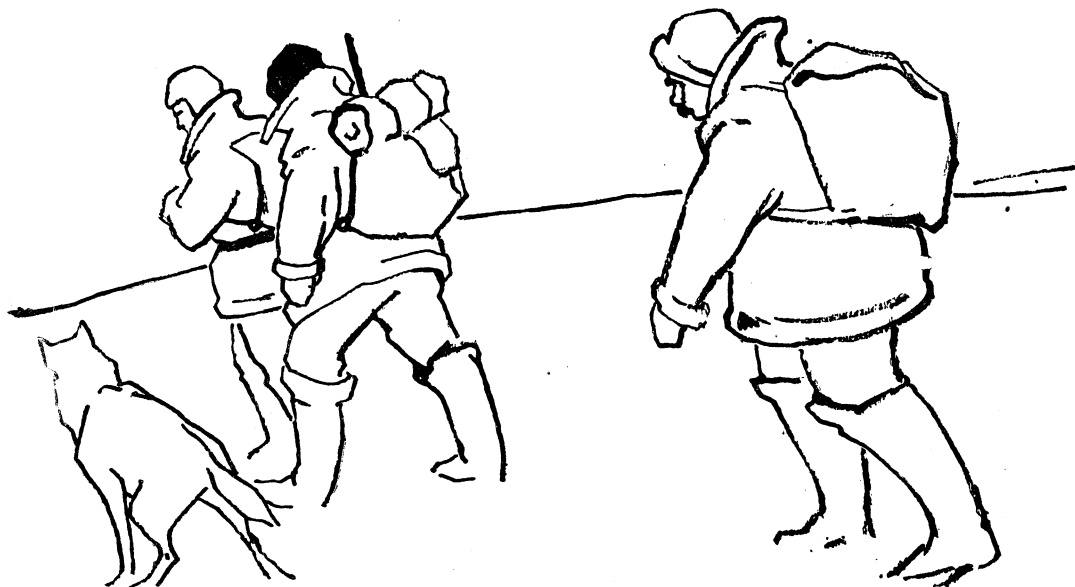
Георгий Павлович Чехонин познакомился с Ивановым в Петербурге и сразу почувствовал, что этот молчаливый геолог будет отличным помощником в полярной экспедиции. Иванов сам пришел к Чехонину и просил взять его на Север. Он не принес никаких рекомендаций, никаких писем от светил науки. А Чехонину этого и не нужно было. О Иванове он слышал, читал его книги.

Иванов легко переносил морскую качку, никогда не жаловался на усталость, и, казалось, что трудности лишь придавали ему еще больше сил и энергии.

Вот и сейчас, после ночевки, взвалив на себя чуть ли не половину всего груза, немного ссутулившись, он размеренным, методичным шагом двигался вперед. Это был шаг спортсмена, без ускорения и замедления, без лишних движений, шаг, исключаящий преждевременную утомляемость.

За Ивановым шел Чехонин. Он думал о предстоящей встрече с иностранцами. И чем больше об этом он думал, тем тверже становилось его решение потребовать от непрошенных гостей покинуть русский остров. Пусть будет потеряно драгоценное время, так необходимое для научной работы, но он, Чехонин, русский человек, добьется своего и защитит интересы Родины. После рассказа Санко он уже ничуть не сомневался в корыстных целях иностранцев.

Во всех экспедициях и походах у Чехонина был девиз: «Никаких излишеств!» И хотя этот девиз теперь выполнялся с прежней требовательностью, все же груз—палатка, снаряжение, продовольствие, приборы, оружие—для трех человек был немалый. Физически крепкий моряк Рябухин оказался плохим ходоком. Можно иметь сильные ноги, твердо держаться на них и не быть способным к длительным переходам. А ноша еще больше изматывала матроса. Между тем, идти было не так уж трудно. Очистившаяся ото льда прибрежная песчаная полоса, твердая и гладкая, могла сравниться с отличным шоссе.

Рябухин заметно отставал, наконец совсем выдохся и присел на камень. А геолог Иванов все шел и шел, не оглядываясь. Чехонин окликнул его и попросил остановиться.

Иванов недовольно сбросил мешок и весь остальной груз на землю, вернулся к товарищам.

Чехонин напряженно всматривался в уныло-серую пустыньность океана. Но никаких признаков судов — «Ольги» или иностранца — не было. Георгий Павлович понимал: путь нужно продолжать. И все же он решил сделать привал, отдохнуть, обдумать и обсудить положение.

— Георгий Павлович, — нерешительно запротестовал Иванов, — зачем мы будем терять время? Нам еще нужно пройти не менее тридцати верст.

— Тридцати? — ужаснулся Рябухин.

— Да, пожалуй, — согласился Чехонин. — Санко так и говорил. Но не волнуйтесь, Сергей Сергеевич. Сейчас отдохнем и все обсудим. Платон, — обратился он к Рябухину, — займитесь костром, а мы поставим палатку.

— Палатку? Зачем, Георгий Павлович? — взмолился геолог.

— Мы оставим здесь Рябухина, а сами налегке двинемся дальше. Мы выиграем время и в то же время избавим Платона от перехода. Он будет здесь нашим форпостом.

Это решение начальника устраивало геолога.

Но особенно обрадовался Платон Рябухин. Лучше бы он отстоял подряд пять вахт у штурвала или на палубе в шторм, чем совершать такой длительный переход.

Часа через два, перекусив и отдохнув, Чехонин и Иванов отправились снова на запад, туда, где они должны были встретиться с капитаном Феликсовым и разыскать иностранцев.

Теперь идти им было легко. Они взяли только ружья, заплечный мешок с провизией и необходимыми приборами.

...Судя по времени, они прошли верст двадцать, когда вдруг встретилось неожиданное препятствие. Неширокий залив, забитый наносным льдом, видимо, был устьем какой-то неизвестной реки. Чехонин помнил, что в этих местах по карте ни залива, ни реки не должно быть. Все-таки он вытащил карту и еще раз убедился, что залив не нанесен, а между тем он в действительности существовал и теперь преграждал путь.

Нанеся на карте схематические отметки, Чехонин спросил:

— Что же будем делать, Сергей Сергеевич?

— Этот лед нас не выдержит.

— Конечно, нет. Это не местный и не бухтовый лед. Обычный мелкобитый. Результат юго-восточных ветров. Смотрите, в море образовался даже новый припай. Что ж, придется подниматься по берегу, может быть, река не так широка, найдем место для переправы.

— Санко нас не предупредил, — сказал Иванов. — Неужели он не знает об этом заливе?

— Санко, конечно, знает. Но меня это наводит на мысль, что залив не велик да и река повыше не представляет большого препятствия. Санко предупредил бы нас.

Предположения Георгия Павловича оправдались. Вскоре путешественники действительно вышли к устью речки, впадающей в залив, и вброд перешли ее.

А потом снова побережье океана.

Они шли и шли, тщательно вглядываясь в океанскую даль. «Ольга» не показывалась, и Чехо-

нин начинал беспокоиться. По расчетам уже выходило, что Чехонин и Иванов находились в тех местах, где Санко встретился с иностранцами. Но и судна иностранцев тоже не было.

Они шли снова, шли еще минут двадцать, когда, наконец, натолкнулись на следы привала. То было большое пепельное пятно от костра, уже совсем холодное. Тут же валялись две жестянки из-под мясных консервов и картонная коробка из-под какао. Судя по этикеткам и маркам, консервы были немецкие, какао — голландское. Определить происхождение сигарет, окурки от которых валялись тут же, было трудно. Во-первых, ни Чехонин, ни Иванов не курили, с папиросами, сигаретами, вообще с табаком им дела иметь не приходилось. Во-вторых, буквы на марке окурков была задымлены и измяты зубами.

— Эх, где, где ты, Шерлок Холмс! — воскликнул Георгий Павлович и рассмеялся.

— Мы сами должны быть Шерлоками Холмсами, — отозвался Иванов.

— Меня интересует, куда подевались эти господа? — сказал Чехонин. — Если они на острове, то где их судно? Что-то не верится, чтобы они так быстро ретировались совсем. Может быть, они отплыли отсюда и высадились в другом месте... Как вы думаете, Сергей Сергеевич?..

Иванов пожал плечами:

— Понятия не имею.

Они сложили мешок, ружья и принялись осматривать местность вокруг бывшего привала иностранцев.

НА ОЛЕНЯХ ПО ТУНДРЕ

На переходе Алексей Холмогоров утомился, но несмотря на это, улегшись на нарты, он еще долго не спал.

Есть своеобразная прелесть в езде на оленьей упряжке по летней тундре. В Морской слободе Алексею еще в детстве однажды удалось прокатиться на оленях. Четвероногие, длинноногие «гости» со своими хозяевами прибыли в слободу из Большеземельской тундры, преодолев огромнейшее расстояние. Но тогда была зима, и скольжение по заснеженной равнине широкой реки мало чем отличалось от поездки на лошадях.

Сейчас же нарта неслась по голой заболоченной тундре. Она подпрыгивала на кочках, монотонно шелестела полозьями в мягком ягеле и, попав в болотину, вдруг вздымала вокруг невысокие, но стремительные, шумные лизни. Иногда встречалась возвышенность, и олени замедляли бег. Санко вскакивал и придерживал нарты, подталкивал их. Озерки и широкие, сплошь покрытые водой болота приходилось объезжать.

Олень! Гордое, благородное, стремительное животное, о тебе хочется петь восторженную песню! Заоблачных, волшебных сказок достоин неудержимый, кажущийся крылатым бег-полет оленьей упряжки по тундре. Быстрого карандаша и смелой кисти требуют запрокинутые ветвистые рога. Пусть скрипки, волторны и флейты сопровождают почти бесшумный рысистый аллюр оленей и легкий шелест нартовых полозьев!

Для жителя тундры нет в мире животного дороже и красивее северного оленя. Олень —

это жизнь! И в старину ненцы любили повторять: «Нет оленя — нет человека».

На оленьей упряжке человек может ехать до конца тундры — до Константинова Камня Уральского хребта, до грозного Ледовитого океана, до южной зеленой лесной полосы.

Сверхтеплую одежду — малицу, паницу, совик, надежную и в морозы и в оттепели обувь — тобоки, лепты, крепчайшие нитки-сухожилия дарит северянину добрый и верный друг олень.

И мясо, отличное, нежное, вкусное, сытное мясо оленя — отварное, поджаренное на сковороде или на пруте, сырое, горячее с кровью, прямо с убоя, или мороженая строганина.

Без оленя тундра сиротлива и скучна, беспомощна и бедна.

Беспокойна езда по летней тундре, вся в толчках, быстрых разворотах, в постоянном ожидании, что нарта перевернется. Но это-то и нравилось Алексею Холмогорову.

— Почему не спишь? — спросил Санко. — Плохо?

— Нет, Санко, очень хорошо. Ты о чем сейчас думаешь?

— О чем? — удивился Санко вопросу. — Я много думаю. Я всегда думаю...

— О чем ты думаешь сейчас, Санко?

— Думаю... я думаю про отца, про мать, про Степана... и больше всего я думаю про Нанук.

— Кто такой Нанук? — спросил Алексей и приподнялся на нарте. Он впервые от Санко слышал это имя.

— Нанук — девушка, — ответил Санко и посмотрел Алексею в глаза.

Алексей все понял без дальнейших объяснений. Но ему хотелось побольше узнать о Нанук, о девушке, которую любил его новый друг.

— Расскажи мне о Нанук! — попросил Алексей. — Ты давно ее знаешь?

— Давно, очень давно. Так давно, как отца и мать.

— Значит, с детства. И ты ее очень любишь, Санко?

— Очень... Ты даже не знаешь, как очень, — Санко добавил несколько ненецких слов, непонятных для Алексея, но, видимо, точнее выражающих чувства юноши. — Очень! Нанук самая красивая девушка на острове. Это знают все, и это ты скоро узнаешь. Скоро ты увидишь Нанук.

И Алексей поверил Санко, потому что уже знал: его друг не был хвастуном.

Незаметно Алексей уснул, и его крепкий сон не потревожили ни толчки, ни трудные подъемы на сопки, ни стремительные спуски. И проснулся он, когда упряжка остановилась, а Санко растерянно ходил около и словно что-то разыскивал на земле.

— Здесь было наше стойбище, — печально ответил Санко. — Они ушли. Я смотрю, куда они ушли.

Новость была неприятная. Начальник экспедиции Чехонин ожидал упряжек. Но ненцы сменили стоянку. Теперь их нужно искать. И настроение Алексея омрачилось.

Всюду были видны следы недавней стоянки островитян. Ветер трепал остатки облезлой старой оленьей шкуры. Невдалеке белела кучка сухих, обглоданных собаками и омытых дождями костей. Вытопанная мшистая земля была засыпана золой и мелкими углями.

— Они ушли туда, — Санко показал на северо-восток. — Там стойбище Валеев и там Нанук. Саво! Поедем туда!

— Ты ложись, отдохни, — сказал Алексей, — Я вскипячу чай.

— Чай хорошо, — согласился Санко. — А спать буду там, в чуме. Надо торопиться. — Он оглядел небо и сказал: — Похоже, будет снег, большой снег. Ветер отошел, птица прячется.

Пока грелся чай в котелке на разведенном Алексеем костре, товарищи погрызли вяленого омуля и сухарей.

— Далеко нам ехать? — спросил Алексей, снимая с костра котелок.

— Пока хад собирается, успеем. А хад — пурга будет большая. Надо торопиться.

Они наскоро попили чаю, и снова упряжка тронулась в путь. Снова движение, быстрое, с крутыми поворотами и прыганьем по кочкам. Санко торопился, то и дело пуская в ход свой длинный легкий шест — хорей.

Хад — пурга — налетела раньше, чем они достигли становища Валеев. И тундра, еще десять — пятнадцать минут назад спокойная, притаившаяся, неожиданно потемнела и словно вздыбилась. Снег, вначале мягкий, перистый, становился все жестче и вскоре превратился в тяжелую дробь. Эта дробь больно хлестала по лицу, и смотреть вперед было невозможно. Пурга крутила снегом так, что нельзя было определить направление ветра. Олени бежали, пригибая головы к земле. Казалось, они вынюхивают следы на снегу.

Неожиданно вдали послышался протяжный, заунывно-тревожный вой. Ненец прислушался. Не волки ли?

О волках знали все островитяне. Огромные полярные хищники появились на острове с Большой Земли. Но как они пришли с материка? Старый Филипп Валея уверял, что волки приплыли на льдине. Возможно, что так и случилось. Стаю волков, забредшую на припай, могло на оторванной льдине унести в море. Льдину прибило к ледяным полям, прилегающим к острову Новому.

До последнего времени полярные волки были, пожалуй, единственными врагами Санко, врагами коварными, жестокими и беспощадными. Много горя принесли хищники ненцам.

Санко жаждал встречи с волками, но только не сейчас. Ненец прислушался еще и облегченно вздохнул. Выла собака.

— Алексей, слышишь? — спросил Санко и, не дождавшись ответа, вдруг пронзительно закричал: — Нгей! Э-ге-гей!

— Что? — спросил Алексей, тоже прислушался и различил сквозь свист пурги собачий

вой. Он не подумал о волках, потому что не знал, что они на острове водятся.

— Собаки,— сказал Санко, соскочил с нарт, круто повернул оленей вправо, туда, где слышался вой, и снова сел.— Э-ге-гей! Нге-ей!..

Некоторое время друзья ехали, прислушиваясь и крича. Вдруг они услышали уже не вой, а залихватистый лай. Он был совсем близко.

Спустя несколько минут Санко и Алексей были в стойбище.

НАНУК

Хотя в чуме горел костер, Алексей никак не мог рассмотреть лицо Анисьи — матери Санко. Она по-ненецки переговаривалась с сыном и, готовя еду, низко наклонялась над огнем и над котлами. Совик и какие-то обвязки делали ее фигуру особенно неопределенной и неуклюжей.

Отца Санко дома не оказалось — он был в стаде. В такие ненастные дни многие мужчины уезжали в стада охранять оленей.

Пурга не унималась. Наоборот, она становилась, как казалось Алексею, еще злее и неистовей. Она так страшно рвала шкуры чума, что грозила каждую минуту сорвать с места легкое и ненадежное жилище.

Пурга врывается в чум через мокодан — дымовое отверстие вверху, препятствуя выходу дыма, Алексей жмурился и рукавом куртки протирал глаза.

— Где Степан? — спросил Санко у матери.

— Степан не был. Уехал и не был.

— А норвеги?

— Не были.

— Разве то были норвежцы? — спросил Алексей.

— Нет. Были инглинд. А у нас всех не наших зовут русские и норвеги.

Анисья разложила в миски отваренное мясо и рыбу. Сама она к еде не притронулась, поплотнее закрепила шкуру у входа и уселась, наблюдая, как ужинают сын и гость. Алексей видел только ее глаза, маленькие, зоркие и умные.

Мясо было нежное, должно быть, от молодого оленя, и Алексей ел его с наслаждением. Санко принес кусок мороженой оленины и ловко ножом наготовил строганину. Он ел много и быстро, удивляя своим аппетитом даже проголодавшегося Алексея.

— Будем спать.

— А когда мы увидим Нанук? — тихо спросил Алексей.

— Завтра. Это близко, чум Валея близко. Ложись.

Алексей хотел спросить Санко о завтрашней погоде, о том, когда должна закончиться пурга, но молодой ненец как рухнул на шкуры, так моментально и уснул. Алексей натянул на себя шкуру, но ему не спалось. Он раздумывал о многом — об ожидающем упряжек начальнике экспедиции, о доме, о Санко и о Нануке. Раздумывал и прислушивался к ревущей пурге.

Когда Алексей проснулся, пурга стала тише, но все еще бесновалась. Санко спал. Анисья в чуме не было. Над костром висел большой котел. Ночью, да и сейчас, Алексей совсем не чувствовал холода и очень этому удивился.

Он выглянул из чума, но в вихревых завитках снега ничего разглядеть не мог. В чум не вошла, а влезла Анисья и приветливо сказала: — Нгани торова!

Алексей понял, что она его приветствует, улыбнулся и поздоровался. Она поправила шкуры на Санко. Юноша в этот момент открыл глаза и сразу же вскочил. К удивлению Алексея, Анисья вытащила откуда-то таз с водой, а Санко сказал:

— Будем мыться.

В Морской слободе Алексей слышал, что ненцы никогда не моются. Он достал из своего мешка полотенце и с удовольствием поплекался подогретой водой. Конечно, это было не ахти какое умывание, но в таких условиях и оно оказалось приятным. Потом умылся и Санко, и они принялись за завтрак, который, впрочем, ничем не отличался от вчерашнего ужина: строганина — тонкие пласты сырой мороженой оленины, вареная оленина и рыба, и в завершение — чай с привкусом той же рыбы. Алексею есть не хотелось, и потому завтрак ему показался не таким вкусным, как ужин.

Неожиданно по шкурам чума у входа словно кто-то сильно ударил палкой или хореем. В завывании пурги послышался смех и громкий, хотя и невнятный из-за непогоды голос:

— Нгей! Санко, Санко-о-о! Ты приехал?!

— Это Нанук! — вскочил Санко и бросился к входу.

Он оторвал шкуру у выхода из чума и втащил внутрь девушку, засыпанную снегом и похожую на снеговика, каких лепят зимой ребятишки.

— А я к тебе хотел идти, — радостно говорил Санко, отряхивая с одежды девушки снег. — А если хад унесет?

— У меня ламба. Не унесет.

— Ламба — лыжи, — перевел Санко.

— Ненянг ирий, — смеялась чему-то Нанук. — Сыра ненянг, сыра сзв ненянг... Ха, тангоць...

— Она говорит: скоро месяц август, опять комариный месяц. Снежные комары. Это она о пурге. А живем на летнем стойбище...

Нанук тараторила и смеялась, пока не заметила Алексея. Тут она смутилась и умолкла, опустив глаза. Теперь, когда она уже сидела, откинув саву-шапку на затылок, Алексей смог ее разглядеть.

Нанук была младшей дочерью в большой семье Филиппа Валея. Женщин для ведения хозяйства — приготовления пищи, шитья и починки одежды и обуви — в двух чумах Валеев вполне хватало. Потому Нанук, освобожденная от домашних дел, почти все время проводила на охоте или в оленьем стаде.

Жители острова давно знали, что Нанук — невеста Санко Хатанзея. Может быть, она и была бы женой Санко, но этому помешало несчастье, внезапно пришедшее в семью Хатанзеев. На охоте погиб старший брат Санко. Он был женат, а по старинному обычаю ненцев на жене умершего должен жениться его младший брат.

С потерей брата юноша терял и свою любимую девушку. Санко долго раздумывал над своей горькой судьбой, а потом явился к отцу и решительно заявил: «Я не люблю нябу,¹ я

¹ Няба — жена старшего брата.

люблю Нанук, я женюсь на Нанук!» Отец по-мрачнел, заплакала мать, и заплакала няба — жена старшего брата. Няба Александра сквозь слезы сказала: «Пусть Санко женится на Нанук, я не хочу другого мужа. Мой муж был и останется Константин». Эти слова невестки еще больше разгневали старого Антипа Хатанзея. Покойник не может оставаться мужем живой женщины. Она не должна думать о Константине, не должна произносить его имя, чтобы не навлечь беду на семью Хатанзеев. Сын и невестка хотят нарушить старинный священный обычай отцов, дедов и прадедов.

Санко не стал больше противиться вслух, отмалчивался, но и не повиновался обычаю. Время проходило, а Санко и Александра-няба так и не стали мужем и женой. И постепенно все опять стали считать Санко и Нанук женихом и невестой. Все ждали, когда они поженятся. Только при старом Антипе не заводили об этом разговора.

По-своему Нанук была действительно красива. Особенно привлекали ее быстрые, искрометные глаза. В них не было ни кокетства, ни пугливости. Сейчас, когда Нанук снова взглянула на Алексея, а потом на Санко, в глазах ее горела радость.

— Где ты долго был? — спросила она. — Григорий приехал?

— Нет, Григорьев не приехал. Но он придет, он написал мне письмо и послал краски. Вот приехал Алексей и еще русские. Твой чум далеко?

— Наши рядом, все три. Отец в стаде.

— На охоту выходили?

— Вчера пришли. Саво! Шесть нохо..

— Ого! — восхитился Санко. — Шесть песцов! Молодец, Нанук!

Санко сел рядом с Нанук и стал растирать кисти ее рук.

— Холодные, — сказал он, словно оправдываясь перед Алексеем.

Нанук, не отстраняясь, счастливо улыбнулась. Удивительная простота и доверчивость были в отношениях юноши и девушки. Алексей смотрел на них, и у него становилось радостно на душе.

Анисья, не спрашивая, положила в миску два больших куска мяса и поставила перед Нанук. Девушка достала свой нож и принялась есть. Она ела, как Санко, захватив в руку весь кусок. Нож поблескивал у ее губ, и Алексей удивлялся быстроте и точности движений рук Нанук.

Пурга успокаивалась, и Санко уехал в стадо за оленями. А к вечеру, погрузив на нарты свежее мясо, друзья повели три упряжки к морю, туда, где их ожидала группа Чехонина.

ГДЕ ЧЕХОНИН?..

Когда упряжки уже вблизи океана поднялись на возвышенность, Санко и Алексей сразу же заметили два дымка. Чуть заметно в бухте на рейде дымила «Ольга». Второй дымок, более густой и близкий, был, несомненно, от костра, разложенного на берегу. Конечно, это группа Георгия Павловича Чехонина.

Но где же Степан Ардеев? И где иностранцы? А может быть, они тут же, вместе с Чехо-

ниним? Но Санко, как ни приглядывался, на всем пути никаких следов Степановых упряжек разыскать не мог. Впрочем, пурга могла скрыть любые следы.

Собаки умчались вперед, они почувствовали близость чужих людей и подняли неистовый, злобный лай. Должно быть, они встретились с бесстрашным Роем.

Оставив упряжки за прибрежными сопками, юноши с чувством нетерпения и беспокойства вышли на берег и оказались у привала экспедиции Чехонина. Но ни начальника, ни Рябухина они не увидели. Их встретил геолог Иванов. Вид у него был растерянный. Алексей Холмогоров сразу же понял: что-то случилось.

— Где Георгий Павлович? — обеспокоенно просил Алексей.

— Уже вторые сутки нет, — ответил геолог. — Еще до бурана ушел в тундру, хотел вернуться через два-три часа и до сих пор нет. Нужно отправляться на поиски. С ним, конечно, что-то произошло...

— А где Рябухин? Где Рой?..

— Роя взял с собой Георгий Павлович. Рябухина мы оставили... — Иванов скупой скороговоркой объяснил, почему остался матрос. — Нужно искать начальника. Санко, как ты думаешь, где искать, как искать?

Санко взглянул на Алексея и моментально решил:

— Ты, Алексей, пойдешь берегом. Иди десять верст. Я поеду оленями, тундрой, приеду на берег, увижу тебя.

— Я тоже пойду, — сказал Иванов.

— Нет, тебе нельзя ходить, — возразил Санко. — Один будет здесь, нужно здесь. Это ваш харабля?

— Наша «Ольга», — подтвердил Алексей. — А где капитан?

В своей тревоге Иванов совсем забыл об «Ольге».

— Ох, «Ольга», — опомнился он. — Я не заметил...

— Нужно быть здесь, — повторил Санко.

Он окликнул собак и побежал к упряжкам.

— Алексей, иди берегом десять верст! — крикнул Санко, уже взобравшись на сопку.

— Да, Сергей, Сергеевич, — сказал Алексей, — вам нужно остаться. Ветер скоро совсем стихнет, и придет капитан. Но что, что с начальником?!

Он поспешно переобулся сапогами, захватил сумку и ружье и взглядом попрощался с Ивановым.

«Что могло случиться с Георгием Павловичем? — мучительно и с тревогой думал Алексей, с трудом пробираясь по снегу от заструги к заструге. — Он легко одет, а пурга была страшная...»

За это короткое время Алексей Холмогоров так полюбил Георгия Павловича, что не представлял жизни без него. Он уже давно решил, что будет сопровождать Чехонина во всех будущих его экспедициях и путешествиях. Ему хотелось быть похожим на Чехонина, быть таким же подтянутым и вежливым, рассудительным, всеми уважаемым и может быть, таким же известным.

— Он попал в беду, он попал в беду, — почти бессознательно бормотал Холмогоров. Изредка он поднимался на сопки и кричал, звал Чехонина, свистел, несколько раз стрелял. Он надеялся, что его услышит хотя бы Рой. Но

остров безмолвствовал, и тревога Алексея все возрастала.

Он шел и кричал, шел час, другой, не ощущая усталости.

В то же самое время Санко гнал свою упряжку на северо-запад и тоже кричал и свистел. Собаки то далеко обгоняли нарту, то возвращались и виновато бежали рядом. Должно быть, они чувствовали, что хозяин чего-то ищет.

Проехав верст шесть-семь, Санко круто повернул оленей. Он поехал к морю, потом снова повернул. И так по несколько верст оленья упряжка огромными зигзагами продвигалась на запад. Как и у Алексея Холмогорова, все мысли Санко сейчас были заняты лишь Чехониным.

Мысль о том, что начальник, друг Григорьева (Санко считал Чехонина большим другом художника), погибает, а может быть уже погиб,— эта мысль вонзалась в сердце Санко ядовитой саднящей стрелой. Товарищество у жителей острова было законом с тех давних времен, когда они поселились в этих местах. А каждый гость на острове считался товарищем, если он приезжал с добрыми чувствами, с добрыми вещами, с добрыми делами.

«А может быть, начальник встретился с иностранцами,— подумал Санко.— Может быть, они схватили начальника, как хотели схватить меня. А, может быть, и убили...»

И, подумав так, еще громче кричал Санко, еще сильнее погонял оленей. Но нигде не было видно следов человека, никто не откликнулся на зов юноши. А олени, пробежавшие огромный и трудный путь, заметно ослабевали. Коварный снег, покрывающий болота, обманывал животных, и они часто проваливались по грудь.

Промокший, Санко, наконец, повернул упряжку к берегу. Он должен был встретиться с Алексеем Холмогоровым. Но что он скажет Алексею? За всю свою жизнь Санко не знал случая, чтобы человек на острове пропадал бесследно.

Что он скажет Алексею?.. Человек пропал, и он, Санко, не может его разыскать.

Юноши встретились и по взглядам поняли друг друга.

— Что же делать, Санко?— спросил Алексей.

— Пусть олени отдыхают,— сказал ненец.— Они еще нам будут нужны. Нельзя загонять. Ты останешься с ними. Я пойду в тундру...

— Как пойдешь?.. Без оленей?..

— У меня лыжи. Ты жди здесь. Мне ждать нельзя.

Алексей хотел возразить, но что он мог предложить другое? Санко хорошо знал тундру, и у него было больше шансов на успех.

— Ладно, Санко, я буду ждать,— согласился Алексей.— Только ты возьми с собой поесть и вот это!— он подал ненцу фляжку со спиртом.— Если найдешь Георгия Павловича, потребуйся.

Лыжи у Санко были очень широкие и очень короткие, обтянутые кусками оленьей шкуры. Эти лыжи он смастерил еще с помощью художника Григорьева, и теперь они всегда лежали у него на нартах. На них Санко часто ходил даже по летним обеснеженным болотам. Друзья расстались почти молча.

— Жди!— только сказал Санко.

Алексей кивнул. Он знал: давать наставления и учить Санко не нужно.

Санко шел быстро, зорко оглядывая мест-

ность. В этой, юго-западной своей части остров изобилует возвышенностями и оврагами, речками и озерами. В весеннее и летнее время после большого снегопада ходить по таким местам особенно опасно. Ровный и чистый, но еще не осевший снег часто скрывает под собой глубокие, открытые реки, а на краях белых высот образует обманчивые козырьки, не способные выдержать даже тяжести малюсенького зверька.

Для Санко все это было знакомо, и осторожность его на быстром ходу становилась почти инстинктивной. Но быстро он шел лишь первые пятнадцать-двадцать минут. Потом стал замедлять шаг, все чаще прислушиваясь и крича. Собаки, Нюртей и Яник, по приказанию хозяина обегали все возвышенности и возвращались, не проявляя ни беспокойства, ни радости. Они чувствовали сосредоточенность Санко и вели себя тихо и послушно.

Все кругом безмолвствовало. Ветер тянул с северо-востока и не обещал потепления. Об этом же свидетельствовало и полное исчезновение тундрового зверя и птицы.

Санко придерживался своего наиболее верного способа поисков, каким он пользовался и на оленьей упряжке,— двигался большими зигзагами. По-ненецки этот способ назывался «минзь хара».

Наступала ночь. Санко прошел десятка два верст, но безрезультатно. Начальник Чехонин пропал. Санко уже чувствовал усталость и все же продолжал шагать, прислушиваясь и время от времени кричать: «Нгэй!».

Нюртей и Яник умчались вперед и что-то долго не возвращались. Санко остановился, засвистел. Собаки не отзывались. Еще несколько минут Санко шел, поджидая, когда они наконец вернутся.

— Нюртей, нгей! Яник, нгей!

Он не боялся заблудиться и не боялся даже переночевать в тундре. Он больше беспокоился об Алексее, оставшемся на берегу океана.

Санко сбросил лыжи и уселся на них, чтобы передохнуть, но в ту же секунду услышал нарастающий отчаянный собачий визг.

Санко вскочил и увидел несущихся к нему собак. Яника нагонял огромный пес, в котором Санко сразу же узнал Роя. Визжал Яник, должно быть, от укусов или просто от страха.

— Яник! Яник! Рой!

Услышав свою кличку, Рой остановился. Перетрусивший Яник при оклике хозяина, должно быть, обрел самообладание, тоже остановился и хотел было вновь ринуться в драку. Но Санко грозно прикрикнул на него и ласково позвал Роя.

Он не знал команд для собаки русских, но Рой, не обращая внимания на задиристость Яника, уже ластился к человеку. Он отбежал от ненца и снова подбежал, хватал за полу совика, лизал руки. Рой ждал и звал. Это сразу же понял Санко, быстро просунул носки тобоков в ременные петли лыж и, забыв об усталости, побежал за Роем. Он теперь знал, что нашел начальника, и радостное возбуждение смешивалось с тревогой: жив ли?

Рой бежал впереди резкими, нетерпеливыми прыжками, останавливался, когда Санко далеко отставал, и также нетерпеливо ожидал.

Санко нашел Чехонина под обрывом, занесенного снегом и недвижимого.

ЧАСЫ ОСТАНОВИЛИСЬ

Даже такого опытного полярника, каким был Чехонин, поразила внезапность этой пурги. Георгий Павлович позвал Роя и поспешил к берегу. Но пурга опережала его.

Не успел Чехонин пройти и полумили, как вся местность уже побелела от снега. Человека окружила неистово свистящая, белоснежная крутоверть. Кроме себя, Чехонин ничего не видел. Оглядываясь, он не видел даже своих следов. Компас он держал в перчатке и поминутно сверялся с ним.

Рой, почувствовав неладное, тревожно и жалобно скулил. Чехонин взял его на поводок и шел теперь, надеясь лишь на чутье собаки. Самое опасное было — попасть в трясину или сорваться в реку.

Идти становилось все труднее и труднее. Но Чехонин еще не чувствовал большой усталости и надеялся быстро достичь берега океана. Чтобы ветер бил в спину, приходилось несколько отклоняться на запад. Энергично двигаясь, Чехонин не ощущал и холода. Угнетающе дейст-

вовал лишь снежно-белый тесный мешок. Окружающий — и далекий и близкий — мир существовал теперь лишь в сознании.

Вперед, вперед!

Как хорошо, что он взял с собой Роя!

Чехонин по опыту хорошо знал, что нельзя предаваться усталости и унынию — врагам, в арктических условиях не менее опасным, чем штормовой океан, сама пурга и хищные полярные звери.

Иногда короткий поводок ослабевал. Это значило, что Рой остановился, почувствовал опасность. Чехонин не видел и не знал, что это такое — река, покрытая снегом, трясина или обрыв. Он тоже останавливался и выжидал. Рой натягивал поводок вправо или влево, и Чехонин продолжал шагать.

Он шел очень долго, подбадривая себя, но усталость все-таки уже давала себя знать. По способу ненцев можно было соорудить снежную яму — «куропаточный чум» и там устроиться вместе с Роем. Но у Чехонина была слишком легкая одежда и никакой уверенности, что пурга скоро закончится.

ИМЕНИ УРАЛЬЦЕВ

Урал за свою большую и богатую событиями историю дал миру много выдающихся людей, прославившихся замечательными делами. Человечество с благодарностью хранит в памяти их славные имена. Этими именами названы города и горы, острова и вулканы, горные хребты и морские бухты, улицы и школы, заводы и вузсы. Если раскрыть Большой атлас мира да внимательно проглядеть его, то на подробных картах планеты можно найти немало географических пунктов, носящих имена наших замечательных земляков.

Во всем мире знают город Свердловск, получивший свое имя в честь пламенного революционера, вожака уральских большевиков, первого председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. У этого города есть «младшие братья»: городок в Луганской области и районный центр в Узбекистане. Именем Я. М. Свердлова назван и один из пиков Заалийского хребта на севере Памира.

В честь крупнейшего русского ученого, первого президента советской Академии на-

ук А. П. Карпинского назван его родной городок на Северном Урале.

Шахтеры и машиностроители Карпинска хранят память о славном земляке, обогатившем своими трудами геологию нашей страны, в особенности Урала и юга России. На карте Северного Урала можно найти гору Карпинского, открытую и названную так в 1932 году Североуральской экспедицией Академии наук СССР под руководством Б. Н. Городкова. На далеких Курильских островах географы Курильской экспедиции в 1946 году именем Карпинского называли вулкан. Советские альпинисты хорошо знают и два пика Карпинского: один — на Тянь-Шане (хребет Куйлю), открытый в 1936 году, другой — на Памиро-Алае, входящий в хребет Петра I.

Русский ботаник и географ Василий Васильевич Сапожников, родившийся на Урале (в Перми) в 1861 году, известен как выдающийся исследователь Сибири, Алтая и Тянь-Шаня, активный общественный деятель. Его имя осталось не только в истории русской науки, но и в названиях некоторых новооткрытых растений, гор и ледников.

Еще в 1911 году только что открытый на Южном Алтае новый ледник получил свое

имя в честь В. В. Сапожникова. А четверть века спустя, в 1936 году, группа альпинистов под руководством А. Летавета занесла на карту новый пик — Сапожникова.

Имена уроженцев Урала можно найти и на карте нашего края. В Пермской области есть железнодорожная станция, названная в память великого химика Д. И. Менделеева. Недалеко от нее расположена станция Чайковская, поименованная в честь П. И. Чайковского. В Удмуртии, на берегу Камы, близ родины великого композитора, вырастет молодой городок среднекамских энергетиков — Чайковский.

В 1939 году на картах появилось имя отважного сокола, Героя Советского Союза А. К. Серова — по ходатайству его земляков город Надеждинск переименовали в город Серов.

Мы живем в удивительное время — советские люди штурмуют космос. Настанет день, когда уральские имена появятся и на картах других планет. Начало этому положено. Когда советские ученые получили снимки обратной стороны Луны, один из лунных географических пунктов они назвали именем нашего земляка — академика Курчатова.

А. ПОХОДОВ

— Рой, вперед! — крикнул Чехонин. Крикнул, чтобы отогнать мысль об отдыхе, подбодрить и себя, и собаку.

И тут случилось то, чего так боялся Чехонин. Рой чуть заскалил и рванулся в сторону, а человека бросило вперед. Ноги его скользнули. «Обрыв!» Падая, Чехонин выпустил поводок, чтобы не погубить собаку.

Сильнейший удар в бок, потом сразу же в ногу. Чехонин инстинктивно обхватил руками голову... Он лежал и боялся пошевелиться: ведь падение могло продолжаться, если обрыв глубокий. Он осторожно открыл глаза, словно даже это могло быть гибельным.

Прислушиваясь, он пролежал с полминуты, пока не почувствовал толчок в бок. Он замер, но тут же понял, что это был Рой. Пес повизгивал и тербел человека. Снег сыпался сверху, со всех сторон.

Рой обегал хозяина вокруг, призывно скулил, словно прося встать. Чехонин приподнялся сначала на руках, но тут же почувствовал боль в боку. Еще острее была боль в ноге. Встать он не смог. Перелом, вывих или просто ушиб — этого нельзя было определить. Чехонин снова прилег с некоторой надеждой, что боль успокоится.

Он заставил Роя лечь рядом с собой, и странные мысли стали вдруг лезть в голову: «Рой — хороший пес, рой мыслей, рой снег, чтобы спастись, рой могилу... Рой...» Чехонин вскоре забылся.

Очнуться заставила боль в ноге. Теперь он не мог не только приподняться, но даже пошевелить ногой. Чехонин чувствовал, что она распухла. Но короткий сон все-таки снял усталость.

С большими усилиями, чтобы не тревожить покалеченную ногу, удалось достать часы. Они показывали два. Чего два — дня или ночи? Было по-прежнему светло, и все равно ничего разглядеть было невозможно. Пурга почти не утихла.

Рой вскочил, еще больше засыпав Чехонина снегом. И тут же стал разрывать снег мордой и лапами.

По компасу Чехонин определил примерное направление, куда следовало двигаться. Но к чему сейчас ему это направление? Он не мог даже ползти. И тогда он решил отправить к берегу верного Роя.

Чехонин протянул руку в сторону предполагаемого берега океана, погладил собаку и повелительно-твердо приказал:

— Рой, ищи! ищи!

Пес не сразу понял, чего от него хотел хозяин. Он долго не отходил от Чехонина, потом отбегал и возвращался. Но, наконец, по настойчивому требованию скрылся в пурге.

Потянулись не то часы, не то минуты томительно-страшного ожидания. В естественной снежной яме Чехонину не было холодно, но мучительно болела нога. Мысли сменялись забьтьем или тревожным и неглубоким сном.

И Чехонин никак не мог определить, спал он секунду-две назад или его навещали ненавистно-ненужные думы.

Однажды он очнулся от собственного крика. Он сообразил, что уснул и бредил. Прошла минута глубокой внутренней борьбы с огневой болью. Потом он попытался вспомнить свой сон, но это ему не удалось.

Снег сплошь завалил его. Он долго пытался освободить руку, чтобы взглянуть на часы. Когда он посмотрел на часы, то увидел, что стрелки проходят: маленькая — цифру 7, большая — цифру 4. Он долго раздумывал, сколько же сейчас времени. «Семь двадцать», — прошептал он и подумал о том, что Рой куда-то пропал. И вдруг вспомнил кошмарный свой сон: Рой привел полярных волков, и вся стая набросилась на него, на беззащитного, связанного человека.

— Рой! — попытался крикнуть Чехонин.

Крика не получилось, а усилие крикнуть лишь отозвалось нестерпимой болью в ноге.

Снова появились волки. Они окружили его, и жадно горели их хищные глаза. Чехонин вспомнил о ружье. Но где оно? Он рванулся в сторону и от боли надолго потерял сознание.

Вернувшийся Рой разрыл снег и лизнул Чехонина в лицо. Он обнял собаку свободной рукой, вторая рука была под головой. Пурги уже не было. Чехонин вытащил часы и поразился: они показывали все те же семь двадцать. И понял, что часы давно остановились.

Боль в ноге как будто притихла, и это почему-то в сознании Чехонина связывалось с уходом пурги. Но зато он ощущал слабость и легкую боль усталости во всем теле. Он попытался подняться и тут же рухнул на прежнее место.

Между тем Рой совсем разрыл снег и, скуля, прилег к хозяину. Казалось, пес чувствовал себя виноватым. Он никого не сумел разыскать, не привел людей на помощь.

Минут пятнадцать лежали, прижавшись друг к другу, человек и собака. Чехонин вспомнил, что они оба давно ничего не ели. Но достать из-под себя сумку он был не в силах.

«Нужно послать Роя искать», — подумал Чехонин и засунул под себя руку. Нащупал сумку и притих. Все-таки кое-как сумку он вытащил, расстегнул клапан.

— Рой, возьми! — он подтолкнул сумку собаке.

Рой залез мордой в сумку и вытряхнул вяленую рыбу, но не притронулся к ней.

— Рой, возьми! — приказал Чехонин.

Пес покорно взял рыбину, прилег и принялся грызть.

— Рой, ищи! — Чехонин протянул руку в сторону океана. — Рой, ищи!

Рой поднялся, посмотрел на Чехонина и побежал.

Чехонин лишь поднес к губам другую рыбину и снова потерял сознание.

(Окончание в следующем номере)

о, о чем рассказывается здесь, произошло во время моей далекой юности.

С детства меня воспитывали в страхе перед богом и сатаной. В трехлетнем возрасте я уже стоял на коленях в «святом углу» перед иконами и молился, каялся в грехах. В чем состояли мои грехи, я не знал. Но меня заставляли твердить: «Господи, прости и помилуй!». Мне настойчиво внушали, что если я не буду просить у бога прощения, то попаду не в рай, а в ад, к сатане. Сатана бросит меня в горящую смолу, и я вечно буду гореть в пламени, корчась от боли.

Разумеется, в такой перспективе не было ничего приятного. Если же бог простит, то я буду блаженствовать в раю, где поют райские птицы, витают ангелы и архангелы, услаждая слух трубными звуками. Я, конечно, хотел попасть в рай, а потому ежедневно утром, днем и особенно вечером усердно молился, прося у бога прощения.

Время от времени надо было каяться в грехах перед «божьем посланником» — попом. Прикрыв мою голову епитрахилью, он сам формулировал мои грехи, а я должен был каяться.

Выслушав ответы, поп произносил: «Ныне отпускаещи грехи рабу твоему Андрею». Это значило, что бог устами попа прощал мне вину.

Бог и сатана были страшны для меня одинаково. Разница заключалась только в том, что бог при желании мог подвергнуть страшным мучениям при жизни, а сатана — после смерти.

Иногда в моей голове возникали недоуменные вопросы. В священном писании говорится, что после смерти человека его брненное тело остается в земле и сгнивает, а душа возносится на небо. Но ведь у души нет ни рук, ни ног, ни глаз, ни ушей, ни рта. Как же она, думал я, будет слышать пение райских птиц, видеть летающих ангелов, есть райские фрукты? Эти и другие вопросы оставались без ответа. Все окружавшие меня люди были верующими. Отец мой считал попов людьми святыми, безгрешными, хотя видел их пьяными, знал об их подлинной жизни, был у них на побегушках. Может быть, его толкала на это бедность (за услуги ему иногда кое-что перепадало).

В нашем поселке Белорецкого завода (Южный Урал) попов было два. Церковь большая, приход богатый (жителей насчитывалось до тридцати тысяч). В школе преподавал «закон божий» священник Канаев. Он жил в большом доме и имел огромное хозяйство, которое вели батраки и батрачки. Выезды Канаева с попадьяй и дочками были не хуже выездов богача-купца Кузьмы Сапунова. И я невольно думал: почему батюшка на уроке закона божия говорит ученикам, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай, а сам не отказывается от своего богатства? Разве он не хочет попасть в рай?

Мне было 17 лет, когда вспыхнула революция 1905 года. Царь вынужден был издать манифест о «свободе». Тысячи рабочих Белорецкого завода собрались на площади у церкви. Поп Иванов служил молебен, а мы усердно молились, благодаря бога за то, что он внушил своему «помазаннику» издать манифест. Так сильно было влияние религии. Но было и другое.

Мы очень горячо аплодировали В. Е. Косо-

ПОБЕДИНОК С БОГОМ

ротову, большевику, который выступил с пламенной речью:

— Не верьте царю! Манифест — это обман! — сказал он. — Долой царя! Да здравствует демократическая республика!

После этого рабочие пошли в соседнюю деревню Ломовку брататься с крестьянами. Шестые открывал поп с большим медным крестом в руках. За ним шел дьякон с кадилом. За дьяконом несли хоругви, кресты и иконы. Молитвы перемежались с «Марсельезой» и другими революционными песнями.

Революция надломилась мою веру в бога, но еще не освободила от нее окончательно. Я принимал активное участие в революции — бегал на митинги, распространял большевистскую литературу, сочинял противобарские стихи (их пели ребята под гармошку), участвовал в потасовках с казаками. И в то же время по субботам и воскресеньям ходил в церковь и усердно молился богу.

Так во мне уживались революция и религия. Кроме революционных брошюр, в моем освободении от религиозного дурмана большую роль сыграло знакомство с книгами Л. Н. Толстого — «В чем моя вера», «Круг чтения» и другими. Из них я узнал, что богов-то, оказывается, много, а не один, как говорили попы. У каждого народа — у китайцев, японцев, индусов, татар — свой бог, свои божественные законы. Значит, на небе много богов, значит, каждый из них воюет за человеческие души, и оружие у них разное — у одного бога крест и евангелие, у другого — какое-то иное.

Сомнения и вопросы, которые возникали в моей голове раньше, стали находить некоторое разрешение. Ответы сводились к тому, что боги выдуманы людьми, что попы и священные книги врут. Не знакомый с марксистской философией, я тогда не умел еще связать классовую борьбу трудящихся против эксплуататоров с церковью, которая благословляла эксплуатацию человека человеком, охраняла эксплуататоров от классовой ненависти и борьбы трудящихся за свои интересы. Это пришло позже, когда в мои руки попали сочинения Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова.

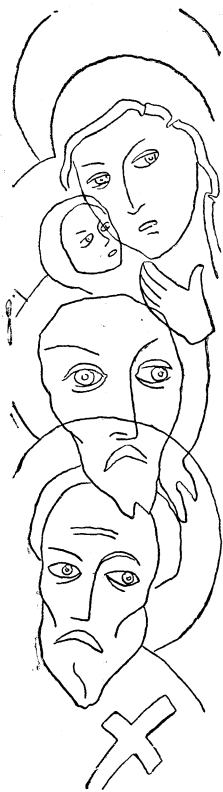
В итоге размышлений передо мной встал вопрос: есть ли бог? А, может, думал я, он все-таки есть?

Я отважился на отчаянный шаг: испытать бога.

В церковных книгах я читал, что если в тебе оскудевает вера в бога, то обратись к нему с горячей мольбой о помощи, попроси его, чтобы он проявил себя в каком-либо знаменнии, и тогда вера утвердится навсегда. Я решил обратиться к богу прежде всего с горячей мольбой.

Было это так.

Зимняя ночь. Мои родители, намучившиеся за длинный трудовой день, спят крепким сном.

Спят сестры, спит младший брат. Я тихонько поднимаюсь с постели (она устраивалась для нас на полу), ползу к иконостасу, встаю на колени и начинаю молиться, устремив взор в темный угол. Раскаиваюсь перед богом в том, что во мне пошатнулась вера в него, что тем самым я совершил тягчайший грех, шепчу:

— Господи! Прости меня и укрепи веру в тебя. Прояви себя в каком-либо знаменнии, пусть висящая перед тобою лампадка сама загорится.

Напряженно всматриваюсь в угол, где висит лампадка, но ничего не происходит. Тогда я начинаю просить бога еще настойчивее и горячее, бью поклоны. Все остается по-прежнему — бог ничем себя не проявляет. Теперь я уже плачу и в слезах молю бога проявить себя. Все напрасно.

Так продолжалось часа два. Измученный, я ползком вернулся к своей постели и тут же уснул. На другую ночь повторилось то же самое. На третью я решил обратиться к «богу-сыну» — к Христу.

— Пусть засветится, — прошу я, — венчик вокруг твоей головы!

Но результаты те же, что и накануне. Теперь оставалась «богородица дева Мария». Ведь она родила Христа, она — мать бога-сына, заступница за грешных. Она творит чудеса.

Стоило только, утверждая, женщине с парализованными ногами прикоснуться с чудотворной иконе божьей матери, и она мгновенно выздоровела.

И вот глухой темной ночью я прошу «богородицу»:

— Пусть из твоих глаз покатятся слезинки в виде светлых полосок!

Но слезинок нет. «Божья мать» не внимает мольбе. В отчаянии я начинаю рыдать.

— Что с тобой, Андрюша? — послышался вдруг голос матери.

Я молча юркнул под одеяло.

— Тебе приснилось что-нибудь страшное?

— Да, мама.

— Сотвори молитву и спи.

В эту ночь я уснуть не мог. Мысли, тревожные и противоречивые, разрывали голову.

Утром, внимательно посмотрев на меня, мама участливо спросила:

— Не заболел ли ты?

Я сконфуженно ответил:

— Нет, мама, я здоров.

— Посмотри, отец, на нем лица нет.

Отец взглянул на меня и промолчал. Он вообще был молчалив и суров. Сказал только:

— Идем на работу.

Это был приказ. Я быстро оделся. На улице еще темно. Отец всегда вставал рано и до рассвета усердно работал в кузнице. Я был у него молотобойцем.

После моих безуспешных ночных мольб во мне стала утверждаться мысль, что бога нет. Для окончательного решения вопроса я задумал прибегнуть к последнему средству. Если бог есть, рассуждал я, то он не может остаться равнодуш-

ным к оскорблениям. Ведь говорят же, что он жестоко наказывает хулящих его.

И вот снова стою на коленях в углу комнаты и смотрю в темень иконостаса. Тихо. Все спят. После некоторого колебания я с ожесточением шепчу:

— Бог, ты — дурак! Ты — сатана!

Произнеся эти дерзкие слова, в страхе пробую шевелить руками, проверяю, не огнялись ли. Нет, руки как руки, ничего с ними не произошло. Пробую шевелить пальцами ног — действуют. В радостном волнении вскакиваю, подхожу к иконостасу и начинаю плевать в богов, приговаривая:

— Это тебе, бог-отец! Это тебе, бог-сын! Это тебе, богомать! Это тебе, бог-дух святой!

Сердце учащенно бьется. В висках стучит. По спине бегут мурашки. А божьего наказания нет и нет. Тогда я бросаю богу несколько крепких выражений, которыми пользовался пьяница Миканка.

С постели слышится тревожный голос мамы:

— Андрюша, что ты там делаешь?

Теперь я не бросаюсь опасно под одеяло, как раньше, и говорю:

— Ничего, мама. Сон плохой приснился, вот и отплеываюсь.

— О, господи, а я уж испугалась!..

Я испытывал такое чувство, будто с меня свалился груз, давивший своей непомерной тяжестью.

Утром работалось легко. С каким-то радостным ожесточением я бил кувалдой по разогретому железу. Отец время от времени бросал на меня недоумевающий взгляд.

Наступило рождество. Каждый год в этот день отец будил меня рано, чтобы идти с ним в церковь. Вот и теперь он тронул меня за плечо и тихо, чтобы не разбудить других, сказал:

— Вставай, пойдем в церковь.

Я с трудом открыл глаза. Отец отошел, но, видя, что я не шевелюсь, снова стал трясти меня. Я сказал напрямик:

— В церковь не пойду. Потому что в бога больше не верю.

Эти слова произвели на отца ошеломляющее впечатление. Я ждал, что он набросится на меня с кулаками (отец иногда бил меня, и жестоко). Ведь мое «преступление» было столь велико, что за него, по понятиям отца, можно покарать смертью. Я решил защищаться.

Но что это? Почему отец стоит неподвижно? Неожиданно раздался взрыв рыданий.

Я никогда не видел отца плачущим. Даже когда умерла его мать, моя бабушка, отец не проронил и слезинки. Он всегда был ровный в своей суровости и какой-то черствости. Сухопарый и несколько сгорбленный от тяжкого кузнечного труда, отец как бы высушил все человеческие чувства. И теперь, казалось, невыплаканные за десятки лет слезы хлынули неудержимым потоком.

— Что случилось? Что случилось? — выкрикивала мать, бросаясь к отцу. — Андрюша, Андрюша! Иди сюда, с отцом плохо! О, господи! Спаси и помилуй!

Мать надрывно звала на помощь меня и бога. Проснулись сестры, братишка. Поднялся вой. Я подошел к кровати, стал гладить отца по голове, утешать.

Нарыдавшись, он встал с кровати, оделся и, шагнув к двери, бросил с порога сокрушенно: — Андрюшка-изувер отрекся от бога! Пропал наш сын!..

Едва захлопнулась за ним дверь, как мать повисла у меня на шее:

— Что ты наделал? Боже мой! В тебя вселился сатана! Беги за отцом! Раскайся, и бог простит тебя. Он добрый. Боже мой, боже мой!

Мать обнимала меня, как будто хотела защитить от бесовского наваждения.

Тяжело было у меня на сердце. Я понимал, что, отрекшись от бога, причинил родителям большое горе.

Днем пришлось выдержать сильнейшую атаку со стороны тетки — сестры матери — и ее мужа, которые были не менее религиозны, чем родители.

Едва перешагнув порог, дядя начал:

— Большая беда приключилась в вашем доме. Смотрю, Павел Тимофеевич стоит в церкви на коленях, неистово молится и плачет. Ну, думаю, у Кучкиных несчастье, ведь никогда не видел его плачущим. Я тоже заплакал, когда

узнал причину. Ой, Андрюша, Андрюша, что ты наделал!

Тетка Ефросинья, высокая строгая женщина, грамотная и знавшая чуть ли не наизусть псалтырь и евангелие, дядя Савватий, бывший горшечник, — эти религиозные до фанатизма люди принялись обрабатывать меня, пытаясь вернуть в лоно «святой церкви». Они пугали меня адом и страшными пытками после смерти, приводили примеры жестоких кар, обрушенных разгневанным богом на богоотступников.

— Андрюшенька, — говорили они, — покайся, извергни из себя сатану. Пади ниц перед богом и проси прощения. Пойди к батюшке на покаяние, причастись.

Мать фартуком вытирала слезы. Отец, положив натруженные руки на колени, сумрачно смотрел на меня и молчал. Сестры и братишка жались к родителям, всхлипывали. Я отбивался от тетки и дяди, вступал с ними в спор, доказывал, как умел, что попы и церковные книги обманывают народ, зачитывал некоторые места из Толстого о многобожии. Они приходили в ужас.

— Немедленно сожги эти книги! Тебя за них посадят в тюрьму, и ты пропадешь, как червь!

Я был непреклонен. К вечеру тетка, дядя и мои родители ушли в дом Суховых, стоявший на противоположной стороне улицы, чтобы там обсудить «чрезвычайное происшествие» и выработать меры воздействия на «богоотступника».

Я продолжал работать в кузнице. Отец был суров и мрачен. Раньше, пока в горне нагревалось железо, он (родители мои были неграмотны) просил меня читать рассказы и сказки, теперь же словно забыл о привычке. Заметив в моих руках книги, схватил их и с ожесточением бросил в пылающий горн.

Молчаливая, но упорная борьба продолжалась. Кончилась она тем, что, потеряв всякую надежду вернуть «заблудшего» в лоно «святой церкви», отец выгнал меня из дому, боясь, что своим «богоотступничеством» я погублю сестер и брата.

Расставались так. Я сложил вещи в мешок и готов был уже покинуть родительский кров. Вдруг мать сказала:

— Сядем, Андрюша, посидим немного и помолчим.

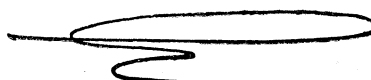
Это был обычай старины — перед расставанием присаживались минуты на две, потом вставали и прощались. После тягостной тишины мать бросилась ко мне, обняла и стала целовать, горько плача и причитая. Когда она выпустила меня из объятий, я подошел к отцу, поцеловал. Он заплакался.

Так ушел я в новую жизнь, полную бурь, тревог и борьбы. В жизнь, где не бог, а сам человек решает свою судьбу.

А. КУЧКИН,

Член КПСС с 1912 года,

доктор исторических наук.

КОЛОКОЛЬНЫЙ

уральская старина

МИХ. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

«Помни старину, помянут и тебя».
(Пословица)

1

Ранний недолговечный снегопад-предзимок побелил тропу и склоны гор, когда мы добрались, наконец, до зимовки. Через полчаса на краю большого оврага бушевал костер.

Старый лесник Стратон холил, побряхтывая, шомполом свой ветхий бердан. Я сидел на пене и глядел бездумно на синие вершины дальней Зигальги, на оголившиеся леса, шебуршавшие опавшей листвой, и на Белую, крутившую у нас под ногами, в узком ущелье, ошалелыми водоворотами.

— Стратон Ермолаич, как эти места называются? — спросил я.

— Какие места? — откликнулся лесник. Бросив в костер снятый с шомпола почерневший от порохового загара смазок, он встал: — Здесь, дорогой товарищ, местов, однако, много. Это, видишь, Чирьева гора, — указал он негнувшимся пальцем на седловатую вершину, через которую перекинулся древний Екатерининский тракт. — Лес, что под Чирьевой, Рябиновым Колком называется; падь, что левее, та — без названия. Падь — и все тут. А про Белую тоже рассказывать?

— Говорите, Стратон Ермолаич.

— Ну, вот, для примера, это место на реке Колокольным омутом называется.

С нашего, низкого, берега в реку выдвинулась лудь, каменная мель, и на первый же взгляд заметно было, что Белая в этом месте крутит могучим, злым омутом.

— А почему — Колокольный омут? — спросил я снова. — Колокола, что ли, на дне звонят? Слышал я и такие легенды.

— Нет, колокола в омуте не звенят, — покачал головой Стратон. — И никакая тут не легенда, а истинная старина-бывальщина. Хотите, расскажу?

Я, конечно, захотел послушать старину.

2

На горном Дебердеевском заводе спешили. Приказано было окончить к пятнице огромный, на триста пудов, колокол для уфимского городского собора. Уфимский провинциальный воевода прислал на завод гарнизонного капрала со строжайшим приказом — немедленно слать колокол в город. Уфа ждала приезда какой-то высококельможной персоны, не то генерал-майора Павла Потемкина, начальника тайной комиссии по делу народного возмутителя Емельки Пугачева, не то главного усмирителя холопьего бунта генерал-аншефа Бибикова, и надлежало достойным колокольным звоном встретить сих высоких персон.

Кроме отливки колокола, и другая забота была у хозяина завода купца Дебердеева. Как доставить колокол в Уфу? По Белой его не сплавить. От Тирлянского посада до самого Мелеуза река, сжатая горами, крутит ненасытными водоворотами. Побьет, сохрани бог, баржу! А если и не побьет, другая опасность ждет на низу. Получено известие, что взят пугачевским полковником Хлопушей Авзяно-Петровский купца Твердышева завод, и льют бунтовщики на купцовом заводе пушки для Пугачева. Непременно перехватят Хлопуша уфимский колокол!

Выход один — отправлять колокол на лошадях. Путь немалый, сто пятьдесят верст, и

ОМУТ

трудный: через хребты Ямантау и Зигальгу, через Сим и оба Инзера. Для трудного этого пути ладил на заводе возок из плах в ладонь толщинной, с большими, слошными, без спиц, колесами. Возок уже был готов, и вышел он на славу, хоть слонов запрягай, а вот с колоколом задержка.

Поэтому и спешили на литейном заводе, даже и в воскресенье работали. Но уже в среду к обеду сплав был готов. Пожелтело сопло, и металлический прут, опущенный в бурлившую расплавленную массу, покрывался глазурью, «стеклился», как говорили работные.

— Готово варевол! — сказал литейщик Митька Диков своему напарнику Афоне Первуше. — А ты видел, Афоня, сколь серебра в сплав вбухали?

— В колокол им не жаль серебро вальить, — вздохнул Афоня, — а нам, работным, не хотяя по алтыну к задельной плате прикинуть. Выжиги!

— Которые литейщики, сыпь на двор! — звонко прокричал пробежавший мальчишка-заслонщик. — Мастер кричит! Сейчас сплав спущать будут!

Диков и Первуша вслед за остальными литейщиками вышли на просторный, как площадь, литейный двор. Здесь, около формы, установленной в огромной яме, ничем не огороженной, суетились уставщики и мастер. Форма, собранная, скрепленная и просушенная, была готова. Внутри ее был поставлен стержень, по местному ядро, из плитника, жирно обмазанного обожженной глиной. Литник — канал, через который металл пойдет в форму, и выпор для выхода раскаленных газов были тщательно прочищены.

— Начнем, благословясь? — обратился один из уставщиков к литейному мастеру, суровому старику в седых кудрях. — Все готово.

— Годи, — ответил мастер. — «Сам» не велел без него начинать. Да вот он идет.

К литейной яме, быстрыми шагами пересекая двор, шел «сам», хозяин завода купец Дебердеев. И только лишь он поравнялся с формой, мастер снял шапку, перекрестился и крикнул зычно:

— Рушь заслонку! Пускай сплав!

Заслонку выбили ломом, и расплавленный металл, фырча и гудя, побежал по желобу к литнику. Работные, вытягивая любопытствующие шеи, сгрудились вокруг ямы. Задние поднажали, передние поневоле подались к форме, и чей-то острый локоть так уперся в бок Дебердеева, что хозяин охнул.

— Куда прете, чумазые?! — свирепо крикнул он и крепко толкнул в грудь стоявшего ря-

дом Дикова. Митяй качнулся, взмахнул руками, судорожно хватая воздух, и свалился в формовочную яму. Падая, он выбил дыру в низу формы.

— Боже ж мой! — вцепился в ужас мастер в седые свои кудри, и, видимо, не сознавая, что он делает, занес ногу над ямой, собираясь прыгнуть на дно. Его схватили за подол рубахи и оттащили назад.

А на дворе метался вопль десятков глоток:

— Давай! Скорее! Сгорит ведь! Поворачивайся!..

А что давать, куда и зачем поворачиваться, никто толком не знал. Все видели, как Диков пытался выкарабкаться из ямы, но не удержался и снова сполз на дно, провалившись по пояс в ту же дыру, выбитую им в форме. Все это видели, но, беспомощно толпясь у края ямы, не знали, чем помочь товарищу. А расплавленный металл приближался, неотвратимый и грозный.

— Поганцы! Душу крещеную загубить хотите? — закричал отчаянно Первуша и, разбросав мешавших ему, встал на колени на краю ямы. — Митяй, держи!

Он опустил в яму кушак. Диков подпрыгнул и схватился за конец. Первуша с силой потянул, но тотчас упал на землю, закрыв ладонями опаленное лицо... Сплав уже ринулся через литник в форму, а из выпора ударили раскаленные газы и снопы искр. Зноя их и не выдержал ослепленный и обожженный Афанасий. А затем страшный крик заживо горящего человека взметнулся из ямы.

После бури криков над литейным двором повисла недобрая тишина. Лишь гудел литник, глотая расплавленный металл, да ревел выпор, выметывая зловеще-зеленые газы и крупные искры.

Тишину нарушил топот. Это убежал от формовочной Дебердеев по живому коридору молча расступившихся работных. Всегда красное, с жирным блеском лицо купца было теперь бело, как январский снег.

3

Литейщики, формовщики, засыпщики, катали, углегоги — словом весь завод стоял около крыльца хозяйского дома. Даже ребятишки-заслонщики шныряли между взрослыми. И только лишь отворилась дверь хоромов, толпа псдалась вперед, к самому крыльцу. Быстрым пытливым взглядом окинул Дебердеев работных и спросил небрежно и лениво:

— В чем дело, ребяташки? Почему работу бросили?

Возбужденно гудевшие люди сразу смолкли. Сказался вековой, от предков унаследованный страх перед «самим», грозным и всесильным хозяином. Передние ряды смущенно оглядывались назад, а задние нерешительно топтались на месте, опустив глаза в землю.

— Ну! Языки проглотили? — уже с вызовом крикнул Дебердеев. — Что же не отвечаете?

— Не спеши, хозяин, ответим! — раздался спокойный голос.

Из толпы выдрался и подошел к крыльцу Афанасий Первуша.

— Мы насчет колокола, ваше степенство! — твердо и сурово сказал он.

Дебердеев сразу как-то осел, будто подтаявший сугроб, и покосился пугливо на литейный двор. Там краснел на солнце медными боками поднятый из ямы колокол. Прилив, образовавшийся от пролома, сделанного Митяем Диковым, после снятия формы обрубил, обруб загладили обдиркой, опиловкой и протравили кислотами. Подлюю эту работу делали «кафтанники», хозяйские колуми — уставщики, рядчики, заводские стражники и конторские писаря. Работных в этот день на завод не пустили. Теперь колокол можно было отправлять в Уфу, никакого изъяна в нем нет.

— Известились мы, что намерен ты отправить колокол в Уфу, — не дождавшись ответа от хозяина, снова заговорил Первуша. — Не дело, хозяин. Грех! В нем Митяка Диков смерть нашел. Могила его, колокол-от! А посему должен ты, хозяин, расколоть его и в землю закопать, как подобает.

— И колоду свечей на Митяев сорокоуст жертвуй! А женку его и детишек обеспечь! — закричали из толпы.

— Колоду свечей, ладан и кутью на сорокоуст я обеспечу. Бабе его и детишкам работу на заводе дам, — приосанившись, ответил хозяин. — А насчет колокола... Да вы знаете, сколько он стоит? Всех вас, и с семьяшками вашими, купить можно! Экося, расколоть и закопать!

— Ты, купец, прямо отвечай! — качнул тяжелой головой Первуша. — Похоронишь колокол, так мы сейчас и на работу встанем, а нет...

Пока Первуша говорил, Дебердеев, глядя на работных, думал: «Время сейчас бунташное. Шаткость в народе чувствуется. Того гляди, и мои чумазые засылку к Емельке сделают. Потому должен я их сразу ошарашить, немедля в ежовы рукавицы взять! А ежели они мою слабость почуют — от рук отобьются и заводу вред причинят...

— Молчать, онучи вонючие, зипуны вшивые! — шагая через несколько ступенек, скатился хозяин с крыльца. — Бунтовать вздумали? Да я вас в бараний рог скручу! Сок из вас потечет!

— Колокол захорони! Слышь? — загудела толпа.

— Не вам меня учить! — заорал Дебердеев. — Указчики тоже! Колокол в Уфу пойдет! А оттуда шкадрон драгунов на завод прискачет!

— Не пугай, мы досыта пуганы! — взревела толпа. — Хорони колокол, басурман!.. Креста на тебе нет!

— Расхо-одись! По местам! — побагровел от натуги хозяин. — Становись на работу!

— Не будем работать! Шабаш, ребята! А с

тобой, купчина, опосля поговорим! — закричали работные и побежали к воротам. И с разбегу остановились: ворота заняли конные лесовики в высоких волчьих шапках.

— Робя, вали через тын! — взмахнув снятой шапкой, крикнул Афанасий.

Работные побежали к заводским валам и, минуто спустя, облепили высокий частокот. Первуша обернулся к стоявшему в одиночестве Дебердееву и погрозил издали кулаком:

— Ужо встретимся, купец! Жди гостей на заводе!

И не спеша пошел к заводскому тыну.

4

...Их было трое, лежавших на лужайке, просшей щавелем и просвирником, трое дебердеевских работных: литейщик Афанасий Первуша, засыпка Пров Кукуев и углежог Непея.

— Беспокоюсь я, — сипел простуженно Непея, — ладно ли мы место для засады выбрали?

Первуша озабоченно поднял голову. Его лицо, с опаленными ресницами и бровями, потрескавшееся от жара плавильных печей, походило на черствую ржаную лепешку.

— Ничего, место усторожливое, — ответил он, раздвинув рукой ветви орешника. — Лучшее места не найти.

Тракт, перекинувшись через седловину Чирьевой горы, вплотную подошел к берегам Белой. В этом опасном месте тракт был перегорожен завалом из неохватных сосен, валежника и крупных камней.

— Разве пройти им здесь? — улыбнулся Афанасий. — Застрянут, голову кладу! А перед завалом я тракт «чесночком»¹ посыпал. То-то запляшут их кони!

— А кто колокол охраняет? — спросил Пров Кукуев. — Наши, чай, лешманы объездчики?

— Коли б они, сполгоря было! — озабоченно ответил Первуша. — Купец-подлец драгунов на завод вызвал. Вот какая штука, шабры!

— Едут! Ей-бо едут! — заорал вдруг Непея. Первуша, поднявшись на колени, поглядел поверх кустов на тракт. Из-за ближнего поворота выползла длинная окутанная пылью змея.

¹ Чеснок — колючка.

Зоркие глаза Первуши различали желтые мундиры трех драгун головного дозора, настороженно оглядывавших придорожные кусты и скалы. В саженях ста сзади дозора ехал офицер, устал, завалился в седле. А еще в сотне саженей за офицером с рокочущим шумом, похожим на ворчанье далекого грома, двигалось что-то огромное, неуклюжее. То на особом возке везли колокол. В возок было впряжено тридцать лошадей гуськом, по три в ряд. Издалека были слышны крики погоняльщиков и хлопанье кнутов. Остальные драгуны конвоя рассыпались желтыми точками и по бокам и сзади возка с колоколом.

— Они, — сказал Первуша, отводя от тракта напряженные, застланные слезами глаза. — Пошли вниз, робя. Встречать будем!

Под горой, у завода лежали дебердеевские работные, вооруженные медвежьими рогатинами, самодельными пиками, вилами-тройчатками и топорами углежогов, тяжелыми, на длинных топорщах. Ружьями было вооружено не более десятка рабочих. При появлении Первуши и двух других главарей разговоры смолкли.

— Едут! — строго сказал Афанасий. — Как крикну, вылетай разом. Скопом! А я пойду гостям хлеб-соль подносить!

Он озорно, по-ребячи улынулся и, опираясь на молодой дубок, окованный в комле железом, полез на завал. Увидев его, дозорные драгуны повернули и галопом помчались к офицеру. Тот вытащил из седельной кобуры длинноствольный пистолет, осмотрел кремни и вместе с дозорными поспешил к завалу.

— Кто это нагородил здесь? — крикнул он, оставив коня.

— Ваше благородьчико, — просительно заговорил Первуша, — мы, тоись дебердеевские работные людишки, до вашей милости с просьбой. Отдайте нам колокол, что в Уфу-город везете. Товарищ наш, Митька Диков, в ем смерть нашел, в славе сгорел. Желательно нам в землю его зарыть, чтоб схоронить покойничка честь-почести.

— А больше вам ничего не желательно? — улынулся недобро офицер и начал осторожно поднимать пистолет. — Уйди с дороги, холоп! По кандалам соскучился?

— Ишь, как запел! — тоже улынулся зло Первуша, следя за драгунами, стягивавшимися к завалу. — Вы, дворяне да заводчики, железные носы, заклевали нас, черную кость! Да ладно уж, рассчитаемся коли-нибудь!

— Сейчас и рассчитаемся! — крикнул офицер, спустив курок. Пуля свистнула, оторвав Афанасию мочку уха.

Выстрел офицера словно оживил завал. Он ошетинился пиками, рогатинами, вилами.

— Бей царицино войско! — взмахнув дубком, первый прыгнул на тракт Первуша. За ним посыпались работные.

Драгуны дали залп из карабинов. Им недружно ответили ружья работных. А перезарядить карабины драгуны не успели. Пока продули стволы, пока выташили из гнезд шомпола, схватились за лядунки: работные уже навалились.

— В сабли! — крикнул офицер, поднимая на дыбы своего злого, горбоносого киргиза. Но кони драгунов, напоравшись на «чеснок», лягались, давали свечки, вертелись, не слушая шенкелей и поводов, и подставляли всадников под удары врагов. А работным, обувшимся в поршни из толстой кожи, «чеснок» был не страшен. Свалка, окутанная пылью, то подкатывалась к береговому обрыву, то снова жалась к Чирьевой горе.

Офицер как привязался к Первуше, так и не отставал от него. Тяжелый офицерский палаш нахивался по увертывающемуся Афанасию, или встречал его дубок. Улучил, наконец, момент для удара и Первуша, ахнув пудовым дубком с широкого размаха. Он метил в шляпу офицера и попал бы, не подставь тот парирующий палаш. Дубок и палаш встретились, и победил дубок. В руке офицера остался один эфес, а удар Первуши вместо шляпы опустился на шею коня. Выпучив глаза и оскалив зубы, конь прынул назад. Один только миг видел Афанасий две пары глаз, обезумевших от боли, человека и коня.

Первуша устало смахнул пот со лба и подошел к краю обрыва, но увидел только круги, расходящиеся по волнам Белой.

Афанасий обернулся. По тракту носился десяток, не больше, драгунов на взбесившихся лошадях. Работные ловили их и, сдергивая с седел, бросали через голову на землю. Так бабы в жнитво, хватая за свясло, перебрасывают за спину готовые снопы. И дюжие работные, играючи «сажавшие» в печь четырехпудовые крицы, без труда справлялись с драгунами.

Бой затихал...

Стратон замолчал, глядя на пепельно-белые, как шкурка зимней белки, облака, повисшие над Чирьевой горой.

— А дальше как дело было, Стратон Ермолаич? — не утерпев, спросил я.

— Как дальше дело было, точно не скажу, — ответил лесник. — По-разному в народе говорят. То будто бы разбили рабочие колокол на куски и похоронили их под Чирьевой горой, а то будто сбросили в отработанный рудник вон там, в безымянной пади. А говорят и совсем иное: сняли будто с колокола цепи да канаты и свергли его в Белую. Вечный-де покой усопшему будет на дне речном, а река колокол-могилу песочком занесет. Уветливая и пристойная могилка будет! Точно никто не знает, но коли здесь где-то Митяй похоронен, то и назвал народ омут, что под Чирьевой горой, Колокольным. Видите его, омут?

Я долго смотрел на пенистый водоворот...

ЛЕШАЧЬЯ ГРИВА

Н. НИКОНОВ

Рисунки В. Жабского

У рыбаков, охотников, грибников и ягодников есть всегда заветное местечко. И пускай говорят про лучшие места, пусть нахваливают улов, все-таки больше тянет на свое озеро, на давно знакомый мысок. Сказывается ли тут привычка ко всему обжитому, родному, или впрямь выбранное место лучше многих — не знаю. Но сам я тоже из года в год наезжал в деревню Галашки, гостил там подолгу у давнего знакомого Петра Григорьевича Манина. Жил он в конце деревни, у речки. Его изба смотрела в поле, огород спускался к самой воде.

Места вокруг деревни чудесные: невысокие увалы, смешанный лес, пашни на склонах и в ложбинах, выгоны для скота вдоль реки, огороженные жердьем, и сама речонка Галашка — узкая, холодная, вся в зелени черемухи, вербы и хмеля.

На весенних рассветах здесь пели соловьи, скрипел невидимый дергач, синегорлые варакушки трещали и посвистывали с вершинок кустов, нарядные дубровники порхали по кочкам заливного луга.

На опушках, возле кромок полей, в поросли мелких елочек с пахучей и мягкой хвоей находил я гнезда черноголовых славок, тоненьких серых птичек, которых редко встретишь в Зауралье. Здесь была обетованная земля для всякого любителя природы. Нигде не встречал я такого множества цветов, как на заливных лугах по Галашке, таких непугливых птиц, спокойно подпускающих на самое близкое расстояние. И я уже перестал удивляться, если находил гнездо горихвостки, устроенное прямо на столбике изгороди, не удивлялся лягушкам с кулак величиной,

которых встречал каждое утро на крылечке. Длинным прыжком они соскакивали в росистую траву.

За десяток лет я узнал в округе все гари, просеки и тропы. Одно только Черновское болото километрах в семи от деревни оставалось неисследованным. Оно растянулось к юго-востоку очень далеко. Лишь в ясные ветреные дни, когда исчезает туманная хмарь, с вершины самой высокой здесь Березовой горы можно было различить его край — волну сизых пологих увалов.

Дикое, заглухшее, необъятное болото. Целая неизвестная, неразгаданная страна со своей жизнью, своим населением.

Майскими прозрачными вечерами в реденьких сумерках я подолгу сидел на северном, еще не облещенном склоне Березовой горы, лицом к болоту, и, отгоняя ноющих комаров, слушал.

Тысячи звуков, иногда знакомых, иногда совсем неопределенных, тихих и громких, далеких и близких, доносились снизу. Резко жвякали крыквы. Цвирикали чирки. Однообразно покрякивал воробьиный сыч. А ближе, на вершине лохматой, чуть освещенной жидким розовым светом елки на все лады улюлюкал, высвистывал одинокий певчий дрозд.

Между привычными уху голосами вдруг рождались и пропадали другие: длинный сипящий свист, какой-то дальний лай — не то заяц кричал по-весеннему странно и жалобно, не то урчал козодой или другая неведомая птица.

Я просиживал до темноты, пока над зубчатыми елями болотной кромки не начинали теплиться первые звезды. Меня провожал целый хор лягушачьих голосов.

Болото манило своей неприступностью и постоянно заставляло думать, что, может быть, среди его нехоженных пустошей, кахлых берез и бесконечных сосняков живут какие-нибудь неведомые существа.

В деревне Черновское не жаловали. Часто терялся там гулевой скот, по уши проваливались лошади. Рассказывали, что в давние времена немало и людей «загигло» в топях вокруг лесистого длинного острова с диким названием «Лешачья грива».

Такие прозвища на Урале дают местам глухим и угрюмым. В Таватуйской даче есть, например Лешачьи лога, река Шайтан и речка Шаманиха. Есть в Зауралье Чертово озеро, Чертова пойма, Лешачий мыс. А странное ухающее колесо в соловьиной песне известно как «лешваа дудка».

Бесконечное множество рассказов про болото выслушал я от хозяина избы Петра Григорьевича. Люди, подобные Манину, есть в каждой деревне, в каждом селе. За свою шестидесятилетнюю жизнь этот лысый, испитой мужичок кем только не перебивал! Даже, судя по отрывочным сведениям, которыми я располагал, он был лесником, сборщиком хмеля, объездчиком, торговал в сельпо, работал пожарником, поставлял мясо в совхозную столовую, а в последнее время «столлярничал» в колхозе. Делал грабли к покосу, домики для лис и песцоз на колхозную звероферму. Был он вдов и имел трех замужних дочерей. Жил один, а к дочерям ходил лишь по праздникам, как сам он говорил, — пировать.

Вместе с редкой непоседливостью, добротой и покладистостью Петр Григорьевич был страшно суеверен и боялся всего необычного, какой-то первобытной боязнью.

Однажды, подходя на рассвете к глухариному току около Черновского, он вдруг сдернул шапку, закрестился, забормотал молитву.

— Что ты, Григорьевич?— вздрогнул я, окликаю его.

— Тише... вон! Стоит... он стоит... Пресвятая... — Кто? Где?

— Обороны нас... да воскреснет бог, и разойдутся врази его,— шептал Манин.

Мне стало не по себе. Я сдвинул предохранитель, приподнял ружье, всматриваясь в сизый сумрак. Впереди действительно маячило что-то высокое, черное, похуже на гигантскую фигуру человека с распростертыми руками.

Только непоколебимая вера в отсутствие чертей повела меня к немому предмету. Скоро я легко вздохнул и плечами передернул. Впереди все яснее стал обозначаться высокий слом горелой лиственницы с двумя сучьями, похожими на полуопущенные руки. Манин подошел не сразу, с опаской пощупал обугленный влажный ствол, вымазал пальцы сажей и уж тогда успокоился.

— Чтой-то ране я его не видел,— оправдывался он.— Тьфу, нечисть проклятая...

Точно так же испугался он, даже побледнел, когда к окну подлетела горихвостка и стала порхать возле створок, должно быть, склевывая комаров.

— За мной она прилетала.. По мою душу,— удрученно сказал он.— Это к худу, ежели птичка в окно стучит, али вот еще кукушка прилетит к дому, закукует...

В тот вечер, помнится, Петр Григорьевич даже спать лег в избе, хотя обычно спал он в летнее время на дворе, в телеге, тепло укрывшись одеревенелыми тулупами.

— А вот ты хошь верь, хошь не верь, а нечистое место эта болотина,— рассказывал он как-то в другой раз, восседая на печи с деревянным ладилом в руках, сам весьма похожий на лысого домового.— Ты не смотри, что я тогда напужался. С кем чего не бывает... Я, парень, ране на медведя хаживал, рысей бивал, волков. Болото это не простое. Блазнит на нем.

А то, сказывают, стонет все кто-то... Ну, это, может, бабьи запуги. Стонать — ветер стонет, может, птица какая-нибудь, лесина тоже. А что я сам видал, от этого не отпорюсь. Огни там светятся. В аккурат у Лешачьей гривы. Зеленые такие, нечистые огни. И здорово другой раз полыхают ночью. Врать не стану. Ране у острова озеро было. Мне дед покойный сказывал, а ему тоже дед. Само собой не велико озеро, а дна там вовсе не было. Рыба водилась. Черная рыба. Вот просто и окунь тебе, и ерш, и щука в нем, как угольные. Надо полагать, оттого и болото Черновское прозвалось, а может, Чертовское... на моей памяти еще рыбачить туды бегали. Васька Афанась Маркельча, погодок со мной, отчаянная голова, все туды лазал. Сказывал, посуху, мол, рыбу достаю. Подолблю пойму и таскаю окуней. Под поймой и сейчас вода. Сверху ее только травой позапелло, мхом позатянуло. Я по молодости по гриве хаживал. Гиблое место. Сперва ничего идешь — топко, а не проваливаешься, нога чувствует — твердо, ничего... Ну, а чем дале, тем хуже. Зыблется под тобой сплавина, чамкает, волна под ней ходит... Страсть!.. Попойдешь и воротиться, а то думаешь, сгинешь ни за что, ни про что...

Манин помолчал, с напряжением завертывая концы бересты,

— Васька-то сгинул ведь,— продолжал он, отставляя готовый туесок.— Ушел так-то... Нет его день, ночь нет и ишло день. Народ искать пошел. Мужики лыжи надели. Думали, не на островину ли пробрался каким случаем. Там, видишь ли, старики говорили, клады закопанные есть. Разбойничьи клады. А Васька страсть до всего такого охочь был: искать чего, гнезда зорить... Ну, и в чужую клеть залезть. Все, бывало, по весне зовет: «Айда, Петька, сорочи яйца искать. Ими клады отворяются...» Брехня, конечно. Какие клады?.. Воротились мужики, удочку Васькину принесли сломанную, да шапочку. Провал, говорили, в том месте, а в провале вода, как деготь берестяный. Видать, под сплавину его, беднягу, затянуло... Не ходи туды. Хоть много лет прошло, а все равно гиблое место, будь оно проклято,— заключил Манин, принимаясь ловко соединять ладилом кромку нового берестового бурьча.

Петр Григорьевич был во многом прав. Ведь уже не первый раз пытался я пройти на Лешачью гриву. Успешно продирался сквозь густейший сосняк-карандашник, проходил полосу сырого ольховника. Дальше шли огромные кочки, через них приходилось перелезать на четвереньках, то и дело вспугивая противных серых гадюк и юрких ужей. Еще дальше лес редел, но почва становилась топкой: ноги хлюпали по воде, застревали меж кочками, цеплялись за обнаженные корни. Здесь росли метелки тростника, сочный дудник и болотные купыри, высоко поднимал свои зонтики ядовитый вех. Через них пробираешься, как в сказочном травяном лесу. И вот, наконец, совершенно непроходимая полоса — узкая, ровная мховая поляна, кое-где растут на ней скрюченные березки да елки, наполовину сухие, с искривленными большими сучьями. Это сплавина: ступишь на нее — закачаются березки, закивают елочки, а нога медленно и неуклонно пойдет вниз.

Здесь я обычно останавливался, журавлем мостился на последней кочке, в бинокль разглядывал не так уж далекую таинственную «гриву». Там стоял темный и хмурый бор. Толстенные сгнившие деревья наклонились у края, мертвые осины кое-где упали прямо на пойму. И над всей лохматой островиной величественно возвышалась гигантская лиственница с узловатыми черными сучьями и расщепленной молниями вершиной. Возможно, эта вековая уродливая лиственница и придавала гриве вид унылого, окаянного места.

Но в сентябрьские голубоглазые дни, когда спокойное небо похоже на снятое молоко, грива совсем не казалась угрюмой. ярко расписанная золотом берез, в нежной осенней дымке, она выглядела нарядной, манящей и неприступной красавицей на фоне тусклых, однообразно зеленых дальних сосняков. Весной она зеленела намного раньше — теплая вода под сплавинной будила спящие деревья...

Может быть, никогда не стал бы пробираться на Лешачью гриву, если бы к тому не привел случай.

В самом начале мая бродил я в обочине Черновского болота, отыскивая глухариный ток. Ток был старый, давно известный. Я пошел на него один, так как Петр Григорьевич по случаю праздника «пировал» у дочери. Вместе со мной увязалась в лес двухгодовая собака Шубка. Манин завел ее вместо старой лайки, погибшей в позапрошлом году. Шубка не была чистопород-

ной собакой, о чем свидетельствовали. ее довольно длинная рыжеватая шерсть и склад морды, напоминающий дворовых Шариков и Жучек. Но хвост Шубки был закручен крендельком, уши торчали, а птицу она искала азартно и страстно, ничуть не хуже тех благородных «кофейно-пегих» и «чепрачных» пойнтеров и сеттеров, какие получают медали на выставках и имеют длинные родословные с перечислением прадедов до двадцатого колена.

Не раз я видел, как Шубка, соскучившись сидеть возле ворот да тявкать на редких прохожих, подлезала под прясло в огород, спускалась к речке, переплывала ее, нимало не смущаясь студеной весенней воды, и, отряхнувшись, исчезала в кустах противоположного берега. Она уходила охотиться и возвращалась иногда через двое суток усталая, но с туго набитым животом. Обычно она залезала под сарай отсыпаться на сене, свернувшись рыжим клубком.

Уйти на охоту без Шубки было невозможно. Едва, в полной темени, появлялся я на крыльце с ружьем и котомкой, как она с визгом выкатывалась из-под сарая, кидалась под ноги, поблескивала зелеными огоньками глаз, выражая радостное нетерпение.

Весной с собаками охотиться нельзя. Накануне, по моей просьбе, Манин привязал Шубку под сараем на веревку. Я ушел, провожаемый визгливым тьяканьем, воем и неутешными собачьими причитаниями.

Через час она догнала меня на подходе к Черновскому болоту с огрызком веревки на шею. Этот обрывок и самый вид собаки, покорно ожидающей, — не закричит ли на нее человек, не заругается ли, — до того умилили меня, что я махнул рукой и скрепя сердце пошел дальше вместе с рыжей помощницей. Теперь искать ток было почти бесполезно: собака разгонит глухарей. Я изменил первоначальный план — решил пройти по краю болота, поискать тетеревов. Они часто вылетали сюда кормиться сладкой весенней клюквой.

Долго лазили мы по соснякам, выбирались на чистники, одолевали кочкарник — удачи не было: то птица вспархивала слишком далеко и до меня долетал лишь волнующий грохот крыльев, то Шубка поднимала дичь где-то в стороне, то вдруг наворачивалась на верный выстрел рыжеватая тетерка. Я вскидывал и опускал ружье, проворачивая стремительно улетающую птицу. Было немного досадно, однако, если говорить начистоту, я не слишком огорчился многочисленными неудачами. Уж очень хорош был над болотом сухой и благостный майский день! Было жарко. Даже парило. По прошлогодней листве в осинниках шуршали ящерицы. Маленькие красноватые бабочки пролетали иногда. И везде, где было посуше, кучками росли подснежники на толстых ворсистых стебельках.

Так пробродили мы до вечера и вышли к самому краю сплавины. Я уже хотел повернуть обратно, как Шубка вдруг высокими скачками перемахнула несколько кочек — из чащи справа тяжело поднимались две пепельных птицы. Глухари! Я выстрелил мгновенно. Первая птица мельницей завертелась в воздухе, тяжело шлепнулась на сплавину. Другая продолжала лететь. Ведя стволами за ней и соображая, стрелять ли, я не удержался. Было видно, как из глухаря брызнули перья. Он неестественно, столбиком, стал забирать вверх, справился, отлого пошел на снижение и скрылся в кромке Лешачьей гривы.

Шубка жамкнула первую птицу, пулей промчалась по зыбкой сплавине и юркнула в заросли острова. Скоро услышал я далекий визгливый лай. Очевидно, раненый глухарь сидел на дереве.

Как же теперь? Как достать убитую птицу, а главное — выманить с острова молодую, горячую собаку? Я беспомощно топтался у края сплавины, свистел, кричал, звал. В ответ несло потявкание собаки. Охваченная охотничьим азартом, она продолжала терпеливо ждать.

«Попробую выстрелить. Авось, прибежит...» Я заложил патроны. Два выстрела гулко раскатились над болотом, много спустя отозвалось эхо. Прислушался. Нет, лает...

— Шубка! Шубка! Шубка-а!... — завывал я на все лады, свистел не хуже соловья-разбойника, а в ответ был тот же редкий визгливый лай.

«Может быть, все-таки попытаться? Хоть уби-

того глухаря достать. Не оставлять же такую дорогую добычу!»— подумал я и тотчас вспомнил рассказы о болотных огнях, об утонувшем Васюке. Деручий озноб волной пробежал от ног по спине. Захотелось немедленно вылезть из болота, выйти на сухую, твердую, безопасную землю. Отдохнуть.

А Шубка?! Ведь она до потемок будет сидеть под деревом, оглядываться, скулить, но не уйдет, верная своему собачьему долгу. Сходить в деревню за лыжами? Пока я вернусь, собака может потеряться в беспредельных трясилах этого чертового болота и не найти выхода.

— Нет!— сказал я вслух.— Надо успокоиться. К дьяволу все огни и утопленников. Я переползу через эту паршивую трясину и ворочусь обратно. По крайней мере, до убитого глухаря. Надо взять себя в руки... Крепко!

Я сел на сухую кочку и стал обдумывать план действий, втайне надеясь, что Шубка еще вернется.

Однако время шло, а собака не появлялась. Я слез с кочки, выбрал две длинные, крепкие березы, обсек лишние сучья, оставляя лишь самые прочные с обеих сторон. Чтобы сумка не мешала, я снял ее и оставил на кочке, повесил за спину ружье, подтянул до пояса высокие «болотные» сапоги и, не рассуждая много, ступил на зыбкие кочки. Первые шаги были не трудны— кочки колебались, опускались, но держали. Самое страшное было впереди, там, где лежал убитый глухарь.

Последняя кочка! Она тонет. Опускаюсь на четвереньки, опираюсь на стволы березок. Держит. Так, на четвереньках, а потом почти ползком двигаюсь все дальше и дальше. Вот и убитый глухарь. Скрестив палки, привязываю его к поясу. И снова ползу. Ледяная вода вдруг заливает в рукава. Гулко, гулко стучит сердце. Теснит дыхание. Странное чувство овладевает мной: кажется, что ползу по поверхности воды. Слой трав и мхов прогибается, зыбится, чмокает.

Но так длилось недолго. Лешачья грива приблизилась, почва как будто стала тверже. Снова пошли кочки, сухие травы. Уже не булькает подо мной вода. Я встаю на колени. Иду как странное четвероногое. Поднимаюсь. Осторожно делаю шаг, другой. Все... Опасная полоса позади. Видимо там, где была лужайка,— просто глубокий проток, а здесь уже велик слой земли, торфа и мхов. Я быстро дошел до края острова и вступил на новую землю.

Страх не было. Было неясное волнение, ожидание нового и необычного— наверное, с таким же чувством вступали путешественники на берега неведомой земли.

Вот она, Лешачья грива! В закатном солнце золотятся макушки сосен. «Тви-тви-тви-тви-тви-тви»,— поет зяблик в пустой тишине. Высокая немятая трава с беловатым весенним налетом шелестит под сапогами. И кажется мне, что иду я в ворота древнего лесного царства, прямо в гости к еловому лешему с зеленой бородой.

Что-то гулко стукнуло впереди, послышалась возня, сдавленное рычание— и все стихло.

Медведь? Лось?

Даже жарко стало. Я замер, приподняв ружье к плечу, готовый стрелять в любую секунду. Вот шелестит трава, кажется, будто ползет или волочится кто-то.

«Полоз?»—мелькнула дикая мысль. Ведь говорили бабы, что живут в этом болоте змеи в

сажень... Меж стволами мелькнуло темное, низкое, непонятное...

Ой! Да это же Шубка! Тащит второго глухаря! Шубка, милая! Я бегом бросился к собаке. И она тоже обрадовалась, отпустила тяжелую птицу, заскакала вокруг меня, прижимая уши, стараясь лизнуть в лицо. Мы обрадовались друг другу. И разом пропал весь страх. Я решил пойти и нарочно облазять всю гриву. Все-таки интересно побывать в таком месте, где, наверное, не ступала нога человека.

Я привязал второго глухаря к первому, перекинул тяжелую ношу через плечо, осмотрел ружье и неторопливо двинулся в глубь чащи. Впрочем, идти быстро было нельзя. Колочий кустарник с засохшими синими ягодами то и дело цеплялся за одежду, колол руки. Ключьями висела на нем солома— остатки прошлогодних птичьих гнезд. Древние колодины мягко рассыпались, и стояла величественная тишина, изредка нарушаемая все той же песенкой зяблика да черным юрчанием дроздов-белобровиков.

Я обошел всю островину, перевалил на противоположный берег, и там была та же земная топь, а дальше синели бесконечные низкие сосняки. Ничего особенного здесь нет. Лес как лес, глухой, нехоженный, мрачный. Вон большое гнездо на вершине сосны. Должно быть, той пары белохвостых орланов, которых из года в год видел я на недоступной высоте над болотом.

Я подошел к сосне. Хвоя у подножия была усеяна сизыми косточками птиц, рыбьими головами, клочками заячьей шерсти.

Конечно, орланы...

Пока я осматривал остров, в лесу начало смеркаться.

«Пора домой, в деревню»,— спохватился я и с неудовольствием почувствовал, что ползти вновь через сплаvinу страшновато. Опять ложиться на сырой мох, зачерпывать рукавами студеною воду, ежесекундно опасаясь провалиться, сознавая, что стоит заползти в «окно»— тут уж гибель— медленная, ужасная, беспомощная и глупая.

Вернувшись к месту «высадки» на остров, я поглядел на противоположный сосняк. Мой след заметной ложбиной пролегал через пойму, кое-где в ней поблескивала черная, жуткая вода.

После долгих сомнений и раздумий я не решился вторично испытывать судьбу. Ведь, если провалишься, не помогут никакие березы. И ночевка на этом глухом острове без еды (сумка-то осталась на той стороне) не была заманчивой, да что поделаешь. Я не один...

Шубка сидела рядом, пошевеливала хвостом и время от времени наклоняла морду набок, словно тоже прикидывала, как быть.

Я выбрал место повеселее, стал таскать сучья, сухие елочки, осыпающийся колочий лапник. Все было готово для костра, когда я полез в карман и со страхом обнаружил, что спички полностью промокли, как и большой ломоть хлеба в боковом кармане.

Новое открытие обескуражило, заставило тотчас оглядеться. Темнело. Заря потухала за сосняками. Звезды начали проклевываться в холодной, густеющей синеве неба. Над сплавиной курился туман. Пахло сыростью, подснежниками и особенным весенним запахом молодой зелени. «Попробую зажечь от выстрела».— Я поискал в патронташе осекшиеся патроны, быстро разрядил их, высыпал дробь в карман. Потом собрал

самый сухой мох, травинки и сложил кучкой. Выстрел, и... кучка разлетелась вдрызг, но ни один, самый маленький кусочек, даже не затлел. Я уменьшил заряд и снова повторил опыт с прежним результатом. Сзади захлопала вспугнутая выстрелами птица. Я стрелял еще и еще. Сухая трава на мгновение начинала тлеть, а пока я наклонялся, чтобы раздуть крохотные красные точки, они гасли, а вместе с ними гасла надежда на веселый огонек.

Я уже вслух проклинал себя и за неосторожный поступок, и за то, что не уберечь спички и не переполз сплавину засветло. Сейчас уж подходил бы к деревне, а то и за самоваром сидел... Кукуй теперь в темноте без огня, без еды, в холодном болотном тумане. Страх, сомнения, самые глупые мысли, какие могут породить лишь отчаяние и мрак и которые никогда не появятся днем, вдруг рождались и упрямо лезли в голову. Я уже всерьез раздумывал, не перебежать ли через сплавину, лишь бы уйти из сырой мглы и этой жуткой тишины. Она обволакивала, давила, и все казалось, вот-вот прорвется каким-нибудь воем или хохотом...

Я сел на холодный палник, погладил собаку, всячески стараясь успокоить самого себя. Темнота густела. Светлее было только на западе. Дрожащими, неясными силуэтами над кромкой гривы пролетали вальдшнепы. Шла тяга. Но я не думал братья за ружье. Все мои мысли сосредоточились на одном: как раздобыть огонь. Добыть огонь трением сучка о сучок я не пытался. По опыту знал, что этот способ дает хорошие результаты лишь в повестях о путешествиях, а в жизни пригоден как потогонное средство. Не было у меня и подзорной трубы, из которой я мог бы извлечь увеличительное стекло, да оно и не пригодилось бы: кругом стояла такая черная сырая тьма, как в подземелье. Слева вдруг слышалось странное чмоканье, кто-то прошел по грязи, с грудом выволакивая ноги. Потом прошумели задетые кусты. И мне показалось, я слышу шумный тяжелый вздох: «Ф-фу-у...»

Тихонько заворчала Шубка, порываясь в сторону, но я боялся ее отпустить и крепко держал за обрывок веревки. Холодная испарина выступила у меня на лбу. «Огня... огня бы, огонька...» — шептал я и вдруг вспомнил юмористическую картинку, которую видел когда-то давно в журнале «Огонек». Называлась она «Добывание огня в каменном веке». Были там изображены два бородатых дикаря, из которых один стоял на четвереньках перед грудой поленьев, а второй колотил его каменным молотом по густоволосой голове. Из выпученных глаз дикаря летели искры, над костром поднимался клуб дыма. Картинка

вспомнилась так живо и комично, что бодрость снова вернулась ко мне.

А что, если сложить кучку из травы, посыпать ее порохом, положить сырые спички и выстрелить?

Я тотчас ошупью принялся разряжать новый патрон.

— Да будет свет!— сказал я, подводя ствол к посыпанной порохом кучке травы, которую едва различал во тьме. Выстрел грохнул — и вот оно, счастье! Целый сноп пламени и дыма взметнулся вверх, трава и мох вспыхнули, спички запыхали одна за другой. Позднее я обнаружил, что опалил ресницы, но разве можно было тогда огорчаться по пустякам, когда у моих ног весело пощелкивал, потрескивал, метался, прорываясь сквозь сухие прутья, рыжий язычок пламени, и пахучий дымок першил в носу, выжимая слезы.

Теперь нам не страшны ни тьма, ни лешие, ни прочая чертовщина. Все вдруг стало обыкновенным: и ночь, и сосны, и болото. Я зарядил ружье пулей и картечью, улегся на хвою. Шубка тотчас прилепилась возле ног. В глазах ее мерцали, отражаясь, два крохотных костра. Я подсушил на огне промокшую краюху, и мы с наслаждением стали есть теплую, продымленную ржаную мякоть.

Как же меняется настроение человека! Полчаса назад сидел я впотьмах у ствола этой же сосны, близкий к отчаянию, а теперь все прошло, и на душе спокойно, даже весело, пожалуй.

А ночь над болотом непробудная, как сонтрава; чуткая, как волчье ухо. Далекие созвездия ясно обозначились в вышине. На северо-западе небо еще смутно бледнело. Белая яркая капля Венеры дрожала и лучилась низко над черными спящими сосняками. Левее и выше ее разметнулось широкое созвездие Льва. Я разглядывал звезды и думал о них. Вот так, в угольной нездешней глубине затеряны далекие, невозобразимо далекие миры. Там свои солнца и своя жизнь и, быть может, какой-нибудь охотник сидит вот так же на неведомой гриве, ждет рассвета, думает о чем-то и не знает, что я существую и тоже думаю о нем. Созвездия! Они всегда влекли меня, манили даже названиями: Северная Корона, Орион, Гончие Псы, Волосы Вероники... Странная, трудно понимаемая даль...

Вон они, Волосы Вероники,— горсточка чуть различных туманных огоньков.

Хруст сучьев прервал мои мысли. Я встретился, сел, схватился за ружье. Вскочила, вздыбила шерсть Шубка, глухо зарычала, отвернувшись от огня. Тишина. Только сердце стучит глуко. За деревьями снова гот же шумный вздох, хруст сучья под тяжелой ногой... И вдруг близко и тяжело затопало. зашелестели кусты. Собака юркнула во тьму, заливаясь злобным лаем. Топот удалился и быстро стих. К огню выскочила взбешенная Шубка.

— Кто?— чуть не спросил я у нее и ответил сам себе:— Лоси! Конечно, лоси. Только они могли так топать. Но как пробрались они на неприступную гриву? Известно, что лось легко ходит по непроходимым трясинам. Но как пройти через такую топь? Невероятно. А все-таки лоси подходили к костру. Безбоязненно, пока не почувли человека и собаку. Теперь они убежали. Куда? Грива не велика...

В раздумье я огляделся вокруг и снова едва не вскрикнул. Шагах в двадцати от меня на берегу светились полосами слабые огни. Это был зеленый и холодный, колдовской свет.

— Фу, какая чертовщина! Чудится мне, что ли?

На секунду я зажмурился, открыл глаза: полосы светились на том же месте. Тогда я оглянулся на Шубку, спокойно лежащую у костра, и решительно зашагал к огням. Шаг за шагом удалялся я от костра, и вот огни у моих ног. Это светились гнилые стволы старых ольх и осин.

— Еще тебе, дураку, одно доказательство! Не верь сказкам, не пугай сам себя,— вслух проормотал я и, отломив кусок гнилушки, понес ее к костру. В ярком свете костра она померкла и выглядела обыкновенным куском красноватой древесной гнили с белыми прожилками. Я положил гнилушку за пазуху, заглянул туда. Она светилась тем же фосфорическим, мягким светом.

Я подкинул сучьев в огонь, лег на свое хвойное ложе и совсем спокойно стал следить, как прогорают тонкие сухие веточки, сперва расклевываясь до золотого блеска, потом бледнея, становясь вишневыми и, наконец, превращаясь в трубочки беловатого пепла. Пепел сыпался вниз...

Я проснулся от сырости и холода. Привстал.

ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ НЕВЕРОВ

Когда кто-нибудь при нем заводил речь о том, что годы бегут, что скоро...

Он вспыхивал. Он не любил ни слушать, ни говорить о дряхлой старости, а всей душой, всем сердцем своим утверждал молодость, жизнь во всех ее проявлениях.

Он любил работу такую, чтобы все горело в руках, чтобы ощущался ее — этой работы — озаримый ритм, тот самый, когда с редакционного «конвейера» на страницы журнала сходят яркие задумки-«изюминки», когда удачно «вытанцовывается» полоса юмора, когда приглашен к следопытскому костру бывалый человек, способный рассказать такое, в чем есть добрый намек для «добрых молодцев».

Он любил товарищей скупно, по-мужски сурово. Он умел делить с ними трудности. Он радовался нашим радостям.

Он любил песни. Часто «колдуя» над очередным номером «Следопыта», он мурлыкал себе под нос раздольную русскую песню, в которой — и запах лугов, и глухая тайга, и священное море... Он любил то огромное многообразие всего самого дорогого нам, что называется коротким емким словом Родина.

Таким вот и останется навсегда в наших сердцах он — Леонид Петрович Неверов — наш старший товарищ по «Уральскому следопыту» один из его «крестных отцов», настоящий ЧЕЛОВЕК.

Костер давно прогорел, едва дымился. Белое утро занималось над болотом. Кричали журавли. Недалеко от костра клубочком спала Шубка. Юрчащие песни дроздов-белобровиков раздавались со всех сторон. А на другой стороне гривы ясно пощелкивал токующий глухарь. Подальше ему вторил другой, в самом дальнем конце гривы слышался третий.

«Вот тебе на! Ток-то где!» — подумал я, прислушиваясь к щелканью ближнего петуха. Вот он издал скрипучий скрежещущий звук, «заскричал», как говорил Петр Григорьевич.

Первый лучик солнца пробежал по макушкам сосен. Не хотелось нарушать радости, утра выстрелами. Я стал собираться, и Шубка тоже вскочила, — потягиваясь, виляла хвостом, умильно поглядывала смеющимися глазами то на меня, то на глухарей, висящих на суку. Вот встала, как вкопанная, услышала знакомое пощелкивание вдаль, однако я тут же схватил ее за веревочный ошейник и привязал на поясной ремень. Так было надежнее.

Мне захотелось окончательно убедиться, что ночью на остров заходили лоси. Вскоре Шубка и я наткнулись на свежие следы нескольких лосей шагах в пятидесяти от нашей стоянки. Они вели в противоположную сторону от глухариного тока, туда, где остров удлинялся и переходил в болото. Идя по следам, мы вышли на берег. С этой стороны до противоположных сосняков было ближе. Лосиный след уходил в пойму. Не след,

а целая тропа, будто здесь гоняли стадо коров. Я сделал несколько шагов по пойме и с радостью убедился, что кочки стоят крепко, даже не зыблются. Все же решил не рисковать и снова вооружился длинными березами.

Переход через пойму в новом месте оказался легче, чем можно было предполагать. Лишь с десятков метров переползал я, опираясь на стволы березок, да и то, быть может, потому, что боялся ровной сплавины.

И все же, когда выбрался к соснякам, ступил на безопасную полосу, я оглянулся и вздохнул с несказанным облегчением.

«Прощай, грива! Хотя и нет на тебе леших, а не очень приветлива ты, — подумал я и спросил. — А почему — грива? — А потому, что она все-таки не остров, наверное, а полуостров и не иначе, как леший понес тебя пробираться к нему с самой опасной стороны! Горе-следопыт! Лоси лучше тебя знают, как ходить по болотам. Надо было сообразить, что раз остров вытянут, раз он «грива» — значит, где-нибудь может соединяться с лесом. Не знаешь броду — не суйся», — такую лекцию прочел я себе, сидя на широкой кочке. А потом мы отправились разыскивать оставленную вчера сумку.

Скажу лишь, что нашли мы не только сумку, а вместе с ней донельзя встревоженного Петра Григорьевича с целой гурьбой колхозников, которые отправились на розыски.

ИЗ ПРОШЛОГО ТЕАТРА-ЮБИЛЯРА

В этом году Свердловскому театру оперы и балета имени А. В. Луначарского исполнилось 50 лет. 12 октября 1912 года оперой «Иван Сусанин» открылся его первый сезон. На снимке — одна из программ театра. Программа спектакля «Ромео и Джульетта» занимает небольшую часть листа. А вокруг — разнообразные объявления торговых фирм, рекламы мануфактурных товаров... Заглянет человек в программу, чтобы узнать, кто поет Ромео или Джульетту, а в глаза бросается реклама торгового дома братьев Агафуровых.

Вот в таких условиях соседства искусства и коммерции, а иногда и полной зависимости от денежного мешка городских толстосумов работал театр до революции.

Но екатеринбургский зритель полюбил театр. На сцене его выступали талантливые певцы. Опытный музыкант-дирижер Сильвие Барбини и режиссер А. Я. Альтшулер руководили труппой, в составе которой пели бассамородок В. А. Гагаенко, драматический тенор А. Г. Борисенко, молодой баритон А. Н. Ульянов, впоследствии известный певец и профессор Ленинградской консерватории.

Это были яркие, но трудные годы в истории театра. Балет состоял из четырех пар, и самостоятельных балетных спектаклей, конечно, не было. Художник И. Белкин получал плату за площадь декораций — в контракте так и было сказано: «обязуется написать столько-то квадратных аршин декораций». Потом эти «квадратные аршины» кочевали из оперы в оперу. Хор славился слаженностью и чистотой пения, но хористы получали ничтожную плату. Даже в бенедис хора им выплатили... по три рубля. Протест хормейстера Попова театральная дирекция расценила как неприличный.

Во время колчаковщины театр по существу прекратил существование. Здесь шли в основном представления типа варьете, иногда совершенно непристойные. В подвале работало кабаре.

Перелом в развитии театра наступил только в советское время. В зрительный зал пришел новый слушатель — рабочие и красноармейцы. В холодном зале, не снимаемая шинелей и полушубков, они от всей души сочувствовали Татьяне и Онегину, Фаусту и Маргарите.

Нелегко было и артистам. Многие спали в ложах, получали скудный паек — хлеб, воблу и кусочек сахара, болели и мерзли: холод в театре был такой, что в сцене подводного царства (опера «Садко») артисты появлялись в шубах и валенках.

Но театр быстро рос и развивался. В труппе работали выдающиеся мастера, советского оперного искусства: дирижеры А. Э. Маргулян, В. В. Бердяев, А. М. Пазовский, Л. П. Штейнберг, режиссеры Н. И. Боголюбов, В. А. Лосский, Л. В. Баратов. Блестящий состав солистов, великолепный оркестр вывели театр в число лучших оперных коллективов страны. Здесь пели молодой И. С. Козловский, Фатима Мухтарова, Григорий Пирогов. Здесь начинал свой творческий путь С. Я. Лемешев. Впервые он выступил в роли старого царя Берендея в опере «Снегурочка». Сохранилась фотография, на которой длинная седая борода и мохнатые брови не могут скрыть юношеского блеска глаз.

В поисках новых путей оперного искусства не обходилось и без казусов. У И. С. Козловского сохранилась интересная фотография. Он и артист Будневич разъезжают по сцене на лошадях. Лошади пугались музыки и света прожекторов, шарахались, вставали на дыбы — и тогда сцена моментально пустела, даже суфлер убежал из будки. К счастью, режиссер вовремя спохватился, и на премьере «Князя Игоря» лошади, мирно помахивая хвостами, под надзором дюжины конюхов, стояли на заднем плане: отказаться от лошадей совсем режиссер не решился.

На сцене, ломая былые традиции, появлялись советские оперы — «Тихий Дон» и «Поднятая целина» И. Дзержинского, «Овод» и «Орлена» нашего земляка В. Трамбичского.

Свой пятидесятилетний юбилей театр встретил с большим и разнообразным репертуаром: классическая опера Верди «Отелло», полузабытая «Заза» Леонковалло и рядом с ними — современнейший остро сатирический «Бравый солдат Швейк» А. Спадавеккиа, балет совет-

ского композитора В. Юровского «Янко-музыкант», спектакль «Пер Гюнт», созданный на основе музыки Грига. История входит в современность, обогащая ее лучшими традициями, новое заставляет иначе прочитывать страницы классики.

Пятьдесят лет борьбы и поисков, накопления опыта и мастерства — все это для нового взлета, для создания искусства, достойного коммунистического общества.

ОБУВЬ. ШАШКИ, ДОРОЖНИЙ АЖИ
Торговый Дом
Г. А. Моисеев с^{ом}

А. Катык К **ЛУЧШАЯ ГИЛЬЗЫ**

ПРОГРАММА.

Въ Воскресенье 17-го Ноября
ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТ

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА

ДВѢСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Опера из 5 дѣйств. Муз. Гуно перел. Анкратъ	
Джульетта, дочь Капулета	— г-жа Ванъ-Бринъ
Стефано, папъ Ромео	— г-жа Тарновская
Гертруда, дѣвн. Джульетты	— г-жа Платонова
Ромео	— г. Лоховъ
Табалла, шекеникъ Капулета	— г. Раисовъ
Бенедико	— г. Блудевъ
Меркуцио	— г. Холшевъ
Григорій, слуга Капулета	— г. Соколовскій
Капулетъ	— г. Магскій
Отец Лоранъ, духовникъ Капулетовъ	— г. Брюннеръ
Герцоги	— г. Идмановъ
Парезъ	—

БАЛЕТЪ изъ 4-хъ партъ надъ рук. Балетмейстера Франца Трауэнскаго.
Прологъ балетнаго дома Столяк.

Балетмейстеръ В. Я. Морской. Главный режиссеръ М. В. Фоминковъ.
Режиссеръ С. М. Удальгинъ. Декораторъ Л. Г. Ефимкинъ.

Начало спектакля ровно въ 8^{1/2} ч. веч.

А И О Н С Б 18 ноября — „Модомъ Баттерфляемъ“. Готовятся къ постановкѣ „Пренесенная Елена“ и „Чародейки“.

Послѣ 7^{1/2} час. вечера продаются отдѣльные билеты на всѣ свободныя ложи и уменьшенскіе билеты не ближе 10 рубл.

Прожители театральнаго Дирекціи и артисты не получаютъ билетовъ на спектакль, но въ случаѣ необходимости могутъ получить билеты по предъявленіи служебнаго удостоверенія.

Дирекція оставляетъ за собою право, въ случаѣ болѣзни артистовъ, замѣнить ихъ другими.

Послѣ третьяго звонка входъ въ залъ на въ данномъ спектакль не допускается.

Лиоретто всѣхъ оперъ продаются

новость! Оказаны в Дѣлѣ. Поставщики Высочайшаго Двора.
Серебряный Лапышъ. Т-во А. Ралле и К.

ГРИН-БЛИН

Почему русский писатель Александр Степанович Гриневский стал Грином? Это объясняется очень просто. В школьные годы мальчишки дали ему прозвище «Грин-блин». Прозвище было смешным, но не обидным, и потому запомнилось. Когда Грин начал писать, он жил в Петербурге, находясь на нелегальном положении. Жил он под чужим паспортом на имя Алексея Мальгинова. Этим именем и был подписан первый напечатанный его рассказ «В Италию».

Вскоре надобность в чужом паспорте отпала, но жить под собственной фамилией было небезопасно, и вот вспомнилось школьное прозвище.

Так писатель Гриневский стал Грином.

ПОБЕГ

В 1906 году Грин был выслан из Петербурга в Тобольск на четыре года за революционную работу. Он шел по этапу, под строгим надзором. В руках конвоиров был так называемый «открытый лист» с приметами Грина на случай побега. В нем сказано: «Рост 2 аршина, 7 и 7/8 вершка, лицо — чистое, глаза карие, волосы, усы, брови — русые, борода — бритая, нос — умеренный».

ЗЕЛЕНАЯ УТКА

Витька со старшим братом Костей рыбачил на Кривом озере. Витьке тринадцать лет, а Косте двадцать один. Костя токарь и охотник. На охоту он Витьку не берет, мал еще, а вот на рыбалку взял. У Кости клевали окуни, а у Витьки нет. Что он только не делал: и червей менял, и плевал на них, чтоб вкуснее были, раз десять место сменил, — не клюет и все. Маялся-маялся Витька и стал у брата удочку просить: дай мол на твою половлю. А Костя смеется и не дает. Удочки, говорит, у нас одинаковые, а почему не клюет — сам догадаться должен.

Тут он сразу на обе удочки по окуню вытащил. Бросился Витька помочь рыбу с крючка отцепить и понял все сразу. Поплавок на удочке брата до середины лески поднят, значит, крючок на дно ложится, а у Витьки он всего на метр опускается. Схватил Витька удочку, передвинул поплавок, закинул — и сразу поклевка. Выволок окуня да большущего! А Костя смеется: «Я думал, не догадаешься!»

К вечеру тихо стало у озера, только птицы в кустах поют да рыба в омутах плещется.

— Слышь, Костя, кто это, а? — шепотом

Дойдя до города Туринска, Грин бежал.

Весь многоверстный путь от Сибири до Вятки Грин одолел пешком.

Труден был этот путь. Ночевать приходилось Грину в лесу, в прибрежных кустах и под лодками, в пустых домах и сараях. Даже разводить костры было опасно.

Особенно трудно было беглецу в дождливые дни. Ботинки промокали насквозь, одежда тоже.

В деревнях с великой осторожностью, через мальчишек Грин покупал молоко, яйца, хлеб. Иногда ему удавалось наловить рыбы, насобирать ягод.

Только длительный бродяжнический опыт и выносливость помогли Грину преодолеть все трудности этого перехода. В Вятке его приютил отец. Он работал в городской больнице бухгалтером, и эта работа предоставила ему счастливый случай достать для сына паспорт одного из умерших пациентов. С этим паспортом Грин возвратился в Петербург.

АЛЫЕ ПАРУСА

В старом Крыму не было мальчишки, который бы не знал Грина. Они приходили в восторг от его мужественных рассказов о море, о несбывшихся путешествиях, о выдуманной стране Грин-

спросил Витька. — Как утка крикает...

Это и в самом деле было похоже на утиную криканию, только звуки более резкие и короткие.

Костя вынул из кармана расческу, спичечную коробку и стал водить расческой по коробке. Получился тот же самый звук.

— Сейчас подманим, — сказал он брату.

«Трр-трр», — потрескивал Костин манок, — «Трр-трр», — откликнулся голос из лугов. Голос приближался. Теперь он раздавался совсем рядом, в ивовом кусте.

— Кто это, утка?

— Угу, утка, — согласился Костя, надевая на крючок червяка.

— А какая она?

— Зеленая!

— Зеленых уток не бывает.

— А эта зеленая.

— Пойдем поймаем!

— Была охота! Вдвоем такую маленькую уточку ловить. Да она и летать не умеет.

— А как же она на юг на зимовку добирается? — удивился Витька.

— Пешком.

— Разогни! — Витька протянул Косте согнутый крючком и перемазанный в земле палец. — Если бы пешком шла, так ее бы миглом всякие хищные звери сожрали.

— Так она же зеленая, ее не видно.

— А вот сейчас пойду и посмотрю. — Витька

О ГРИНЕ

ландии с ее пленительными портовыми городами Зурбаганом, Гель-Гью, Лиссом...

Летом Грин носил черную фуражку с белым чехлом, которая называлась «капитанкой». Это дало повод мальчишкам называть его капитаном. И когда он шел по городу, постукивая по камням тростью, с постоянной папиросой в зубах, — мальчишки торжественно сообщали друг другу: капитан пошел! И гуськом, на почтительном отдалении следовали за ним.

Однажды сидел Грин на большом, отшлифованном волнами камне у самого моря. К нему подкрался вихрастый мальчуган. В одной руке он держал раковину, в другой — легкий кусок древесной коры.

— Здравсте, капитан, — вежливо поздоровался он.

Грин обернулся, увидел восхищенные глаза мальчика и улыбнулся.

— А ну-ка, — сказал он, — покажи мне свои сокровища!

Меланхолично насвистывая, капитан Грин быстро смастерил из коры кораблик. Выдавшим виды ножом, от которого мальчуган не отрывал глаз, он выдолбил и обстругал дно, сделал скамеечку и начал мастерить высокую рею. Но случайно порезал палец и, чтобы остановить кровь, крепко обмотал его лоскутом, оторванным от платка.

Вскоре готова была и рея. Кораблик получил-ся на славу!

поднялся с земли и направился к кусту. Вернулся он, когда стало совсем темно.

— Ну, поймал утку? — спросил Костя.

— Поймаешь ее! Она как лошадь бегаёт, даже в глаза не видел.

— А я что говорил? Ложись-ка лучше спать, охотник.

Витьке не спалось. Когда в небе посветлело и трава сделалась матовой от обильной предутренней росы, он встал и, упрямо закусив губу, пошел туда, где кричала утка. Он шел по пояс в мокрой от росы траве. Синие лепестки герани липли к сырým коленям. «Посмотрим, какая ты зеленая, — твердил Витька. — Тебе тоже придется по росе побегать».

Костя снимал с крючка крупного чебака, когда услышал за спиной Витькино прерывистое дыхание. От его одежды шел пар. Левый тапочек порвался. Под глазом вздулся волдырь.

— Видел! — сказал Витька. — Никакая это не утка. Пичуга, вроде скворца, коричневая с белыми пестринками. И нос как у курицы.

— Угу! — равнодушно отозвался Костя, опуская чебака в ведро. И ноги длинные, красные. Коростель это, а еще дергачом его зовут.

— И летать он не хуже любой птицы может, — перебил Витька. — Я как прижал его, так мигом вспорхнул, только лапы мотаются.

— Он даже через моря перелетает, когда в Африку на зимовку летит, — подтвердил Костя.

— А чего ж ты мне голову со своей зеленой

А. С. Грин. Фотография сделана 11 марта 1911 года в Архангельской тюрьме (публикуется впервые).

— Эх, — сказал мальчуган, — вот здорово! Одно только плохо — нет парусов.

— Это, брат, легко поправимо, — успокоил Грин мальчика. — Видимо, кстати, я порезал палец, — и, размотав окрашенный кровью лоскуток, сделал из него паруса...

На море покачивался крошечный кораблик, подгоняемый ветром.

— Алые паруса, — удовлетворенно прошептал мальчик, дрожа от утренней свежести и восторга.

В. СМИРЕНСКИЙ.

уткой морочил? — взорвался Витька. — Не мог по-человечески рассказать?

— Мор! Да ты бы и как звать эту птицу через пять минут забыл. А теперь надолго запомнишь.

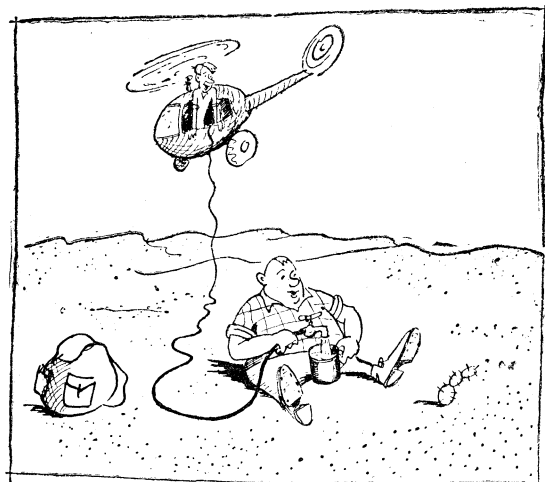
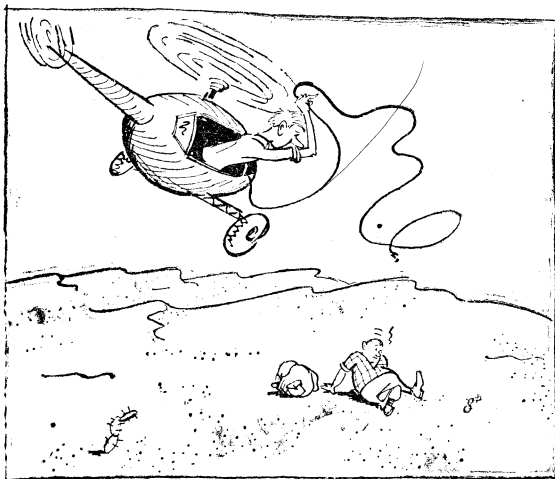
Всегда он такой, Костя: толком не объяснит, а обязательно с подковыркой.

Г. БАБАКОВ

В НОМЕРЕ:

ГРИША И МИША БЫВАЛЫХ В ПУСТЫНЕ

НАДЕЖНЫЙ ДРУГ. Николай Кондратьев. Отрывки из повести	1
ОН ВИДЕЛ ЛЕНИНА. В. Корешков	12
СТРОКА НА ПАМЯТНИКЕ В. Пролеткин	13
УРАЛ СТРОИТСЯ	14
В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ	15
РЯДОМ С ИЛЬИЧЕМ	16
75 РАЗ ВОКРУГ ЗЕМЛИ	18
ДОМИКИ НА КОРПУСАХ	18
МАШИНА-ГИГАНТ	18
ДВА ЭПИЗОДА. Е. К.	18
ТРИ СЛОВА. Ю. Трифонов, Стихотворение	19
БЕЛЬСКИЕ НОВЕЛЛЫ. Петр Дудочкин	20
ДОРОГА ДЛИННОЮ В СТО ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ. Борис Беленький. Очерк.	23
ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-УРАЛЬЦА	27
НЕВИДИМКИ и НЕФТЬ. Б. Цывьян	28
УРАЛЬСКАЯ МАРКА	29
СЫН КОСМОНАВТА. Вл. Разумневич. Рассказ	30
УРАЛЬЦЫ ПОД БОРОДИНО. И. Шакинко	32
РАЗГОВОР ОКОЛО СТАРОЙ ПУШКИ. Ю. Буранов	32
НАШИ АКТИВИСТЫ. Г. В. Вахрушев. Судьба двух озер	34
ПО ВЕЛИКОЙ ПРОГРАММЕ	36
КУРГАНУ 300 ЛЕТ	37
КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ. В. Еременко	38
УРАЛ — ТАШКЕНТ. Э. Ташбеков.	41
ИЗ НОВОЙ КНИГИ. Людмила Татьяничева	42
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	44
И ТАК БЫВАЕТ	45
ЧТО ТАИТСЯ В ШУЛЬГАН-ТАШЕ? О. Бадер.	46
СОЛНЦЕ В НОЧИ. Е. Коковин. Приключенческая повесть. Продолжение	49
ИМЕНИ УРАЛЬЦЕВ. А. Походов	61
ПОЕДИНОК С БОГОМ. А. Кучкин. Из воспоминаний	63
КОЛОКОЛЬНЫЙ ОМУТ. Мих. Зуев-Ордынец. Рассказ	66
ЛЕШАЧЬЯ ГРИВА. Н. Никонов. Рассказ	70
ИЗ ПРОШЛОГО ТЕАТРА-ЮБИЛЯРА	77
РАССКАЗЫ О ГРИНЕ. В. Смиренский	78
ЗЕЛЕНАЯ УТКА. Г. Бабаков. Рассказ	78

Обложка В. Воловича и А. Казанцева.

Главный редактор В. ШУСТОВ.

Члены редакционной коллегии: В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Л. НЕВЕРОВ (заместитель главного редактора), В. ОЧЕРЕТИН, Кл. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Г. ТОМИЛОВ.

Художественный редактор А. Асс.

Рукописи
не возвращаются.

Технический редактор
Э. Максимова.

Корректор
Г. Стороженко.

Наш адрес: Свердловск, ул. Малышева, 24. Телефон Д1-22-40.
Свердловское Книжное Издательство.

Подписано к печати 19/X 1982 г. Бумага 84×108/16=2⁵/₈ бум. л.—8,61 веч. л. Уч.-изд. л. 12,36.
НС 35887. Тираж 80 000. Цена 30 коп. Заказ 731.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

В дорогах дальних закален
И в трудных поисках испытан.
Зовется он, зовется он —
„УРАЛЬСКИМ СЛЕДОПЫТОМ“!

Газета „НА СМЕНУ!“
орган Свердловского
комитета ВЛКСМ

Товарищ!

Газета — твой лучший друг.
Шагает рядом на труд и праздник.
Зовет на смену тысячам рук
Тысячи новых — хороших и разных.

ВЫПИСЫВАЙТЕ,

Журнал „УРАЛ“
орган Свердловского отделения
Союза писателей РСФСР
Выходит ежемесячно.

Новый роман или новая повесть,
Очерк, поэма, научная новость —
О многом поведает вам журнал.
Читайте, выписывайте „УРАЛ“!

Всем,
кому дорого звонкое слово!
Кому,
со стихом и прозой дружить!
Советуем:
в дружбе такой за основу
Взять газету „ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ“.

ЧИТАЙТЕ!

Подписаться можно в отделениях
Союзпечати и конторах связи

30 коп.

